

2024

Volume 18

No 1 (67)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2024

Том 18

№ 1 (67)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 162 с. Тираж 32 экз. Заказ № **23167**. Цена свободная. Дата выхода в свет 31.03.2024. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Dementyeva V. V.

Marcus Antonius ταμίας ἀντισπράτης: first known case of Roman quaestors being granted praetoral powers..... 8

Enzeld O. S.

Classification of ancient Greek wind musical instruments 18

Sarayeva E. L.

The political guidelines of the cadets in 1906 in the estimates of V. A. Maklakov 28

Sinitsyn F. L.

Attempt to Eliminate Cyrillic Writing in the USSR in 1920s – 1930s: Politics and Practice 36

Moysinovich A. M.

Reflection of Everyday Life of the Common Man on the Pages of the «Satyricon» Magazine. Part 2..... 46

Dashkovskaya O. D.

Mean values in historical studies..... 60

LAW

Ivanov A. B.

Problems of differentiation in the codes of labor laws of the RSFSR and the Labor Code of the Russian Federation 70

Solovyev O. G., Knyazkov A. A.

On the issue of the latency of corruption crimes in the field of physical culture and sports 78

Nguyen Q. H., Ivanovskaya N. V.

Conditions for compensation of additional expenses associated with causing harm to health by the owner of a source of increased danger in the law of Vietnam..... 88

Amelchakova A. V.
System of restrictions in public law..... 96

Korpusov A. V.
Falsification of registration of organizations and registration of rights
to securities in domestic criminal law..... 104

PSYCHOLOGY

Timofeeva Yu. N., Voronova T. A.
Value-semantic orientations of the personality of the potential
scientific and engineering elite..... 112

Smirnova A. Yu.
Job satisfaction of the young employees in the context of job insecurity..... 120

Lopatina N. V.
The structure of the phenomenon of aggressiveness of convicted
men in their supra-situational self-determination..... 134

Smirnova O. V., Lovkova E. A.
Meaningful manifestations of types of sensitivity to humans among
students of psychological and pedagogical areas of training..... 146

Bashkin M. V., Bakhvalova O. A.
Psychology students intrapersonal conflicts (sources and forms) at
the stages of university education..... 156

ИСТОРИЯ

Дементьева В. В.

Марк Антоний ταμίας ἀντιστράτηγος: первый известный случай
наделения римских квесторов преторскими полномочиями 8

Энзельдт О. С.

Классификация древнегреческих духовых
музыкальных инструментов 18

Сараева Е. Л.

Политические ориентиры кадетов в 1906 г.
в оценках В. А. Маклакова 28

Синицын Ф. Л.

Попытка ликвидации кириллической письменности
в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: политика и практика 36

Мойсинович А. М.

Отражение повседневной жизни обывателя
на страницах журнала «Сатирикон». Часть 2 46

Дашковская О. Д.

Средние величины в исторических исследованиях 60

ПРАВО

Иванов А. Б.

Проблемы дифференциации в кодексах законов о труде РСФСР
и Трудовом кодексе РФ 70

Соловьев О. Г., Князьков А. А.

К вопросу о латентности коррупционных преступлений
в сфере физической культуры и спорта 78

Нгуен К. Х., Ивановская Н. В.

Условия возмещения дополнительных расходов,
связанных с причинением вреда здоровью
владельцем источника повышенной опасности в праве Вьетнама 88

Амельчакова А. В.
Система ограничений в публичном праве 96

Корпусов А. В.
Фальсификация регистрационного учета организаций
и учета прав на ценные бумаги в отечественном уголовном праве.....104

ПСИХОЛОГИЯ

Тимофеева Ю. Н., Воронова Т. А.
Динамика вузовской адаптации студентов медицинского вуза,
обучающихся по целевому договору.....112

Смирнова А. Ю.
Удовлетворенность трудом молодых сотрудников
в контексте отсутствия гарантий занятости.....120

Лопатина Н. В.
Структура феномена агрессивности осужденных мужчин
при их надситуативном самоопределении.....134

Смирнова О. В., Ловкова Е. А.
Содержательные проявления типов чувствительности к человеку
у студентов психолого-педагогических направлений подготовки.....146

Башкин М. В., Бахвалова О. А.
Об источниках и формах внутриличностных конфликтов
студентов-психологов на этапах обучения в вузе.....156

Marcus Antonius ταμίας ἀντιστράτηγος: first known case of Roman quaestors being granted praetoral powers

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-8-17

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the inscription from the Delos island (ID 2. 1603), in which the official status of Marcus Antonius Orator is designated as ταμίας ἀντιστράτηγος – quaestor-propraetor, which is the first known case of Roman republican quaestors being granted the powers of praetors (quaestor pro praetore). Other epigraphic and narrative sources are involved into analysis. The author of the article dates the empowerment of quaestor M. Antonius with the powers of propraetor to 113 BC and rejects his case as an evidence that the pro praetore proquaestors were officially called quaestors in inscriptions (as was accepted in the historiography of the issue).

Keywords: ταμίας; ἀντιστράτηγος; quaestor; pro praetor; pro quaestore; epigraphy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva, Vera V. | E-mail: v.dementeva@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-1305-3251
D. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Марк Антоний *ταμίας ἀντιστράτηγος*: первый известный случай наделения римских квесторов преторскими полномочиями

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-8-17
УДК 94(3)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется надпись с о. Делос (ID 2. 1603), в которой должностной статус Марка Антония Оратора обозначен как *ταμίας ἀντιστράτηγος* – квестор-пропретор, что является первым известным случаем наделения римских республиканских квесторов полномочиями преторов (*quaestor pro praetore*). Привлекаются другие эпиграфические и нарративные источники. Автор статьи датирует наделение квестора М. Антония полномочиями пропретора 113 г. до н. э., отвергает его случай в качестве доказательства того, что проквесторы *pro praetore* официально в надписях назывались квесторами (как это принималось в историографии вопроса).

Ключевые слова: *ταμίας; ἀντιστράτηγος; quaestor; pro praetore; pro quaestore;* эпиграфика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева, Вера Викторовна | E-mail: v.dementeva@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-1305-3251
Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018).

М. Антоний – претор 102 г. и консул 99 г. до н. э.¹, достигший вершины карьеры римского политика республиканской эпохи – магистратуры цензора в 97 г. до н. э., превосходный оратор (Cic. Brut. 37-39, 44, 57), учитель Цицерона, дед триумвира; его деятельность была связана с различными важными событиями конца II – начала I в. до н. э.², поэтому сведения о нем привлека-

¹ Должностной статус Марка Антония в период 102–99 гг. до н. э. был мною рассмотрен в специальной статье [1].

² Одним из самых значимых его деяний было руководство операциями на море в 102–101 гг. до н. э. М. Г. Абрамзон обосновывает, что Марк Антоний проводил операции © ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ются антиковедами по разным поводам. Одним из таких исследовательских вопросов является изучение квестуры и проквестуры³, поскольку М. Антоний занимал в начале своего *cursus honorum* низшую магистратуру. В историографии квестуры/проквестуры сформулировано несколько тезисов, которые обосновываются отсылками на пример Марка Антония, адекватность их нуждается, на наш взгляд, в проверке.

В 2006 г. при обсуждении дискуссионного вопроса о датировке квестуры Л. Лициния Лукулла⁴ Бернд Крайлер [5, S. 73–82] сделал вывод: «Можно постулировать, что проквестор, который в сулланское время получал пропреторский империй в одной из провинций греческого Востока, в надписях фигурирует как ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος» [5, S. 81], т. е. обозначался как квестор с преторскими полномочиями. Б. Крайлер в качестве аргумента данного утверждения приводил пример Марка Антония, который, по рассуждениям немецкого исследователя, будучи квестором в 113 г. до н. э., в следующем, 112 г. до н. э., должен был быть проквестором, а в том году он обозначен – в отношении его должностного положения – как ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος. Б. Крайлер ориентировался на Т. Р. Броутона, который для 112 г. до н. э. причислил М. Антония к промагистратам (как пропретора), а квестуру его датировал 113 г.; заметим, точности ради, что проквестором для 112 г. Т. Р. Броутон тем не менее Антония не называл⁵. В силу авторитета справочника Т. Р. Броутона (обеспеченного его фундированностью) имеющиеся в нем сведения нередко принимались и принимаются исследователями как данность, хотя в отношении квестуры М. Антония еще в конце 60-х гг. XX в. Эрх Груен предположил, что Марк мог быть квестором в 114 г. до н. э., а не в 113 (как это определял Броутон), не указывая каких-то конкретных оснований для такой датировки [7, p. 61].

За десять лет до публикации статьи Б. Крайлера Клод Эйлерс использовал этот же пример М. Антония для обоснования вывода о том, что низшему магистрату, квестору (а также проквестору), могли изначально целенаправленно выделить провинцию как наместнику, куда его посылали *pro praetore* из-за нехватки собственно преторов [8, p. 181–182]. Случай М. Антония – первое по времени употребление термина ταμίης καὶ ἀντιστράτηγος как греческого аналога латинского *quaestor pro praetore* (т. е. хронологически первое упоминание квестора с пропреторскими полномочиями), он требует особого внимания с учетом высказанных – с использованием

против Киликии не только на море, но и на суше [2, с. 46–55].

³ В данном случае речь идет о квесторах вне Италии и продлении им полномочий в статусе проквесторов. О задачах их деятельности и функциях см.: [3]

⁴ Об этой дискуссии, в ходе которой остро встала проблема обозначения статусов *quaestor pro praetore* и *proquaestor pro praetore* в греческих надписях (и в целом в античных источниках), см. [4]:

⁵ Т. Р. Броутон определял так: 113 г. до н. э. – *quaestor* [6, p. 536]; 112 г. – *quaestor pro praetore* [6, p. 539].

его в качестве примера – приведенных обобщающих исследовательских положений.

О занятии оратором Марком Антонием магистратур имеются сведения как нарративной традиции, так и эпиграфики, в том числе и обозначения его как квестора (Val. Max. III.7.9) и квестора с пропреторскими полномочиями (ID 2. 1603) [9, p. 66]. Валерий Максим сообщает, что Марк Антоний в качестве квестора прибыл в Брундизий, где получил письмо от претора Л. Кассия с обвинениями в инцесте, после чего спешно возвратился в Рим, где добился оправдания, прежде чем снова отбыл из города⁶. Фридрих Зобек именно это свидетельство Валерия Максима рассматривал как позволяющее констатировать квестуру Марка Антония в 113 г. до н. э., местом деятельности которого была провинция Азия, заметив при этом, что Луций Кассий был не претором, а квестором [11, S. 20].

Надпись, обнаруженная на Делосе (ID 2. 1603), выполнена на базе статуи Марка Антония; в ней демос Простенны Писидийской воздавал почести Марку Антонию, сыну Марка, квестору, действовавшему «вместо претора». После ее находки в 1889 г. встал вопрос о датировке указанной в ней должности Антония. Инскрипция найдена на Делосе у портиков Филиппа и Аттала. Размеры: общая высота находки – 1,74 м, высота верхней части – 0,90 м, ширина внизу – 0,67 м, вверху – 0,64 м, толщина – 0,535 м. Буквы – от 0,024 м, интервал между строками – от 0,01 м, между 7 и 8 строками – пробел в 0,08 м, интервал между буквами значительно варьируется.

Подобные надписи на базах статуй для делосских находок нередки; скульптурные изображения тех, кого почитали, посвящали богам. Статуи ставились у входа в храм; судя по всему, посвящением скульптуры человека богам его отдавали под особое их покровительство – такие почести предоставлялись, как сообщает Павсаний, жрецам (жрицам), героям и людям, которых изображали в образе героев (Paus. II. 17. 3). Указанный в надписи город, чьи жители воздавали почести Антонию, – Простенна,

⁶ Val. Max. III.7.9: *Contra M. Antonius ille disertus non enim respuendo, sed amplectendo causae dictionem quam innocens esset testatus est quaestor proficiscens in Asiam, Brundisium iam peruenerat, ubi litteris certior incesti se postulatum apud L. Cassium praetorem, cuius tribunal propter nimiam seueritatem scopulus reorum dicebatur, cum id uitare beneficio legis Memmiae liceret, quae eorum, qui rei publicae causa abessent, recipi nomina uetabat, in urbem tamen recurrit. quo tam pleno fiduciae bonae consilio cum absolutionem celerem tum profectionem honestiorem consecutus est.* «Напротив, известный красноречием Марк Антоний засвидетельствовал свою невиновность, не отвергая, а принимая защиту своего дела. Направляясь в качестве квестора в Азию, он уже достиг Брундизия, когда узнал из письма, что обвинен в инцесте перед претором Луцием Кассием, чей трибунал из-за чрезмерной суровости называли подводным камнем для подсудимых. Хотя ему можно было уклониться от него по милости Меммиева закона, который запрещал принимать жалобы на тех, кто отсутствует по общественной надобности, он все-таки поспешил обратно в Рим. Благодаря этому решению, преисполненному похвальной уверенности, Антоний добился, что и оправдан был быстро, и уехал с большим почетом». (Пер. А. М. Сморгчева) [10, с. 159].

лат. Prostaenna, греч. Πρόσταεννα или Πρόσταμα, как она названа Птолемеем (Ptol. V. 3. 8), город в Писидии, области на юго-западе Малой Азии.

Первая публикация надписи принадлежит Жоржу Дюбле [12, p. 155]. Воспроизведем прорисовку, выполненную им:

Ο Δ Η Μ Ο Σ Ο Π Ρ Ο Σ Τ Α Ε Ν Ν Ε
 Ω Ν Π Ι Σ Ι Δ Ω Ν Μ Α Α Ρ Κ Ο Ν
 Α Ν Τ Ω Ν Ι Ο Ν Μ Α Α Ρ Κ Ο Υ Υ Ι Ο Ν
 Τ Α Μ Ι Α Ν Α Ν Τ Ι Σ Τ Ρ Α Τ Η Γ Ο Ν
 Ρ Ω Μ Α Ι Ω Ν Α Ρ Ε Τ Η Σ Ε Ν Ε Κ Ε Ν
 Κ Α Ι Ε Υ Ν Ο Ι Α Σ Τ Η Σ Ε Ι Σ Ε Α Υ
 Τ Ο Υ Σ

Δ Ι Α Π Ρ Ε Σ Β Ε Υ Τ Ω Ν Α Τ Τ Α
 Θ Α Ρ Ω Ξ Ι Ο Σ Α Γ Ε Λ Α Ο Υ Μ Α Ν Ο Υ
 Μ Ι Σ Τ Α Ν Ι Σ Θ Ο Υ Μ Ο Τ Ω Ξ Ι Ο Σ

Приведем реконструкцию по публикации П. Русселя и М. Лонэ [9, p. 66]:

Ἵ δῆμος ὁ Προσταεννέ-
 ὼν Πισιδῶν Μάαρκον
 Ἰ Αντώνιον Μάαρκου υἱὸν
 ταμίαν ἀντιστράτηγον
 5 Ῥωμαίων, ἀρετῆς ἕνεκεν
 καὶ εὐνοίας τῆς εἰς ἑαυ-
 τόν,

διὰ πρεσβευτῶν ἸΑττα
 Θαρῶξιος υ. ἸΑγελαοῦ Μανοῦ
 10 Μιστανίσθου υ. Μοτώξιος.

Реконструкция П. Русселя и М. Лонэ отличается от реконструкции Ж. Дюбле тем, что в 7 строке у последнего стояло перенесенное окончание слова не τον, а τους (окончание аккузатива не единственного числа, а множественного). Как видим, в прорисовке Ж. Дюбле тоже окончание множественного числа. П. Руссель и М. Лонэ прорисовку в своем издании не приводили.

Воспроизведем текст надписи:

Ἵ δῆμος ὁ Προσταεννέων Πισιδῶν Μάαρκον Αντώνιον Μάαρκου υἱὸν ταμίαν ἀντιστράτηγον Ῥωμαίων, ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς ἑαυτόν, διὰ πρεσβευτῶν ἸΑττα Θαρῶξιος ἸΑγελαοῦ Μανοῦ Μιστανίσθου Μοτώξιος.

Дадим перевод до перечисления имен послов:

«Народ простеннеев писидийских {посвящает статую} Марка Антония, сына Марка, квестора-пропретора римлян за его доблесть и благосклонность, через послов...». Далее следуют имена послов, первое имя, видимо, сохранилось не полностью, могут отсутствовать, судя по прорисовке, три буквы. Послов было либо шесть, либо, возможно, трое (что отмечали П. Руссель и М. Лонэ), во втором случае – три группы из двух имен, тогда следует считать, что имена их давались с указанием имен отцов в генетиве. Поэтому не ясно, как расставить знаки препинания внутри перечисления их имен. Но для темы нашего исследования эти собственные имена значения не имеют, поэтому мы можем их не транслитерировать в переводе текста надписи.

Первоначально, три года спустя после обнаружения надписи, Ж. Дюбле отнес ее текст к 650 г. от основания Рима (т. е. к 102 г. до н. э.), ко времени претуры Марка Антония, связав его прибытие в Писидию с событиями борьбы с пиратами [12, р. 155]. Затем Морис Олло соотнес время отмеченной в данной надписи должности ταμίας ἀντιστράτηγος М. Антония со 113 г., когда он в качестве квестора был направлен в провинцию Азия [13, р. 91–92; см. также: 9, р. 66]. Именно эта дата квестуры с преторскими полномочиями М. Антония была, в конце концов, воспринята историографией рубежа XX – XXI в. [см., например: 14, р. 38. п. 102], хотя, как выше отмечено, в начале 50-х гг. Т. Р. Броутон связал статус ταμίας ἀντιστράτηγος М. Антония со 112 г. до н. э. Франциск Ксавьер Райан осторожно замечал, что нельзя быть уверенным в том, что Антоний был *proquaestor pro praetore* в 112 г., а не *quaestor pro praetore* в течение короткого времени в 113 г. [15, р. 149], добавляя, что техническое выражение на латыни – *quaestor pro praetore* не может относиться к проквестору, это обозначение квесторской должности.

Дополнительно датировка квестуры Антония с наделением его пропреторскими полномочиями 113 г. до н. э. была аргументирована Жаном-Луи Феррари [16, р. 187]. Он так объяснил наделение квестора Антония пропреторской властью: наместник провинции умер, не был заменен в конце года, что и повлекло дополнительные полномочия Антония, исполнявшиеся им до прибытия нового наместника с новым квестором. Подкрепил этот вывод Ж.-Л. Феррари данными нумизматики, надписью на цистофоре из Эфеса *Ma(rcus) Antoniu(s) q(uaestor)*, опубликованной в книге Герда Штумпфа [17, р. 13–17]. Обычно на таких монетах фиксировалось имя наместника провинции, следовательно, указание на Марка Антония свидетельствует, что он выступал в качестве носителя высшей власти в ней. Ж.-Л. Феррари при этом отверг совершенно справедливо, на мой взгляд, мнение К. Эйлера о том, что наместничество в Азии могло быть непосредственно возложено на квестора или проквестора в годы, когда еще один магистрат в преторском ранге был направлен в Киликию [8, р. 181–182]. Поддержал аргументацию Ж.-Л. Феррари П. Тонеманн [18, р. 81]. Со своей стороны,

отмечу, что мне представляется несостоятельным в целом утверждение К. Эйлерса о том, что квестору могли изначально целенаправленно выделить провинцию как наместнику, куда его посылали *pro praetore* из-за нехватки собственно преторов. Квестору выделяли сферу деятельности (одну из квесторских «провинций» в этом значении данного слова) либо по жребию, либо *extra sortem*, но всегда это изначально был для него именно квесторский круг обязанностей [см. об этом: 19, с. 236–251], расширение которого могло произойти уже спустя какое-то время.

В последней по времени издания работе, в которой обращается внимание на надпись, являющуюся предметом изучения в данной статье (в первой и единственной в мировом антиковедении монографии по магистратуре квесторов) Франсиско Пина Поло и Алехандро Диас Фернандес, датируя квестуру М. Антония в Азии 113 г. до н. э. [20, р. 61, 214, 338], пишут, что предположительно он оставался в этой провинции как *proquaestor pro praetore* в 112 г. до н. э., поскольку под этим титулом был удостоен чести на Делосе писидийским городом Простенной, и далее цитируют надпись (ID 2. 1603), в которой речь идет отнюдь не о проквестуре-пропретуре, а о квестуре-пропретуре. Удивительным образом специалисты по квестуре считают, что ταμίαν ἀντιστράτηγον Ῥωμαίων надписи аргументирует данное их утверждение, при этом они не отмечают, что разделяют позицию тех, кто полагает, что проквестор в надписях мог называться квестором (ошибочно или как распространенная практика). К тому же Ф. Пина Поло и А. Диас Фернандес никак не реагируют на доказательную базу Ж.-Л. Феррари вывода о том, что в именно должности квестора М. Антоний в 113 г. исполнял пропреторские обязанности, хотя соответствующую статью Феррари вносят в библиографический список своей книги [20, р. 354].

Весьма вероятно, что к Марку Антонию имеет отношение еще одна надпись, найденная на Делосе и опубликованная Теофилом Омоллем [21, р. 131]. Текст и место находки этой надписи дают основание связать ее с его именем. Она найдена у портика Филиппа, там же, где и анализируемая в статье, а также в том месте обнаружена еще одна (ID. 1700) [9, р. 97], определенно относящаяся к М. Антонию, поскольку в ней сохранились и родовое, и личное имена. Но данная содержит только имя Марк и указывает на занятие данным лицом римской пропреторской должности: καὶ ἀντιστράτηγον Ῥωμαίων.

ΜΑΑΡΚ
 ΤΑΜΙΑΝΚΑΙΑΝΤΙΣΤΡΑΤΗΓΟΝ
 ΡΩΜΑΙΩΝΔΙΟΝΥΣΙΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
 ΣΦΗΤΤΙΟΣ ΥΤΟΥΦΙΛΟΝ
 ΓΟΛΛΩΝΙ

Μάρκ[ον... ταμίαν] καὶ ἀντιστράτηγον Ῥωμαίων, Διονύσιος
Διονυσίου Σφήττιος, [τὸν ἐα]υτοῦ φίλον, [Ἄ]πόλλωνι.

Дадим перевод реконструированного текста:

«Марка [... квестора] и пропретора римлян, [своего] друга, Дионисий сын Дионисия Аполлону {статую посвящает}.»

Если все-таки эта надпись упоминает интересующего нас в данном случае человека, то она подтверждает именно пропреторский его статус, причем, скорее всего, – *quaestor pro praetore*, поскольку более вероятно, что во второй строке, целиком сохранившейся, *ταμίαν* было целым словом, оно не имело своего начала в конце первой строки (*ἀντι*).

Небезынтересно добавить, что со 113-м г. до н. э. связано первое упоминание проквестуры как таковой (без дополнительных полномочий магистрата с империем) – к этому году относится датировка надписи с острова Самофракии (CIL. I2. 662 a-b; CIL.III. Suppl. I.1. 7367), сохранившейся в копии, сделанной итальянским гуманистом XV в. Кириаком Пиццелколли (Кириаком из Анконы) [см. об этом: 22, с. 3–11]. На этой основе возникает предположение, что в указанном году оказалась острой проблема недостатка носителей империя, действовавших в провинции, – она, не исключено, оказалась глобальнее, чем смерть наместника одной провинции, на которую обратил внимание Ж.-Л. Феррари. Это и могло повлечь за собой наделение действующих квесторов полномочиями пропреторов, а квесторов, завершивших свой административный год, – полномочиями проквесторов. Ведь если избранный квестор, получивший в качестве провинции (сферы деятельности) назначение за пределы Италии, вместо исполнения непосредственно своих, квесторских, полномочий, выполняет функции промагистрата с империем, то квесторские функции тем не менее кто-то должен выполнять – для этого продлеваются полномочия завершивших свой магистратский год квесторов, они наделяются статусом проквесторов. Тем самым создавалась четкая цепочка должностных замещений, но отнюдь не хаос в магистратских и промагистратских статусах, который можно заподозрить, если признать, что проквесторы в надписях могли называться квесторами. Могло, конечно, оказаться, что получение в 113 г. до н. э. функций проквестора на Востоке Марцеллом (Т. Р. Броутон предполагал, что в Македонии, но, может быть, и в Азии) явилось результатом именно того, что квестор Марк Антоний был наделен пропреторскими функциями (опять-таки на Востоке, в провинции Азия), тогда следует считать, что это единая линия связанных событий и она отражала нехватку только одного наместника. В любом случае, отмеченное хронологическое совпадение – к 113 г. относится и первое, известное нам, упоминание проквестуры, и первое, имеющееся в дошедших источниках, упоминание наделения квестора статусом *pro praetore* – может быть неслучайным.

Таким образом, опираясь на результаты анализа длительного изучения вопроса о датировке должностного положения Марка Антония как ταμίης ἀντιστράτηγος в историографии и на собственные наблюдения, следует констатировать, что таковой статус относился к 113 г. до н. э. Это заставляет считать точку зрения Т. Р. Броутона (112 г. до н. э.) ошибочной, а следовательно, позволяет отвергнуть случай М. Антония как доказательство, использованное Б. Крайлером (некритично следовавшим Т. Р. Броутону) того, что проквесторы *pro praetore* официально в надписях назывались квесторами.

Ссылки

1. Дементьева В. В. Марк Антоний Оратор и его квесторы: должности носителя империя и последовательность нахождения при нем низших магистратов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 3. С. 306–319. DOI 10.18255/1996-5648-2021-3-306-319.
2. Абрамзон М. Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). СПб.: Акра ; Гуманитарная Академия, 2005. 256 с. (Серия “*Studia classica*”.)
3. Дементьева В. В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии // Вестник РГГУ. 2011. №14 (76). С. 11–27. (*Studia classica et mediaevalia* 8.)
4. Дементьева В. В. Дискуссия о датировке квестуры Л. Лициния Лукулла и надпись из Мопсуестии: проблема обозначения должностного статуса // *Via in tempore*. История. Политология. 2021. Т. 48, № 3. С. 536–545.
5. Kreiler B. M. Der Prokonsul Lentulus, der Imperator Murena und der Proquästor Lucullus // *Tyche*. 2006. Bd. 21. P. 73–82.
6. Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Atlanta, Georgia, 1986. Vol. I. XIX+. 588 p.
7. Gruen E. S. M. Antonius and the Trial of the Vestal Virgins // *RhM*. N.F. 1968. Bd. 111. H. 1. P. 59–63.
8. Eilers C. Silanus (and) Murena (I. Priene 121) // *CQ*. 1996. Vol. 46. P. 175–182.
9. *Inscriptions de Délos. 2* / Published by P. Roussel and M. Launey. Paris, 1937. 260 p.
10. Валерий Максим: Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., коммент., вступ. ст. и прил. А. М. Сморгчова. М.: РГГУ, 2020. 470 с.
11. Sobeck F. *Die Quästoren der Römischen Republik*. Trebnitz, 1909. 95 p.
12. Dublet G. Bas-relief et inscriptions de Délos (pl. VI). // *BCH*. 1892. Vol. 16. P. 148–162.
13. Holleaux M. *Textes Gréco-Romains* // *REA*. 1917. T. XIX. Fasc. 1. P. 77–97.
14. Tanner J. Portraits, Power, and Patronage in the Late Roman Republic // *JRS*. 2000. Vol. 90. P. 18–50.

15. Ryan F. X. The Quaestorship of Norbanus // *Classica et mediaevalia*. 1995. Vol. 46. P. 145–150.
16. Ferrary J.-L. Les gouverneurs des provinces romaines d'Asie Mineure (Asie et Cilicie), depuis l'organisation de la province d'Asie Jusqu'à la première guerre de Mithridate (126-88 av. J.-C.). // *Chiron*. 2000. Bd. 30. P. 161–193.
17. Stumpf G. R. Numismatische Studien zur Chronologie der römischen Statthalter in Kleinasien (122 v. Chr.–163 n.Chr.). Saarbrücken, 1991. 319 p.
18. Thonemann P. J. The Date of Lucullus' Quaestorship // *ZPE* 2004. Bd. 149. P. 80–82.
19. Дементьева В. В. Sortitio provinciarum квесторов Римской республики // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах / гл. ред. М. Д. Бухарин; Международный институт античного мира. М.: Собрание, 2011. С. 236–251.
20. Pina Polo F., Díaz Fernández A. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin/Boston: Klio Beihefte, De Gruyter, 2019. 395 p.
21. Homolle Th. Les Romains à Délos // *BCH*. 1884. Vol. 8. P. 75–158.
22. Дементьева В. В. Надпись с о. Самофракия 113 г. до н. э.: кто был римским проквестором? // *Демидовский временник: Материалы научной конференции, посвященной 25-летию исторического факультета* / отв. ред. В. В. Дементьева, Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 3–11.

Список сокращений

BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Athènes: École française d'Athènes; Paris: de Boccard.

CQ – Classical quarterly. Oxford : Oxford University Pr.

ID – Inscriptions de Délos. Published by P. Roussel and M. Launey. Paris.

JRS – The Journal of Roman studies. London : Society for the Promotion of Roman Studies.

REA – Revue des études anciennes. Pessac: Université Michel de Montaigne, Maison de l'archéologie.

RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main: Sauerländer.

Tyche – Tyche: Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. Wien: Holzhausen.

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Habelt.

Classification of ancient Greek wind musical instruments

O. S. Enzeldt¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-18-27

Research article
Full text in Russian

The article offers a classification of wind music instruments of ancient Greece, the references to which have been revealed through the study of written sources (both epic and lyric poetry, as well as works of tragedians) from Homeric times to the end of the Classical period. Pictorial sources are used to characterise the appearance of the instruments.

Keywords: ancient Greek wind instruments; aulos; syrinx; salpinx; kohlos; elim; bombux

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Enzeldt, Olga S. | E-mail: kuznecova.olia@mail.ru
Postgraduate

Классификация древнегреческих духовых музыкальных инструментов

О. С. Энзельдт¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-18-27
УДК 78+94(38)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предлагается классификация духовых древнегреческих музыкальных инструментов, упоминания о которых выявлены в ходе анализа письменных источников (эпической и лирической поэзии, а также сочинений трагиков) от гомеровских времен до конца классической эпохи. Для характеристики внешнего вида инструментов привлекаются изобразительные источники.

Ключевые слова: древнегреческие духовые музыкальные инструменты; авлос; сиринкс; салпинкс; кохлос; элим; бомбюкс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Энзельдт, Ольга Станиславовна | E-mail: kuznecova.olia@mail.ru
Аспирант

Существует множество классификаций музыкальных инструментов¹, как существовавших на протяжении всей мировой истории, так и собственно древнегреческих. Одна из таковых, относящаяся к последним и содержащаяся в труде А. Ф. Лосева, включает в себя только две группы инструментов – духовые и струнные [1, с. 232]. Анализ письменных источников, а именно художественной литературы – эпической и лирической поэзии, а также сочинений трагиков позволяет выделить три группы: струнные, духовые и ударные.

Обратимся к более общей классификации, чтобы соотнести греческие инструменты с иными, созданными человечеством на протяжении длительной истории. В настоящее время наиболее часто используется система классификации инструментов, которая была предложена в 1914 г. Эрехом

¹ Классификации В. К. Махиллона, Хорнбостеля-Закса, П. Н. Зимина, А. Модра, С. В. Муратова и др.

фон Хорнбостелем и Куртом Заксом. В соответствии с ней все музыкальные инструменты делятся на четыре группы: самозвучащие (идиофоны), мембранные (мембранофоны), духовые (аэрофоны), струнные (хордофоны). Позже была добавлена пятая группа – электрические музыкальные инструменты (электрофоны). Главный критерий, который лежит в основе классификации, – источник звука. Чтобы определить, подходит ли данная схема для классификации духовых древнегреческих музыкальных инструментов, проанализируем сведения письменных источников.

Музыкальный инструментарий, упоминаемый в греческой нарративной традиции, достаточно разнообразен. Ранее уже были рассмотрены термины источников, обозначающие музыкальные инструменты, а также эпитеты и характерные слова, употребляемые античными авторами [2–3]. В данной статье анализируются сведения о духовых музыкальных инструментах и соотносятся с описанными в литературе их устройством и внешним видом, также привлекаются изобразительные источники.

Ὀαῦλός – авлос. (Hom. Il. X. 13, XVIII 495; Н.Н. Гумн. 4. 452; Archil. fr. 93a. 5; Theogn. Eleg. 532; Theocr. Id. 10. 34; Soph. Ai. 1201; Eur. Alces. 430 и пр.). Следует обратить особое внимание на то, что авлос не является ни флейтой, ни ее прототипом. Авлос – язычковый деревянный духовой инструмент, представляющий собой две самостоятельные трубки с игровыми отверстиями и двойными тростями (язычками) [4, с. 11–12; 5, р. 24]. Количество игровых отверстий на трубке авлоса до середины V в. до н. э. было равно пяти [5, р. 34]. Одно из них находилось на оборотной стороне инструмента и предназначалось для большого пальца. Позже появляется шестое, вентиляционное, отверстие [6, р. 207]. Для игры на авлосе иногда пользовались кожаными ремешками – форбеей (φορβεία), которые были натянуты на щеки и соединены сзади на шее, предположительно для поддержки инструмента. Однако точное назначение форбеи до сих пор вызывает споры [5, р. 31–32], так как музыкант мог и не использовать ремешки. На изображении на античной краснофигурной гидрии 490–480 гг. до н. э. (рис. 1) показан авлет, играющий на инструменте с форбеей. На другом рисунке находим музыканта с авлосом без ремешков (рис. 2).

Рис. 1. Спортсмены, педотриб и авлет. Изображение на краснофигурной гидрии 490–480 гг. до н. э. Vase / Catalogue of Vases in the British Museum (E164).
URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1867-0508-1139

Рис. 2. Симпозиум с участием авлета. Изображение на краснофигурном килике 490–480 гг. до н. э. Vase / Catalogue of Vases in the British Museum (E68).
URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1848-0619-7

Ἡσῦριγξ – сюринкс (Hom. II. X. 13; H. N. Hymn. 4. 512; Ap. Rhod. Argon. I. 577; Call. Hymn. 3. 243; Theocr. Id. 1. 129; Aesch. Suppl. 181; Soph. Philoct. 213, Eur. I. A. 1038 и пр.); в русском языке есть устоявшаяся форма названия инструмента – сиринкс, сиринга. Его часто именуют флейтой Пана, инструментом пастухов. В исследовательской литературе отмечено, что сиринкс состоит из набора полых стеблей тростника, скрепленных друг с другом в один ряд, чаще всего с помощью воска [7, р. 109]. Трубки имели не одинаковую длину для извлечения разных по высоте звуков, количество их варьировалось [7, р. 111]. Как утверждает Дж. Ланделс, была особая форма древнегреческой сиринги: все трубки инструмента были одинаковой длины, однако внутри они заполнялись по-разному [5, р. 70]. Материал, которым заполняли трубки, – пчелиный воск [5, р. 70]. Подтверждение данной трактовки находим на краснофигурном килике 525–475 гг. до н. э. (рис. 3). На нем показан Пан, играющий на сиринге, где все семь трубок одинаковой длины.

Рис. 3. Пан, играющий на сиринге. Изображение на краснофигурном килике 525–475 гг. до н. э. Национальный музей вилла Джулия, Рим. Schafer, A. *Unterhaltung beim griechischen Symposium* (Mainz, 1997): PL.26.3 (B).

Ἡ σάλπιγξ – труба, рожок, трубный звук [8] (Hom. II. XVIII. 219, XXI. 388; Archil. fr. 215 1; Call. fr. 75 61; Aesch. Per. 395; Sept. 394 и пр.). Салпинкс в русских переводах называется сальпинга и понимается как длинная труба. Однако инструмент не похож на современную трубу, прежде всего тем, что не имеет сходного чашеобразного мундштука [5, р. 79]. Салпинкс представляет собой трубку длиной около 1 метра постоянного диаметра с раструбом на конце [9, с. 13]. Так же, как и авлос, салпинкс мог использоваться с кожаными ремешками, которые, натягиваясь на щеки, охватывали шею. На краснофигурном килике 525 – 475 гг. до н. э. (рис. 4),

изображен сатир с закрепленным ремешками салпинксом. Он подает сигналы, одной рукой удерживая инструмент, имеющий коническую форму на конце, другой рукой держа щит.

Рис. 4. Сатир с салпинксом, закрепленным ремешками. Изображение на краснофигурном килике 520–500 гг. до н. э. Vase / Catalogue of Vases in the British Museum (E3). URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1842-0407-23

Ὁ λωτός – лотос (Herm. fr. 7 70; Eur. El. 716, Her. 892-893; Hel. 171 и пр.); часто данный инструмент называют свирелью из древесины лотоса [8]. На наш взгляд, не совсем корректно применять к древнегреческим духовым инструментам термин «свирель». Согласно этимологическому словарю А. В. Семенова, «слово «свирель» известно древнерусскому языку с XI в.; «свир(ять)ль» – производное от глагола «свирати», «свиряти». Термин восходит к общеславянскому корню svьr-, родственному литовскому surma – «дудка, свирель»; первоисточником термина служит латинское susurrus (шипение, шёпот, бормотание, лепет) от глагола susurro – «шипеть, шептать, жужжать». По другим предположениям слово восходит к восточным языкам: от древнеиндийского svarati (звучит), svaras (звук) или древнеисландского svarra (бушевать, свистеть)» [10]. Свирель же является парной продольной флейтой со встроенным в верхнюю часть свистковым устройством. О существовании таких или подобных духовых музыкальных инструментов в Древней Греции мы говорить не можем. Тем более не можем утверждать, что лотос был похож на свирель, то же касается каламоса и донакса, речь о которых пойдет ниже. Скорее всего, под термином «свирель» автор словаря подразумевает любой духовой деревянный инструмент. Например, авлос им также переводится как свирель, хотя авлос по устройству принципиально отличается от свирели. Е. В. Герцман [11, с 235–236] и Дж. Ланделс [5, р. 33] сходятся во мнении, что лотосом обозначали материал, из которого изготавливалось тело авлоса. Однако данный взгляд вовсе не означает, что древесина лотоса

не использовалась для создания других духовых музыкальных инструментов, так как встречающиеся случаи употребления термина «λωτός» не сопровождались уточнениями, что речь идет именно об авлосах.

Ὁ κάλαμος (κά) переводится как тростниковая свирель, цевница [8]. Опять же ставим под сомнение обоснованность употребления для духовых древнегреческих инструментов терминов «свирель» и «цевница», так они традиционно употребляются для обозначения духовых музыкальных инструментов у восточно-славянских и южно-славянских народов [12, с. 551]. Под цевницей понимается флейта Пана, для которой есть древнегреческий термин – ἡ σῦριγξ. Соответственно, если автор словаря имеет в виду данный древнегреческий многоствольный духовой инструмент, то корректнее будет назвать его именно сирига или флейта Пана. Е. В. Герцман [11, с. 250] и Дж. Ланделс [5, р. 70] сообщают, что каламос – тростник, из которого изготавливали сириги. Действительно, у Еврипида присутствует словосочетание κάλαμος Πανός (Eur. I.T. 1126, Eur. El. 702-703), то есть флейта Пана – сирига. Однако, как и в случае с лотосами, нельзя исключать того, что каламос употреблялся для создания других музыкальных инструментов, духовых и не только (Eur. I.A. 577; Soph. fr. 36. 1).

Ὁ δόναξ (Н.Н. Гумн. 19. 15; Aesch. Prom. 574; Eur. Or. 146) имеет разнообразные значения, среди которых тростниковая свирель [8], обозначим его как деревянный духовой инструмент. Донакс, как и каламос, назван Эсхилом (Prom. 574) «скрепленным воском», что может подтверждать тезис Е. В. Герцмана о том, что донакс представляет собой вид тростника (κάλαμος), который использовали для изготовления сириги [11, с. 250–251], так как именно для скрепления трубок сириги использовался воск. Дж. Ланделс, ссылаясь на сочинение Теофраста, утверждает, что kalamos был идентифицирован как вид arundo donax [5, р. 28], ставя знак равенства между понятиями «каламос» и «донакс». Он также пишет, что донакс является материалом для тростей и тела авлоса [5, р. 33]. Таким образом, идентифицировать, какой музыкальный инструмент имеется в виду под донаксом в рассматриваемый нами период, не представляется возможным, как и в случае с каламосом и лотосом. Возможно, античные авторы подразумевали лишь материалы, служившие для изготовления ряда различных духовых музыкальных инструментов, не уточняя, о каком именно инструменте идет речь.

Ὁ αὐλίσκος – маленькая свирель [8] (Theogn. Eleg. 241; Soph. fr. 768. 1-2), на наш взгляд, правильнее сказать маленький авлос, на русский язык транслитерируется как авлискос. Маленький размер авлискоса свидетельствует о том, что он относится к инструментам с высоким регистром,

что подтверждается и прилагательным $\lambda\acute{\upsilon}\gamma\upsilon\theta\omicron\gamma\omicron\varsigma$ (Theogn. Eleg. 241), т. е. звонкий [8].

Ὀ κόχλος – витая раковина [8] (Eur. I.T. 303). Кохлос – пустая витая раковина больших морских моллюсков, которая употреблялась «вместо рожка или трубы» [13, с. 727].

Ὀ ἔλῦμος (Soph. fr. 450. 1, fr. 644. 1) имеет значение «элим» (фригийская свирель из букового дерева) [8]. Точнее, следует назвать данный инструмент фригийским авлосом из букового дерева. Е. В. Герцман, ссылаясь на Поллукса, отмечает, что «рог в каждом таком авлосе загнут в конце» [14, с. 48]. Е. В. Герцман переводит термин ἔλῦμος прилагательным «элимовский», поскольку название инструмент получил из-за места своего происхождения, называя его Ἐλόμνιον – Эломний (местность на острове Средиземного моря – Эвбее) [11, с. 225]. Однако древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого определяет данную местность как Ἐλύμνιον – Элимний, а ἔλῦμος как существительное [8]. Афиней, говоря о фригийских авлосах, использует прилагательное «фригийские» (Φρύγιος) с прописной буквы, а ἔλῦμος – со строчной (Athen. IV 181e-182a, §79). Данный факт указывает на то, что ἔλῦμος, скорее всего, является существительным. Таким образом, на наш взгляд, ἔλῦμος корректнее переводить как «элим», а не «элимовский». Дж. Ланделс называет фригийскую тибью хорнпайпом [5, р. 198], а тибия – не что иное, как римское название авлоса. Соответственно, хорнпайп – фригийский авлос, т. е. элим. Изображение элима можно найти в труде Дж. Ланделса [5, р. 198].

Ἡ κόδων может быть переведен как «труба» [8] (Soph. Ai. 17), однако его основное значение – колокольчик, звонок. Выяснить отличие салпинкса и кодона по письменным источникам не представляется возможным.

Ὀ βόμβυξ – флейта низкого тона [15, р. 322] (Aesch. fr. 71a. 7). В словаре Лидделла-Скотта словосочетание βομβυκίας κάλαμος переводится как тростник, используемый для изготовления флейты (уточним, что под флейтой имеется в виду авлос) с низким тоном [15, р. 321], т. е. каламос тоже использовался для изготовления данного вида авлоса. Дж. Ланделс утверждает, что бомбюкс обозначал самую низкую ноту авлоса [5, р. 41]. Е. В. Герцман транслитерирует данный термин как бомбикс и, соглашаясь с утверждением Ланделса, добавляет, что ὁ βόμβυξ может обозначать как авлос низкого регистра, так и само тело инструмента [11, с. 217–218].

Проведенный анализ показывает, что к древнегреческим духовым музыкальным инструментам система Хорнбостеля-Закса не вполне, на наш взгляд, применима, поскольку о способах извлечения звука на ὁ αὐλίσκος, ὁ δόναξ, ὁ λωτός, ὁ κάλαμος и ὁ κόδων мы можем только дога-

дываться, т. к. по письменным источникам не представляется возможным определить, какой именно вид духовых музыкальных инструментов подразумевался. Отсутствие описания перечисленных выше инструментов привело к тому, что переводчики на русский язык (см., например, переводы: Eur. Alc. 347 переводчик И. Анненский; Crit. fr. 8, 6, переводчик Р. Злотинский; Theogn. Eleg. 1041, переводчики С. Апт, В. Вересаев), а также некоторые исследователи [1, с. 232] и авторы словарей [8], [15, р. 322] игнорируют различия между инструментами и переводят перечисленные выше деревянные духовые инструменты как «флейта», «свирель», «цевница». Недостаток сведений в нарративных источниках может свидетельствовать о том, что названные музыкальные инструменты были не так широко распространены, как сиринга, авлос и салпинкс. Еще одно предположение – лотос, каламос и донакс – только материал, а внешний вид инструментов мог быть различный, либо же, наоборот, ограничиваться лишь вариациями авлосов и сиринг.

Мы поддерживаем предложение Дж. Ланделса разделить группу древнегреческих духовых музыкальных инструментов, как и современные духовые инструменты, на две подгруппы по материалу, из которого они были изготовлены: деревянные и медные [5, р 24]. Инструменты, которые в рамках статьи отнесены к подгруппе деревянных духовых, являются прототипами современных деревянных духовых инструментов, аналогичная ситуация с медными духовыми инструментами. Используя названную классификацию, сделаем оговорку, что ни один инструмент не был чисто медным, они изготавливались из медных сплавов – бронзы. Однако бронзовые инструменты появились позднее деревянных [5, р 78]. Инструменты, обозначенные в источниках следующими терминами: ἡ σῦριγξ, ὁ αὐλός, ὁ αὐλίσκος, ὁ δόναξ, ὁ λωτός, ὁ κάλαμος, ὁ ἔλυμος, ὁ βόμβυξ – следует отнести к подгруппе деревянных духовых инструментов, а инструменты, обозначенные в источниках ἡ σάλπιγξ, ἡ κώδων, ὁ κόχλος – к подгруппе медных духовых инструментов.

Ссылки

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1: Ранняя классика. М.: АСТ; Фолио, 2000. 624 с.
2. Энзельдт О. С. Духовые музыкальные инструменты в произведениях древнегреческих поэтов и трагиков // IV Всероссийская (XIX) молодежная научная школа-конференция «Молодежь и наука на Севере – 2022»: в 2 т. Сыктывкар, 2022. Т 1. С. 18–30.

3. Энзельдт О. С. Струнные музыкальные инструменты в произведениях древнегреческих поэтов и трагиков // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2022. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
4. Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности: пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
5. Landels J. G. Music in ancient Greece and Rome. London and New York: Routledge, 1999. 296 с.
6. Psaroudakes S. The aulos of Pydna // Studien zur Musikarchäologie. 2008. Vol. VI. P. 197–216.
7. West M.L. Ancient Greek Music. Oxford: Clarendon Press, 1992. 410 p.
8. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский / под ред. С. И. Соболевского. Томск: Alpha online. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>
9. Афонасин Е. В., Афонасина А. С., Щетников А. И. ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной музыки. СПб.: РХГА, 2015. 247с.
10. Семенов А. В. Свирель // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-s.htm#sv>.
11. Герцман Е. В. Уцелевшее письменное наследие античного инструментоведения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 408 с.
12. Свирель // Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 29 / под ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. 767 с.
13. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. 1371 с.
14. Герцман Е. В. Языческие и христианские музыкальные древности. СПб.: Лебедушка, 2006. 656 с.
15. Liddell H. G., Skott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.

The political guidelines of the cadets in 1906 in the estimates of V. A. Maklakov

E. L. Sarayeva¹

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-28-35

Research article
Full text in Russian

The article is dedicated to the representation of one of the leaders of the constitutional democratic party V. A. Maklakov about the main ideas of the Russian liberals in 1906, the period of work I the State Duma, the importance of interaction between government and society with the aim of strengthening the state and protection of the right to initiative. The interpretation by Maklakov circumstances of the growing popularity of the cadets in 1906 revealed its socio-political values: the state, establishing the legitimacy that ensure the integrity of the country; a person of interest in the rule of law, freedom, and prosperity; the constitutional rights of citizens and reasons for criticism of the cadets of the monarchy.

Keywords: V. A. Maklakov; P. N. Milyukov; cadets; liberalism; I State Duma

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Saraeva, Elena L. | E-mail: els5656@yandex.ru
| D. Sc. (History), Associate Professor

Политические ориентиры кадетов в 1906 г. в оценках В. А. Маклакова

Е. Л. Сараева¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-28-35
УДК 94(470) 1906

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются представления одного из лидеров конституционно-демократической партии В. А. Маклакова об основных идеях русских либералов в 1906 г. в период работы I Государственной думы, о значении взаимодействия правительства и общества с целью укрепления государства и защиты права личности. Трактовка В. А. Маклаковым обстоятельство роста популярности кадетов в 1906 г. особенно интересна. Автор статьи раскрывает воззрение В. А. Маклакова на государство, устанавливающее законность, обеспечивающее целостность страны; личность, заинтересованную в правопорядке, свободе и благополучии; конституционные права граждан и причины критики кадетами монархии.

Ключевые слова: В. А. Маклаков; П. Н. Милюков; кадеты; либерализм; I Государственная дума

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сараева, Елена Леонидовна | E-mail: els5656@yandex.ru
| Доктор исторических наук, доцент

Актуальность исследования определяется острой дискуссией в современном мире о либеральных и консервативных ценностях, идейно оформляющих направление политики, участники которых предлагают различные интерпретации их влияния на деятельность государственных лиц и представителей общественности. В России начала XX в. защитниками либеральной альтернативы развития страны были кадеты, октябристы, земские деятели. Анализ сильных и слабых сторон деятельности кадетов в политическом пространстве Российской империи дал один из лидеров конституционно-демократической партии В. А. Маклаков. Его работы, написанные в эмиграции, не преследовавшие цель апологетики российского либерализма, характеризуют это идейное течение, раскрывают представления автора о политических задачах кадетов, выборе ими тактики деятельности. Он стремился понять, какие силы столкнули Россию «в бездну революционного хаоса» [1, с. 13].

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Исследователи характеризуют В. А. Маклакова как консервативного либерала, отстаивавшего принцип законности [2], выявляют черты разных типов российского либерализма [3–6], анализируют его концепцию трансформации власти, оценки внутривнутриполитических конфликтов [7–8]. Историки акцентируют внимание на представлении В. А. Маклакова о необходимости эволюционного развития России путем реформ, чтобы избежать революции; специфику его консервативного либерализма они видят в стремлении занимать в политике «среднюю линию», в максимальной ориентации на защиту прав человека. Позицию Маклакова-политика М. М. Карпович определяет как «философию компромисса» интересов государства и индивидуума [9].

Цель исследования заключается в анализе суждений В. А. Маклакова о политических ориентирах кадетов в период деятельности I Государственной думы. Источники исследования – воспоминания В. А. Маклакова и его современников, раскрывающие их представления о политической борьбе начала XX в.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), адвокат, член ЦК кадетской партии, участвовал в работе Государственной думы второго, третьего и четвертого созывов. Он охарактеризовал свое мировоззрение как либеральное, суть которого составляли идеи «самодеятельности личности, защита личных прав человека, ограждение его против государства» [1, с. 6]. С его точки зрения, либеральная идеология формировалась в процессе противоборства государства и человека. Он был убежден, что для России реализация базовых либеральных идей была необходима, поскольку веками основным субъектом ее истории было государство, но с начала «Великих реформ» общество активно отстаивало свое право на самодеятельность. Основное содержание российской истории со времени реформ Александра II В. А. Маклаков видел в решении проблемы «власть и личность»: «Либерализм в России должен был победить, ибо боролся за то, что было ей нужно, через что ей необходимо было пройти» [1, с. 6].

Какие обстоятельства, по мнению В. А. Маклакова, способствовали росту популярности партии в народной среде в 1906 г.? Группе интеллигентов было сложно завоевывать внимание не разбиравшихся в политике горожан и крестьян, тем более что кадеты стали проповедниками европейской либеральной теории, непонятной социальным низам. В. А. Маклаков связывал быстрое превращение партии кадетов в одну из лидирующих в стране изменением объективных обстоятельств. Революционные события, Манифест 17 октября 1905 г. и создание законодательной Государственной думы, выборы депутатов способствовали росту популярности партии, предложившей решение не только политических, но и социальных проблем. Рядовые члены партии плохо понимали ее политические идеи. А. А. Кизеветтер вспоминал, что кадеты направляли своих агитаторов на митинги разъяснять идеи Манифеста 17 октября и своей партии. «Надо было добросовестно разъяснить малосведущим людям истинный смысл манифеста, перевести его юридические формулы на удобопонятный для всякого простолюдина язык»

[10]. Уже через полгода после своего создания партия стала представлять сотни тысяч избирателей в Думе. В. А. Маклаков выделил противоречивые тенденции в становлении партии: оставаясь интеллигентской по своей идеологии, она быстро стала одной из ведущих в стране, что никак не было связано с идейным развитием рядового ее состава, упрощенно воспринимавшего положения программы. Кадеты превратились в «глашатаев» воли народа [1, с. 6]. Быстрый рост популярности кадетов В. А. Маклаков связывал с ожиданиями народа, с политическими событиями, актуализировавшими задачу создания партии, способной сформулировать общенациональные идеи. Лидеры партии приняли решение не отступать от программы, прежде всего от идеи парламентской монархии: укреплялась уверенность в том, что нужно отстаивать все ее положения. Но, как считал В. А. Маклаков, население не было подготовлено к восприятию политических идей партии. Интеллектуальный уровень лидеров партии был значительно выше рядовых ее членов. «Они ушли далеко вперед от среднего уровня» [1, с. 11]. В. А. Маклаков утверждал, что ориентация лидеров партии на мнения ее большинства было одной из ошибок.

Он обращал внимание на важность анализа обстоятельств, в контексте которых политические деятели решали свои задачи. Руководители партии, утверждал он, не всегда верно оценивали условия, в которых они стремились реализовать свои идеи. В 1906 г. они, по мнению В. А. Маклакова, ошибочно оценили Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. как «путь», обман народа и приняли решение противодействовать ограничению прав Думы [1, с. 11]. Формой борьбы за права народного представительства стал Ответный адрес I Государственной думы, где основной своей целью ее лидеры провозгласили «дальнейшее развития порядка законодательства, соответствующего строго конституционным началам» [11]. «Путеводной звездой» кадетов оставалась идея парламентской монархии.

Главной целью либералов с 1906 г., со времени начала работы Государственной думы, как утверждал В. А. Маклаков, должно было стать решение проблемы взаимоотношений государства и личности. Он считал, что нет единого рецепта выстраивания этих отношений, они определяются временем, культурой страны. Особенностью политической истории России была значительная роль самодержавия, защищавшего государство, обеспечивавшего его единство, но в то же время угнетавшего личность. Могущество государства было куплено «ценой бесправия общества, неравенства сословий и классов, систематического пренебрежения к либеральным принципам» [1, с. 12]. В. А. Маклаков считал, что равнодушие монархии к правам человека вело к социальным конфликтам, развалу страны. С его точки зрения, либералы должны были добиться ограничения власти конституцией, расширявшей права личности. Маклаков никогда не был сторонником революции, поскольку «бунтарски озлобленные низы», уставшие от пренебрежения со стороны власти, не интересовавшиеся проблемами целостности и величия государства, могли его уничтожить. Либералам предстояло

не допустить торжества революции, найти возможности влияния на власть и «преобразовать Россию на либеральных началах» [1, с. 12–13]. В. А. Маклаков признавал значимость государства, организовавшего развитие России, но и права человека представляли собой высокую ценность. Он считал, что следовало всем субъектам исторического процесса понять эти ценности.

Могло ли самодержавие самостоятельно вступить на путь конституционного реформирования политической системы? По мнению В. А. Маклакова, правительство в годы «Великих реформ» поддержало идеи либерально настроенных чиновников и представителей общественности о трансформации социокультурной среды, правовой системы, но ограничилось этими мерами и исчерпало свой преобразовательный потенциал. В ту эпоху самодержавие начало, но не закончило реформы, поэтому в начале XX в. встал вопрос о введении конституции, которая будет обеспечивать преобразовательный процесс. «Через 40 лет вопрос ставился иначе. За эти годы Самодержавие себя не оправдало: начатых реформ не завершило, пошло даже вспять» [1, с. 13]. «Можно ли было достигнуть и этого без революции?» – задавал вопрос В. А. Маклаков – и отвечал, что власть была ограничена лишь в ходе революции. Император, издав 17 октября 1905 г. Манифест, вынужден был дать обществу политические права и свободу. Кадеты оценили этот Манифест как конец самодержавия [1, с. 403]. «Либеральное преобразование России стало с этих пор возможно без революции. Но оно уже не могло быть сделано силами одной только власти; ей в этой реформе стало необходимо содействие общества» [1, с. 13]. В. А. Маклаков считал, что либералам следовало продумать программу совместного реформирования страны. 23 апреля 1906 г. Николай II утвердил новую редакцию Основных законов Российской империи. В. А. Маклаков назвал ее октроированной конституцией страны. Необходимое сотрудничество либералов с правительством должно было заключаться в «конституционной работе» [1, с. 14]. По его мнению, кадеты совершили ошибку, продолжая видеть в монархии главного оппонента, не скорректировали свои политические требования и не предложили программу взаимодействия с властью.

Другой их ошибкой он назвал определение расстановки политических сил в России в 1906 г. Либералы использовали революцию для ограничения власти конституцией, не поняв, что союз с левыми силами может привести их к гибели. «...Они против Самодержавия вошли в союз с революционными партиями» [1, с. 13]. Либералы в России были зажаты между молотом и наковальней – так В. А. Маклаков оценивал сложное положение кадетов в политическом пространстве России. Они находились между двумя враждебными непримиримыми силами, которые вели борьбу за уничтожение друг друга. Срединное положение вынуждало кадетов делать выбор. По мнению В. А. Маклакова, они ошибочно видели в левых партиях временного попутчика в борьбе с самодержавием, которое они считали главным врагом. П. Н. Милюков писал, что при содействии «народников» кадеты рассчитывали получить поддержку крестьян в ходе избирательной кампании

1906 г. [1, с. 353]. Согласно В. А. Маклакову, «...либерализм решился вступить на эту дорогу, где ему грозила опасность быть раздавленным...» [1, с. 13]. Он полагал, что лидеры партии не осознали готовности радикалов к уничтожению всех оппонентов.

Общую цель либералов В. А. Маклаков видел в «насаждении конституции и правового порядка». Он считал, что кадеты должны были видеть в других либеральных партиях союзников, а не противников, но на выборах в I Думу они критиковали октябристов как «реакционеров». Кадеты, не желая идти на компромисс с правыми, искали опоры в своей партийной массе, которая была не подготовлена к восприятию всех программных заявлений.

Согласно В. А. Маклакову, монархия несла свою долю ответственности за неготовность уверенно идти по пути конституционного развития страны. Причину такой политической неадекватности он искал в преобладании в учреждениях традиционалистов, управлявших страной. В. А. Маклаков назвал их «угодниками», подчеркнув, что пребывание во власти они себе обеспечивали беспрекословным повиновением государю. Император лишь временно опирался на «здоровые элементы» исторической власти, но не увидел в них свою прочную опору [1, с. 14].

В. А. Маклаков признавал, что на политический процесс влияло настроение масс, их социальное поведение. Многие кадеты считали, что массы не усвоили либеральные идеи, исторический опыт их научил лишь подчиняться или бунтовать. В. А. Маклаков понимал опасность «беспощадного и бессмысленного бунта» [1, с. 14]. Он размышлял над вопросом, можно ли было повлиять на сознание народа, чтобы он поддержал преобразования? С его точки зрения, кадеты популяризировали свои идеи, но многие из них оставались малопонятными неграмотным людям. Он считал, что и власть упустила возможность развития правосознания народа, для которого государство и законы не стали значимыми ценностями: «Правда, Самодержавие не подготовляло русское общество к конституции, к уважению к закону и к власти» [1, с. 14]. Ни государство, ни либералы не сформировали у масс представления о правопорядке, неприкосновенности частной собственности, правах человека, поэтому народ не стал их защитником, утверждал В. А. Маклаков. Находясь в эмиграции, он писал В. В. Шульгину: «...Масса нашего народа, по историческим условиям, была совершенно чужда всем приобретениям и завоеваниям культуры. Для нее все эти приобретения и завоевания, начиная с электричества и кончая четыреххвосткой и свободой слова, были чужим и барским делом» [13, с. 107]. Народ, не считавший борьбу за всеобщее, прямое, равное избирательное право и тайное голосование целью своей жизни, не стал прочной социальной опорой либералов, что уменьшало их шансы реализовать свою программу. Народ защищал свои интересы, которые далеко не все либералы понимали, поэтому они презрительно называли людей, думавших о своих частных потребностях, «обывателями». В. А. Маклаков считал, что кадеты не осознали, что «обыватели» не хотят революции и развала государства, поэтому надо было превратить их в свою со-

циальную опору. Эту задачу они могли решить, если бы защищали Россию «от революции» и пошли бы на примирение с конституционной монархией. Однако в 1906 г. кадеты не поняли необходимости взаимодействия с правительством: «...Соглашение с властью должно было стать главной задачей либерализма этой эпохи. Это соглашение было нужно и власти, и ему самому. Без содействия либеральной общественности власть не могла страну успокоить, она не нашла бы доверия в обществе» [1, с. 15]. Однако соглашение могло быть прочным, только если бы во власти преобладали «здоровые силы», а не сторонники репрессий.

Почему, по мнению В. А. Маклакова, кадетам было выгодно сотрудничество с правительством? Он считал конституционную монархию в 1905–1907 гг. «грозной» властью, которая еще имела прочную социальную опору, материальные средства и авторитет, она была способна удерживать Россию от распада и противостоять разрушительным революционным силам. Соглашение с властью позволяло либералам решить многие социальные задачи, получить поддержку населения, отказаться от союза с левыми партиями. Основой этого союза должна была стать компромиссная программа реформ. В. А. Маклаков сожалел, что кадеты в I Думе упустили возможность плодотворного взаимодействия с правительством.

В. А. Маклаков размышлял о возможных вариантах сотрудничества власти и общественности, которые не были реализованы. Он приходил к мысли, что правительство и либералы в Думе могли объединить свои усилия, выделив главные общенациональные, государственные задачи – сохранение и реформирование России путем совместной законодательной работы. Им следовало понять полезность взаимодействия, выбрать тактику уступок [1, с. 16].

В. А. Маклаков не считал либерализм универсальной идеологией, способной гармонизировать общественные отношения. Он был уверен в том, что либерализм может выродиться в диктатуру [1, с. 12].

Как видно, анализ В. А. Маклаковым стратегической линии кадетов в 1906 г. определялся его пониманием задач, стоявших перед Россией в период революционных потрясений и трансформации политической системы. В его представлении включение в борьбу новых общественных сил требовало строгого учета их интересов и соотношения с общенациональными целями. Он был убежден, что введение октроированной конституции 23 апреля 1906 г. обязывало либералов скорректировать ориентиры своей деятельности. В. А. Маклаков полагал, что в период работы I Государственной думы главной целью кадетов должно было стать обеспечение правопорядка в интересах государства и человека, а не борьба за парламентскую монархию. Существенными историческими ошибками кадетов, согласно В. А. Маклакову, были неверные оценки национальных задач России, ориентиров политики власти, стремление максимально выгодно использовать в своих интересах революционное движение и союз с левыми силами. Кадеты, по его мнению, недооценили способность «здоровых элементов» власти пой-

ти на компромисс и провести реформы. Основной политической задачей они считали введение парламентской монархии, а не достижение соглашения с правительством с целью продолжения мирного реформирования России. Фактически либералы вели борьбу за власть, а следовало участвовать в текущей законодательной работе. Он считал, что верно определенная долговременная стратегия развития России позволила бы кадетам использовать Думу исключительно в законотворческих целях. В. А. Маклаков был уверен, что альтернатива сотрудничества власти с либералами в 1906 г. не была реализована из-за позиции кадетов, воспринимавших правительство как традиционную силу. С его точки зрения, создание в 1905–1906 гг. основ конституционного строя было недостаточным условием постепенного формирования гражданского общества.

Ссылки

1. Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М.: Центрполиграф, 2006. 335 с.
2. Дедков Н. И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М.: АИРО-XX, 2005. 223 с.
3. Будницкий О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 416–428.
4. Гайда Ф. А. Особенности национального политического опыта российского либерала начала XX века // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Орел: ОГУ, Издатель Александр Воробьев, Издательский дом «ОРЛИК», 2018. С. 174–184.
5. Холяев С. В. Либеральный лагерь в России: конкуренция вместо коалиции (конец XIX – начало XX вв.) // Современная научная жизнь. 2022. № 2. С. 36–40.
6. Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.
7. Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 300–317.
8. Сараева Е. Л. Восприятие кадетами Основных государственных законов в период работы Первой Государственной думы: идеи В. А. Маклакова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 17–26.
9. Карпович М. М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канин, 1997. С. 387–407.
10. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_na_rubeje.html
11. Ответный адрес на Тронную речь Его Величества (принят на заседании Государственной Думы 5 мая 1906 г.). URL: https://museum.samgd.ru/region/pamjatnye_daty/parlamentarizm/171544/
12. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с.
13. Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 106–107.

Attempt to Eliminate Cyrillic Writing in the USSR in 1920s – 1930s: Politics and Practice

F. L. Sinitsyn¹

¹State University of Land Use Management, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-36-45

Research article
Full text in Russian

The idea of ‘the desirability of introducing a Latin writing for all nationalities inhabiting the territory of the Republic’ arose in the power circles of the RSFSR back in 1919. The target for ‘Latinizers’ were, among others, the Cyrillic alphabets used in the country. The intentions of the ‘Latinizers’ were based on the general attitudes of the ‘hyperinternationalist’ policy of the first decade of Soviet power. At the same time, the argument for why the Cyrillic alphabet should be changed to the Latin alphabet was weak. The practice of Latinization of the written language of different peoples had similar and special features. Despite the statements of the ‘Latinizers’ about the ‘universal support’ for Latinization, resistance to this initiative was revealed among the public and even government structures. The main and decisive factor of resistance was the harsh negative reaction of the USSR leadership to the activities of Romanization of the Russian alphabet. Despite all the efforts of the ‘Latinizers’, many peoples who used the Cyrillic alphabet did not switch to the Latin alphabet. The refusal to latinize the Russian alphabet became a ‘trigger’ for the abolition of Latinization on an all-Union scale.

Keywords: alphabet; writing; language; Cyrillic; latin alphabet; reform; ethnic policy; USSR

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sinitsyn, Fedor L. | E-mail: permcavt@gmail.com
D. Sc. (History), Associate Professor

Попытка ликвидации кириллической письменности в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: политика и практика

Ф. Л. СИНИЦЫН¹

¹Государственный университет по землеустройству, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-36-45
УДК 94(47) 084 6

Научная статья
Полный текст на русском языке

Идея о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», возникла во властных кругах РСФСР еще в 1919 г. Мишенью для «латинизаторов» стали в том числе использовавшиеся в стране алфавиты на кириллической основе. Намерения «латинизаторов» базировались на общих установках «гиперинтернационалистической» политики первого десятилетия советской власти. При этом аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой. Практика латинизации письменности разных народов имела схожие и особенные черты. Несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации, среди общественности и даже властных структур было выявлено сопротивление этой инициативе. Главным и решающим фактором сопротивления стала жесткая отрицательная реакция руководства СССР на деятельность по латинизации русского алфавита. Несмотря на все усилия «латинизаторов», многие народы, использовавшие кириллический алфавит, так и не перешли на латиницу. Отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены латинизации во всесоюзном масштабе.

Ключевые слова: алфавит; письменность; язык; кириллица; латиница; реформа; национальная политика; СССР

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синицын, Фёдор Леонидович | E-mail: permcavt@gmail.com
Доктор исторических наук, доцент

В 1920-х гг. в СССР была развернута программа перевода письменности на латинскую основу. Был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) и аналогичные структуры в регионах. Затронула эта деятельность и народы, которые уже имели собственную

письменность на основе русского (кириллического) алфавита. Отдельные аспекты советской политики и практики в этой сфере фрагментарно затронуты в ряде научных трудов. Однако до сих пор эта проблема не изучена в совокупности как единый процесс, не выявлены его общие и особенные черты в приложении к отдельным языкам.

Идея о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», возникла во властных кругах РСФСР еще в 1919 г. [1, л. 2]. Таким образом, мишенью для «латинизаторов» стали в том числе использовавшиеся в стране алфавиты на кириллической основе – как созданные до революции (у русских, белорусов, украинцев, кряшен, осетин, удмуртов, якутов и многих других народов), так и после нее (например, «молодцовский» алфавит для языка коми).

Намерения «латинизаторов» базировались на общих установках «гиперинтернационалистической» политики первого десятилетия советской власти. Русский алфавит голословно заклеямили как «орудие русификации» и «религиозного миссионерства», «идеологически чуждый» [2, с. 210], «узконациональный» [3] (причем для каждого пользовавшегося им народа), не соответствующий «грандиозным задачам реконструкции и индустриализации СССР» [4, л. 57], «экономически не выгодный» [2, с. 37].

Общим обоснованием перевода на латиницу письменности народов, ранее пользовавшихся кириллическим алфавитом, были, во-первых, «имеющийся успешный опыт латинизации письменности» [5, с. 6] народов Советского Союза, ранее пользовавшихся арабской графикой. Во-вторых, «интернациональный фактор» – «латинизаторы» утверждали, что на латинице «пишут и читают 9/10 всего грамотного человечества» [6, с. 103]. В-третьих, была заявлена необходимость «унификации» алфавитов всех народов СССР [7, л. 63] на основе латиницы. В-четвертых, подсчитана и представлена как аргумент экономическая выгода от латинизации [8, л. 60]. Еще одним обоснованием курса на латинизацию была объявлена ее якобы «всеобщая поддержка» в народе [9, л. 68, 80].

В отношении русской письменности и письменности неславянских народов СССР имелись особенности в подходах. В отношении первой звучали доводы, что латинизация приведет к международному признанию русского языка в качестве мирового [7, л. 63, 66], включению Советского Союза в «международное научное общение» [9, л. 79]. Для неславянских народов обоснованием курса на латинизацию было утверждение о якобы отрицательном отношении этих народов к русскому языку и письменности [10, л. 121], а также о необходимости преодоления наследия дореволюционной «христианизации» [11, с. 7], «русификации» [12, л. 21] и «великодержавного шовинизма» [13, л. 2].

«Латинизаторы» утверждали, что у этих народов на самом деле и не было письменности, а были лишь ее «начатки» [14, л. 16] (что на самом деле было не так). Они считали, что проблем с переобучением на латиницу не возникнет, т. к. процент грамотных «не настолько велик, чтобы он мог приостановить переход на новый алфавит» [15, л. 1]: например, у калмыков «грамотность... на русифицированном [алфавите] к концу его пятилетнего существования» составила 4–5 % [16, с. 119], якуты «на 98 % неграмотны на русском языке» и поэтому якобы не имеют «основания предпочитать русский алфавит» [17, л. 41].

«Латинизаторам» были ясны и существенные трудности своего начинания. Прежде всего непросто было обосновать сам отказ от кириллицы и переход на латиницу, т. к. оба алфавита не имеют принципиальных отличий [18, с. 52] (показательно, что в 1920-х гг. жителям СССР, пользовавшимся арабской письменностью, и латинский, и русский алфавиты казались «одинаковыми» [19, с. 173]). Именно из-за этой трудности «латинизаторы» делали упор на экономию [9, л. 60] и «унификацию» всех советских (а затем – и мировых) алфавитов как на основную цель латинизации русской письменности [19, с. 142].

Сложности были связаны с тем, что в наличии имелось богатейшее наследие на русском языке, написанное и изданное в традициях кириллицы [20, л. 7об]. В Северной Осетии, по признанию «латинизаторов», трудностью была основательность доводов за «русифицированный алфавит», высказанных общественностью республики [6, с. 103]. Тем не менее «латинизаторы» были уверены, что проблемы вполне преодолимы.

Практика латинизации письменности разных народов имела общие черты, прежде всего – это стадийность. Внедрение или попытки внедрения латинского алфавита у большинства народов начались на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В декабре 1928 г. президиум Ойротского облисполкома принял решение ввести латинизированный алфавит у алтайцев [21, л. 167об]. В Якутии «новгородовский» алфавит на основе латиницы был официально принят правительством еще в 1924 г., однако общесоветский «новый алфавит» был введен только в марте 1929 г. [17, с. 46–47]. В ноябре 1929 г. по инициативе Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнауки) была организована подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под руководством лингвиста Н. Ф. Яковлева [8, л. 12]. В 1929–1930 гг. вступила в активную фазу деятельность по латинизации письменности алтайцев, калмыков, коми, коми-пермяков, удмуртов, хакасов. В 1930 г. научный комитет Молдавской АССР приступил к латинизации молдавского языка [22, с. 12].

Особенностью практики латинизации у финно-пермских народов было противостояние между сторонниками двух вариантов финно-пермской латинизации – «нового латинизированного алфавита», внедрением которого занимался ВЦКНА, и «яфетидологического» (или «аналитического») алфавита, разработанного академиком Н. Я. Марром. Наиболее острая борьба в этом отношении развернулась в Удмуртии в 1931–1932 гг. [23, с. 7] (в итоге «марристы» отступили). Проявился также еще один аспект противостояния среди «латинизаторов» – между сторонниками ориентации на Финляндию и финский язык [24, л. 5, 12]. В итоге этот подход был отвергнут и признана недопустимость «ориентации на культуру и письменность буржуазных стран – Финляндии, Эстонии, Венгрии» [25, л. 2об].

Особенностью ситуации у кряшен была проблема сопряжения латинизации с аналогичным процессом у татар. В январе 1928 г. было объявлено, что латинизация кряшенской и татарской письменности будет осуществляться параллельно [19, с. 130–131]. У осетин особенностью было наличие двух административно-территориальных единиц (Северной и Южной Осетии), что требовало согласования реформы письменности, орфографии и пр. [21, л. 179].

Несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации русской письменности, среди общественности было выявлено сопротивление этой инициативе [9, л. 68]. Уже в декабре 1919 г. Московская диалектологическая комиссия (председатель – Д. Н. Ушаков) и Московский лингвистический кружок (председатель – Р. О. Якобсон) в ответ на запрос Наркомата просвещения РСФСР о возможной латинизации русской письменности приняли резко негативную резолюцию, обоснованно отвергнув фактически все доводы «латинизаторов» [1, л. 1–1об]. В 1931 г. профессор Н. Н. Фатов прислал письмо в «Литературную газету», в котором заявил, что проект латинизации русской письменности является «объективно вредительским» [7, л. 6, 8].

Развернулось мощное сопротивление и против латинизации у других народов. Еще в 1924 г. на заседании лингвистов в Ленинграде под председательством В. В. Бартольда и Л. В. Щербы было объявлено, что «латинский алфавит в научном отношении не имеет каких-либо преимуществ перед русским в качестве базы общего для всех тюркских народов алфавита» [26, с. 102–103]. Татарский ученый и принципиальный противник латинизации Г. Ш. Шараф был уверен, что у якутов, чувашей и многих других народов «употребление <...> русского шрифта <...> является единственно возможным и приемлемым» [27, с. 1–2]. Введение латиницы встретило сопротивление в Якутии [17, с. 41–44], у финно-пермских

народов [28, с. 192], в Северной Осетии [29, с. 57, 98] и Молдавской АССР [22, с. 12].

Особенностью сопротивления латинизации у финно-пермских народов был прямой саботаж со стороны местных властей (и, разумеется, широкой общественности), в том числе в Коми-Пермяцком национальном округе [30, с. 81, 83–84] и Удмуртии [13, л. 35, 39об]. Из-за сопротивления и саботажа практика латинизации столкнулась с существенными трудностями, особенно у финно-пермских народов [31, л. 20], в Хакасии [32, л. 58] и других регионах.

Наконец, главным и решающим фактором сопротивления стала жесткая реакция руководства СССР на деятельность по латинизации русского алфавита. 26 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита». Такое «предложение» в условиях того времени следовало рассматривать как приказ. Однако деятельность «латинизаторов» не прекратилась – они фактически проигнорировали указание Политбюро ЦК ВКП(б). Тогда на эту деятельность со стороны властей последовала уже более жесткая реакция – 2 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которое гласило: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита... создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет... воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита» [33, с. 100–101].

Запрет латинизации русского алфавита стал «триггером» изменения ситуации не в пользу латинизации, т.к. ранее русская латинизация рассматривалась как отправная точка для аналогичного процесса у других народов СССР. Так, еще в 1921 г. при обсуждении латинизации сотрудник Минусинского уисполкома М. Райков высказывал мнение, что «нельзя предлагать сибирским инородцам... писать латинскими буквами до тех пор, пока... русские не перешли к латинской азбуке» [34, л. 5]. В 1930-х гг. в Чувашии среди специалистов по орфографии и терминологии бытовало мнение: «Не менять своего алфавита до тех пор, пока не встанет вопрос о замене алфавита в русском языке» [35, л. 9]. Г. Ш. Шараф полагал, что латинизация якутской письменности «могла бы увенчаться успехом только в случае принятия латинского шрифта и для русской письменности» [27, с. 2].

В целом к 1933 г. в СССР начался общий пересмотр национальной политики – власти решили вернуть русскому народу государствообразующую роль. Соответственно, вырос статус русского языка и русской письменности, которая отныне получила почетный титул «алфавита творений

Ленина и Сталина» [36, с. 88], а русская культура в целом – статус «единственной пролетарской социалистической культуры» [37, л. 7]. (Характерно, что в Осетии о таком значении русского языка и культуры говорили уже в 1920-х гг. [29, с. 57].) В стране был поднят вопрос о необходимости углубленного изучения русского языка и, соответственно, письменности в национальных школах [38, с. 14, 24].

Изменения в политике постепенно нарастали. Весной 1933 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) дал «твердые указания Комитету по латинизации»: «Ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые [уже] применяют русскую письменность» [33, с. 102].

Мощным шагом для отказа от латинизации стало выступление главы Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова на XVII съезде ВКП(б) 30 января 1934 г., который резко высказался против латинизации и за русский алфавит для народов Севера [39, с. 215]. Практически сразу же после этого вышли статьи, направленные против огульной латинизации, в центральных партийных органах – газете «Правда» и журнале «Большевик» [36, 40].

1 июня 1935 г. при обсуждении работы Комитета нового алфавита ЦИК СССР обратил внимание на серьезную ошибку, заключающуюся в латинизации письменности народов, ранее пользовавшихся русской графикой [41, с. 254–255].

Окончательно новый курс политики, который можно обозначить как «обратная кириллизация», обозначился в 1936 г., когда была развешена жесткая критика латинизации со стороны структур ЦК ВКП(б). Заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман сообщил А. А. Андрееву и Н. И. Ежову о вредности «искоренения русской основы в письменности тех народов, которые пользовались ею в течение десятилетий». В частности, речь шла о Коми и Удмуртии, где «насильственный перевод на латинский алфавит превратился прямо в издевательство над широкими массами населения». Бауман подчеркнул, что «латинизация проводилась вопреки действительным желаниям населения» [28, с. 192–194].

Была поставлена задача отмены латинизации и возврата письменности уже «латинизированных» народов к кириллице. Прежде всего, в 1936 г. был произведен отказ от проекта латинизации удмуртского и марийского алфавитов. В сентябре 1936 г. ЦИК СССР утвердил переход коми языка на русский алфавит [42, л. 12, 14]. В 1937–1938 гг. была отменена латинизация алтайской, шорской [43, л. 22], коми-пермяцкой [44, л. 53], осетинской [45, л. 1], якутской письменности [28, с. 448]. В результате в СССР была переведена на кириллицу практически вся письменность – к марту

1939 г. Институт языка и письменности народов СССР разработал алфавиты и орфографию на основе русской графики для 33 языков [46, л. 4].

Таким образом, несмотря на все усилия «латинизаторов», многие народы, использовавшие кириллический алфавит, так и не перешли на латиницу, прежде всего это русские, украинцы и белорусы. У первых латинизация осталась только как узкий «эксперимент», у украинцев и белорусов – вообще не сдвинулась (несмотря на то что в мае – июне 1927 г. 20 (из 75) участников всеукраинской конференции в Харькове поддержали предложение по переводу украинской письменности на латиницу [47, с. 317]). Официально сохранили кириллический алфавит также марийцы, мордва, удмурты и чуваша. На относительно небольшой срок перешли на латиницу якуты, коми, коми-пермяки, осетины и тверские карелы. В Карелии язык титульного этноса фактически был предан забвению за счет введения финского, а не карельского языка в качестве официального.

В целом аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой, в связи с отсутствием принципиальных отличий между кириллицей и латиницей, а также наличием в кириллице большего числа букв, включая специально придуманные для русского языка. Отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены латинизации письменности народов Севера, затем – угро-финских языков Поволжья и Урала и, наконец, практически всех остальных. Так на практике ярко проявилась роль русского языка как «государствообразующего». В современной России русский язык законодательно объявлен государственным, введена правовая норма, согласно которой алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы.

Ссылки

1. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 197. Оп. 1. Д. 13.
2. Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦКНТА, 1930. 227 с.
3. Литературная газета. 1930. 13 янв. С. 2.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 15. Д. 4.
5. Единый северный алфавит (проект). Хабаровск: Дальневосточное общество краеведения, 1930. 12 с.
6. Культура и письменность Востока. Кн. I. Баку: ВЦКНТА, 1928. 139 с.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 15. Д. 5.
8. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81.
9. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 358. Оп. 2. Д. 189.
10. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 155.
11. К вопросу о реформе удмуртского письма: сб. ст. Ижевск: Удкнига, 1931. 59 с.
12. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 169.
13. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 352.
14. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 977.
15. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1008.
16. Алфавит Октября: Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР: сб. ст. М.; Л.: ВЦКНА, 1934. 165 с.
17. Революция и письменность. 1932. № 3. 160 с.
18. Алпатов В. М. Факторы, влияющие на выбор системы письма // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 2. С. 51–53.
19. Мударисова А. К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань: Б. и., 2001. 216 с.
20. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 125.
21. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 43.
22. Ковальски С. В., Антоць А. М. Коммунистическая «латинизация» молдавского языка (1925–1938 гг.) // Science Time. 2021. № 2. С. 10–14.
23. Революция и письменность. 1932. № 1–2. 174 с.
24. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239.
25. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 351.
26. Боровков А. К. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. 1956. № 4. С. 101–110.
27. Шараф Г. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. Казань: Б. и., 1926. 64 с.
28. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945 / сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.
29. Алборов Б. А. История осетинских письмен. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1929. 99 с.

30. Каменских М. С. Язык и языковая политика у коми-пермяков в 1920–1930-е гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 4. С. 76–90. DOI 10.46539/jfs.v6i4.335.
31. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 334.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 2392.
33. Проблемы «латинизации русского алфавита» / публ. В. Денисова // Источники. 1994. № 5. С. 99–106.
34. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1230.
35. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1150.
36. Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81–96.
37. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57.
38. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2437. Л. 14, 24.
39. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
40. Ровинский Л. Об одной национал-демократической концепции // Правда. 1934. 17 февр. С. 3.
41. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 351 с.
42. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 839.
43. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 36. Д. 176.
44. СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 240.
45. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2494.
46. АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 3.
47. Остапчук О. А. Планирование корпуса как часть украинского языкового строительства в 1920–1930-е годы // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 315–333.

Reflection of Everyday Life of the Common Man on the Pages of the "Satyricon" Magazine. Part 2

A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-46-59

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the satirical weekly «Satyricon», published in 1908–1914 in St. Petersburg. It set the vector for the development of Russian satirical and humorous journalism for many years to come. Based on the analysis of the materials published in the magazine, the article attempts to look at the world of the layman through the prism of satire and humor, to understand his interests and pressing problems. The author comes to the conclusion that the magazine «Satyricon» reflects almost all aspects of everyday life of the layman: culture, social life, fashion, entertainment. Particular attention in the periodical was given to the political events in Russia at the beginning of the 20th century, the activities of the State Duma, and representatives of the political parties of the time. The vivid images of political leaders created by the satirists of the magazine could transform over time, change and be filled with new details, which were followed with great attention by the readers of the magazine.

Keywords: satirical press; magazine; writer; artist; everyman; image; humor

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Moysinovich, Anna M. | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Отражение повседневной жизни обывателя на страницах журнала «Сатирикон». Часть 2

А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-46-59
УДК 94(47)+03:19.41.09

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена сатирическому еженедельнику «Сатирикон», выходящему в 1908–1914 гг. в Санкт-Петербурге. Автор приходит к выводу, что в журнале «Сатирикон» нашли свое отражение практически все стороны повседневной жизни обывателя: культура, общественная жизнь, мода, развлечения. Особое внимание в периодическом издании было уделено политическим событиям России начала XX в., деятельности Государственной Думы, представителям политических партий того времени. Образы политических лидеров, созданные сатириками журнала, могли трансформироваться с течением времени, меняться и наполняться новыми деталями, привлекая внимание читателей.

Ключевые слова: сатирическая печать; журнал; политика; Государственная Дума; обыватель; образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мойсинович, Анна Михайловна | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Создание журнала «Сатирикон» стало событием в культурной истории России начала XX века. Редактор издания А. Т. Аверченко на годы вперед задал направление развития отечественной сатирико-юмористической журналистики. Материалы, публикуемые на страницах «Сатирикона», были разнообразны. В журнале нашли отражение культура, политика, общественная жизнь, все, о чем можно говорить в узком кругу, чтобы блеснуть эрудицией. Некоторые темы, например внутренняя политика России, заслуживают особого внимания.

Издание «Сатирикона» приходится на такое время, когда уже закончили существование первые две Государственные Думы (ни одна из них не отработала полный срок) и шла вторая сессия III Государственной Думы.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Ей было предоставлено право собственной законодательной инициативы, и на протяжении своего существования она была главным полем политической борьбы. Благодаря новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. депутаты преимущественно принадлежали к высшим слоям общества и придерживались правых взглядов. Представители «Союза 17 октября» составили большинство. Общество понимало, что строптивные первые Государственные Думы сменила «удобная» и послушная Дума, более управляемая и пригодная для реализации планов и задач, поставленных перед страной П. А. Столыпиным.

Оценка ситуации нашла воплощение в рассказе «Три весны» неизвестного автора журнала. Перед читателем предстает мизансцена с декорациями (весной и скворечником) и главными действующими персонажами – сторожем и скворцами. Суть сюжета проста: слишком голосистые – речистые – птицы, прилетавшие в скворечник каждую весну, беспокоили старого полуглохого сторожа. Две весны он выгонял из гнезда неугомонных птиц и мечтал о надежных, хорошего поведения скворцах, «со всеми регалиями и капиталом».

И вот, когда пришла третья весна, в скворечник прилетели птицы важные, рассудительные, законопослушные, работоспособные. Среди них только малая часть походила на прежних, да и то «тонула» в общей массе «черных как сажа, скворцов». Все образы легко расшифровывались современниками: сторож – царский режим, скворцы – депутаты, скворечник – символ Государственной Думы.

Автор отождествляет скворечник (искусственное гнездовье для птиц) с Думой – явлением новым для России, которое постоянно сравнивали с парламентами стран Европы. С точки зрения автора, при всей солидности скворечника-Думы основание его уже начало подгнивать, и, если бы не «заморские подпорки», он мог бы и совсем упасть [1, с. 8].

Рассказ перенасыщен аллегориями и намеками. Под «черными как сажа, скворцами» явно подразумевались представители черносотенных организаций, уточнялось, что новые скворцы-депутаты «обжились вполне и чувствуют себя хозяевами, но только в “скворечнике”». В Государственной Думе положение руководящего центра занимала партия октябристов, которая определяла председателя, обеспечивала относительно устойчивое думское большинство кабинету П. А. Столыпина, хотя многие понимали, что премьер видел во фракции октябристов не опору, а средство для достижения целей.

Ни Дума, ни ее состав не вызывали симпатий в русском обществе. На страницах «Сатирикона» мишенями для шуток стали представители от партий: «Союза 17 октября» – Н. А. Хомяков, А. И. Гучков, М. В. Родзянко; «Союза русского народа» – А. И. Дубровин, Н. Е. Марков II, В. М. Пуришкевич, Ф. Ф. Тимошкин; «Всероссийского национального союза» – М. О. Мен-

шиков, П. Н. Крупенский; Конституционно-демократической партии – П. Н. Милуков.

По мнению сатирика О. Л. Д'Ора, ни одна из первых двух Дум не выдвинула столь «славных» имен, как третья, засверкавших на политической арене как драгоценные камни. В коротких сатирических заметках, объединенных общим заглавием, он дает меткие характеристики октябристам, например председателю Государственной Думы (1907–1910 гг.) Н. А. Хомякову, который позиционировал себя как беспристрастного арбитра с независимой позицией. Насколько у него это получалось как представителя партии октябристов, периодически создававшей внутри Думы блоки то с крайне правыми силами, то с прогрессистами и кадетами, отражено в рассказе, где автор с иронией отметил, что политический деятель попросту никак не мог определиться и решить, правый он или левый. Не забыл О. Л. Д'Ор отметить «средние», но вызывающие восхищение у сторонников по партии достоинства Н. А. Хомякова как председателя: «не всегда гениально ведет заседания, но всегда одинаково плоско острит. Октябристы, однако, очень довольны и тем, и другим – восхищаются ведением заседаний и восторгаются остротами своего председателя» [2, с. 2].

Мнение о Н. А. Хомякове было неоднозначно. С одной стороны, от председателя в Думе зависит поддержание продуктивной обстановки во время заседаний. Уместно привести эпиграмму поэта К. М. Антипова:

*Он на думском троне прочен,
Как Зевес глядит кругом, -
Правым – ласка, левым – гром, -
Он как агнец непорочен,
Агнец в возрасте притом* [3, с. 5].

С другой стороны, судя по заметкам в «Сатириконе», Н. А. Хомяков не снискал лавры справедливого и безукоризненного председателя, получив репутацию человека колеблющегося и не всегда умелого арбитра.

В одном рассказе автор, не пожалев преклонные лета Н. А. Хомякова, сравнил его с норовистым сивым мерином, иногда готовым показать норы, «лягаясь на право и дергая головой влево», хотя подчеркивал одновременно его добродушие и то, что тот быстро «делается смирным...» [4, с. 7]. Идиома «сивый мерин» несла в себе и другое значение, в переносном смысле обозначая мужчину, заговаривающегося от старости и несущего всякий вздор.

В рассказе О. Л. Д'Ора фигурировал и лидер октябристов – А. И. Гучков, истинный московский купец, решивший, что «парламент – это лавка, в которой продают политические русские и иностранные товары». Соответственно, следовало в зависимости от ситуации «конкуренту-кадету» подставить подножку; министру-покупателю сделать «уступочки-с», запросить цену, а затем «торговаться до седьмого пота». В общем, «выпускать из лавки хорошего покупателя нельзя-с. За свою цену отдать, но не пускать к конкуренту» [2, с. 2–3].

В повествовании взаимодействие партии октябристов и Думы сведено к торгашеству: «ты мне – я тебе». Октябристы, получив возможность путем голосования то с правыми, то с левыми фракциями поддержать любой законопроект, активно этим пользовались для поддержки проектов П. А. Столыпина. Слаженность действий «Партии 17 октября», направленных на достижение цели, умение договариваться были отмечены А. Т. Аверченко:

*Правый, левый, кадет -
Все за нами во след
Дружной ратью пойдут понемногу.
И пройдет год-другой-
Все мы мерной стезей
К возрожденью проложим дорогу [5, с. 13].*

Любое изменение внутреннего курса Государственной Думы анализировалось авторами журнала. Колебания депутатов по принятию того или иного законопроекта были часты. А. И. Гучков, обладавший даром убеждения, умел оказывать влияние на позиции депутатов, менять их взгляды в нужном направлении. Умение убедить их в правильности принимаемого решения можно увидеть и в стихотворении поэта А. А. Коринфского (псевд. А. Рифмачев), который на примере славного военного прошлого А. И. Гучкова проводил интересную аналогию с двуствольным ружьем, где у каждого ствола свое конкретное назначение:

*Ваше мнение? – Мое?
Со стены я снял двустволку
(Превосходное ружье!)
И прочистил. Что же толку?
Хитрость в чем же? А хитрость в том
(Говорю как старый воин),
Что с двуствольным-то ружьем
За себя уж я спокоен.
Как увижу, чья взяла,
Так – решительно и смело,
Из того ль, сего ль ствола,
И схвачу я без прицела.
Вправо надо – правый ствол,
Влево – левый: вся наука!
Сам своим умом дошел,
И любой из «этих» ну-ка! [6 с. 9]*

На страницах журнала А. И. Гучков, блестящий оратор и руководитель фракции октябристов, предстал не в самых лицеприятных ипостасях: лакей, астролог, парикмахер, дух, веющий над Таврическим дворцом. Авторы «Сатирикона» создали карикатурный образ лидера партии – услужливого,

с лакейским подбострастием сгибающегося перед вышестоящими чиновниками, готового выполнить любую их просьбу.

В рассказе «Тяжелый крест» Александр Иванович предстает как ходатай по чужим, мелким, не стоящим внимания делам, радующийся оказанному ему доверию со стороны чиновников. Постепенно он превращается в слугу, к которому не стесняются обращаться министры и депутаты Государственной Думы. Одни просят сделать заявление или получить справку, другие принести сигареты или газетку и т. д. В общем, «ужасно хлопотливая эта вещь – политика!» [7, с. 2–3].

В анекдоте, напечатанном в одном из номеров, приведен разговор кадета и А. И. Гучкова, в ходе которого первый отмечает блеск ботинок П. А. Столыпина и задает вопрос – чем они чищены? И получает ответ второго – ваксой «Жак» [8, с. 6]. Знание такой подробности подводит читателя к пониманию того, кто тот лакей, что чистит ботинки Премьера.

Созданный образ отражал сущность проводимой политики в Думе, а не личность политического деятеля с резким и жестким стилем поведения, с безапелляционностью суждений, который не останавливался перед уничижительной критикой своих оппонентов [9]. Нередко А. И. Гучков провоцировал дуэльные ситуации. Они нашли отражение на страницах журнала. 17 ноября 1909 г. он вызвал на дуэль графа А. А. Уварова. Результатом дуэли стал арест и четыре месяца заключения в Петропавловской крепости. Летом 1910 г. лидер октябристов занял тюремную камеру в крепости, но вскоре был помилован царем.

Интересна карикатура в четырех частях А. Радакова «Ужасы русской тюрьмы», где А. И. Гучков изображен в «тюремной» робе и кандалах при богато накрытом столе. В камере он неплохо проводит время, а после застолья идет в отхожее место, украшенное свечами, флаконами ароматических масел или духов с сидением, больше похожим на трон [10, с. 2]. Издевка над тяготами тюремной жизни состоятельного купца! Через пару страниц встречаем тонкую шутку на тему ареста, где А. И. Гучкова спрашивают, что он будет делать летом, и получают в ответ: «Буду занят. Мне предстоит маленькое заседание по тюремному вопросу» [10, с. 6].

Общество воспринимало «Партию 17 октября» скорее негативно; октябристы в сознании обывателей выглядели как беспринципные люди, готовые служить «и вашим и нашим», тем, кто предложит более выгодные условия; и при любом раскладе внутри Государственной Думы «везде и всегда» они «были бы довольны» [11, с. 11].

Характерно высказывание одного из депутатов Думы, запутавшегося в хитросплетениях политических дебатов и формировании блоков: «Никак не могу уяснить себе, кто я такой: по аграрному вопросу голосую с умеренными правыми, по рабочему – с эсдеками, по национальному с кадетами, по бюджетному с трудовиками, насчет морского бюджета голосовал с союзниками и, кроме того, все считают меня октябристом» [12, с. 11].

Наиболее крупной оппозиционной фракцией III Государственной Думы были кадеты во главе с П. Н. Милюковым. Участие в Думе не приносило им ощутимых дивидендов. Кадеты пытались предлагать свои законопроекты, но октябристы, парламентское большинство, не откликнулись ни на один из них. Внутри партии шли дискуссии о возможностях русского конституционализма. П. Н. Милюков в отличие от соратников поддерживал перспективность развития правового государства.

На страницах «Сатирикона» П. Н. Милюков – редкий гость; его практически нет в карикатурах, а если он там присутствует, то на заднем плане, неуверенный и стусежавшийся, что легко объяснимо: в этот период партия кадетов не играет в Думе значительной роли. Если в текстах встречается его фамилия, то рядом фигурирует слово «конституция». Дело в том, что в новой редакции «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. власть императора была ограничена, но была одна статья, согласно которой нормы российского законодательства не распространялись на самодержца.

Выходило, что на деле сущность государственного устройства Российской империи не изменилась. Конституция существовала только на бумаге. В русском обществе это понимали, и авторы журнала часто поднимали вопрос: а есть ли конституция? И, как правило, отвечали: «нет». Один лишь лидер партии кадетов на страницах издания упорно пытался доказать, что в России есть конституция. В одном из побасенок в доказательство ее существования он спрашивал городского: «А что, братец, есть у нас конституция?» И получал в ответ окрик: «Я тебе покажу!». На что довольный П. Н. Милюков говорил: «Раз покажет, значит, есть» [13, с. 2].

В другом рассказе Павел Николаевич, найдя в учебнике по русской истории, предназначенном для военных училищ и юнкеров, указание о введении в России в 1905 г. конституции, на предвыборном собрании представил «неопровержимые доказательства» ее существования и получил от пристава три предупреждения. Затем он решил освободить на основании конституционных норм заключенных, находящихся в тюрьме более трех дней без обвинения со стороны судебных властей. В результате он сам оказывается в одиночной камере и все равно остается при своем мнении: «А все-таки она есть. Кто – она? Конституция! Где же она? Вот-с. В этой книжечке. Сам читал. Сидя в одиночной камере, Милюков часто доставал из-под подушки книгу, хитро ухмылялся и погружался в чтение. Как же <...> Нет! – говорят. Как нет? Почему нет? Есть. Вот она – на 245-й странице <...> Черным-с по белому-с... Меня не надуешь» [14, с. 3].

Журнал «Сатирикон» создал образ «непримиримого» кадета, слишком образованного и интеллигентного для III Государственной Думы, «гораздо-го» «только лясы точить» [11, с. 8]. Для обывателя кадет-интеллигент представлялся как человек доверчивый и простодушный, не умевший за себя постоять, слишком сложно и непонятно говоривший, становившийся легкой

добычей для грубых и хамоватых людей и, главное, неспособный к решительным действиям. После начала третьей сессии Думы поэт С. Черный написал о них:

*...Избранников кадет до крупных слез мне жалко...
Позвольте мне над ними порыдать!
Они, как девушки среди бродяг вертепа,
Краснея и стыдясь, потупят глазки вниз...
О, лучше б дома пить им чай с лимоном,
Мечтать о Лондоне, читать родную «Речь»,
Чем, оглушаясь хомяковским звоном,
Следить за ритмом министерских плеч!
Что им сказать, когда такая пушка
Как Родичев, и тот умолк давно?... [15, с. 2]*

Нередко карикатуристы журнала изображали кадета в образе ученого мужа (иногда, чтобы подчеркнуть его образованность, среди кип книг и рукописей). Так, в карикатуре Ре-Ми кадет-невеличка прикован к рослому заключенному-рецидивисту. Один должен сесть в тюрьму за убийство семьи, ограбление старухи и насилие над малолетней, другой – за подписание Выборгского воззвания. Разница в росте двух героев рисунка призвана подчеркнуть слишком большой опыт в делах уголовных заматерелого преступника и отсутствие оно у кадета. Он слишком интеллигентен для тюремной среды, начиная от обращения на «Вы» и «коллега» к преступнику и заканчивая форменной одеждой преподавателя [16, с. 1].

По мнению авторов журнала, кадет всегда поступает с правовой точки зрения правильно, осторожно и с оглядкой на законодательные нормы. Если сравнить политику с купанием в реке, как это сделал М. Васильев, кадет входит в воду осторожно, попробовав ее пальцем ноги, плавая, производит невыносимый шум. Всегда «держится около берега, боясь отплыть далеко. Из воды выходит почти сухой» [17, с. 10].

Попытка кадетов в начале работы Государственной Думы найти точки соприкосновения с октябристами, образовать с ними союз не увенчалась успехом. У А. Т. Аверченко есть сатирический рассказ «Партийное соглашение» [18, с. 2–3], где партия большинства – «октябристы» – образуют блок с националистами, идеологически они были им ближе, чем кадеты. К ним присоединяются лидеры польского коло и мусульман. Периодически А. И. Гучков шепчется в углу с поляками и мусульманами, что-то им обещает. Кадеты в блок не входят, их игнорируют. В этом суть работы Думы, где судьба голосования зависима от октябристов и договоренностей с представителями других партий. Кадеты свою силу потеряли и больше не являются партией центра. Умеренные речи в Думе и разговоры внутри конституционно-демократической партии о том, что нужно сосредоточиться на законодательной деятельности, свидетельствовали об отклонении от основной партийной линии и были признаком ее деморализации.

17 ноября 1907 г. на заседании Думы произошел инцидент с участием лучшего оратора кадетской оппозиции Ф. И. Родичева и П. А. Столыпина. Был поднят вопрос о военно-полевых судах, и выступление кадета было встречено думским большинством крайне негативно. Выступая, в порыве эмоций оратор сравнил виселицу со «стольпинским галстуком» – выражение, которое с этого времени станет крылатым и будет встречаться на страницах периодической печати, в том числе и сатирической. Речь вызвала скандал, Ф. И. Родичев был вынужден принести извинения Премьеру, на сторону которого встала подавляющая часть Думы. Стихотворения В. Князева отразило отношение общества к кадетам в то время:

*Их устои – шатки,
Их победы – редки,
Но их речи сладки,
Их сравненья – метки!
Вечные нападки
Заслужили-ль детки?
Бедные ребятки!
Паиньки-ка-детки! [19, с. 3]*

На страницах «Сатирикона» колоритно в остросатирической форме была показана партия «Союз русского народа», лидерами которой были А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич – частые гости журнала. Партия объединяла вокруг себя широкие слои населения, преданные монархии, создавала боевые дружины «черных сотен» для защиты традиционных устоев и преследования евреев. В. М. Пуришкевич прославился своим хамским поведением во время выступлений депутатов. Он прерывал речи политических оппонентов иногда при помощи полицейского свистка, мог сквернословить и обзывать тех, кто ему не нравился. Его выступления были запоминающимися и в большинстве – скандальными.

Когда из-за выходок председатель удалял его из зала заседания, он выходил только под конвоем Таврического дворца в присущей ему показной ребяческой манере: В. М. Пуришкевич садился на плечи охранников и, скрестив руки на груди, с триумфом покидал зал [20, с. 109]. На одной из карикатур его практически выносят из здания Думы два охранника, зацепив его руки длинными кузнечными клещами. Мимо проходят люди. Один другого спрашивает: «Что это такое?» – и получает ответ: «Очередная дезинфекция. Пуришкевича на пять заседаний выносят» [21, с. 6].

В пародии К. Д. Бальмонта довольно точно отражены особенности характера В. М. Пуришкевича и его поведения в Думе:

*Хочу быть грубым, хочу быть дерзким!
Личину чести с себя сорвать;
Звать хулиганов к погромам зверским
И черной сотне венки свивать.
Хочу быть диким, нахально-смелым*

*Сорвать заветы святой любви;
Хочу упиться жидовским телом
И захлебнуться в крови, в крови!
Пускай насилья жестокий молот
Бьет изможденных людей сердца,
Пускай в России властитель – голод
Людские души рвет без конца.
И в Думе нашей я речью вольной
Всех обругаю, перекричу.
Пусть воцарится мрак произвольный
Страданья видит – я так хочу! [22, с. 14]*

Амплуа клоуна стало визитной карточкой В. М. Пуришкевича. На одной из карикатур Ре-Ми он был изображен щуплым, с лысой головой человеком, отгоняющим от здания Таврического дворца, где проходили заседания Думы, смерть с косой. Так на страницах «Сатирикона» изображали холеру, которая в то время (август 1908 г.) вспыхнула в С.-Петербурге. Замахнувшись на нее зонтиком, он кричит вслед убегающей холере: «А теперь, можешь проваливать, - мы больше позабавим публику!» [23, с. 1]. Художник как бы заранее готовил читателя к последующим выходкам ярого монархиста в Государственной Думе.

Ре-ми создал образ худого, невзрачного и лысого депутата, тиражируя его впоследствии на страницах журнала, а авторы-сатирики придали персонажу больше эксцентрики и гротескности. Эпитеты, которыми периодически награждали сатириконтцы депутата В. М. Пуришкевича, передают лишь отчасти впечатления, которые выносили с заседаний Государственной Думы современники. Вот некоторые из них: «рыжий, стрекоза, шмель, блоха; стрекочет, жужжит и скачет...» [24, с. 7]. В журнале периодически упоминаются его эскапады в сторону запретов пьесы «Саломея» Оскара Уайльда в театре Комиссаржевской, документального фильма в одном из столичных кинотеатров. Он имел влияние в определенных кругах, обладал силой убеждения и умением добиться своего. Пьеса и фильм были сняты с репертуаров театра и синемаатографа.

В одном из рассказов А. Т. Аверченко его литературный герой выступал в роли заискивающего просителя, умоляя В. М. Пуришкевича посодействовать разрешению представления в театре пьесы, которую цензурный комитет не пропустил. По ходу повествования количество просьб увеличивалось вместе с титулами в порядке возрастания: «ваше сиятельство», «ваше превосходительство», «ваше высокопревосходительство», «ваше преподобие», «ваше преосвященство». Суть повествования сводится к тому, что раз политический деятель с не самой лучшей репутацией смог запретить пьесу в театре, то он может и разрешить ее к показу, а заодно сделать и многое «другое» – помиловать, развести с женой. Кульминацией рассказа стало то, что после мощной атаки просителя, начавшего с целования руки и пере-

шедшего к лобызанию ботинок политика, сам В. М. Пуришкевич впадает в транс и начинает верить в свое всемогущество: «Все придут ко мне! В ногах еще будут ползать! Обождите! След моих башмаков целовать вам придется! Преподобие! Сиятельство! Превосходительство! Раньше Володькой звали, по щекам архитекторы били, клоуном, обезьяной дразнили, из Думы выбрасывали. А-а! Покажет Вам Володька и Думу, и театр, и все!» [25, с. 2–3].

Партия «Союз русского народа» предстает на страницах «Сатирикона» черной необразованной массой, принимающей участие в убийстве депутатов Государственной Думы, членов конституционно-демократической партии – М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса, пьяных дебошах и погромах. Один из рисунков Ре-Ми раскрывает сущность союзников. Художник, в который раз создал запоминающийся образ, в котором ощущается чуть ли не вселенская злоба и вседозволенность.

Перед зрителем предстает человек-горилла в черном, с серым лицом и тупым взглядом. Он сидит, развалившись на диване. В комнате полная разруха, порваны картины и книги, разбиты статуи, ободраны диван и стены, чуть ли не «с мясом» выдрана оконная рама. Запоминающаяся деталь, сразу бросающаяся в глаза, – торчащий нож из дивана. В хозяине положения чувствуется примитивность и отсутствие какого-либо интеллекта [26, с. 1]. Кроме того, по мнению сатириконцев, представители «Союза» не умели вести себя на людях культурно. В одном из рассказов Фомы Опискина (псевд. А. Т. Аверченко) фигурируют депутаты от правых: В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков II, М. А. Сушков и др. Их пригласили на обед к премьер-министру П. А. Столыпину. Перед этим лидер фракции наставляет свою паству: «в кулак не сморкаться, рыбу ножом не есть, и ежели икнуть, то сейчас же перекрестить рот» [27, с. 2].

И вот, депутаты сидят за столом в смущении, не зная, как правильно вести себя. Один на вилку вместо сардины насадил пробку и попытался ее проглотить, другой никак не мог поймать двумя пальцами скользкий гриб. В беседе за столом, что они ни скажут, все не попадет, коверкая французский. Иногда в общий разговор прорывается неуместная фраза: «Да у нас, в чайной...».

Обед подходит к концу. Больше всех недоволен Н. Е. Марков: «Черти! <...> Разве можно вас в хороший дом пустить? Сейчас же ноги на стол». И вновь слышит знакомую фразу от рыжего и мрачного депутата: «Да у нас в чайной <...> – Что там у вас в чайной?! Вспылил Марков. – Надоел ты мне с чайной! <...> Рыжий потряс еще раз кулаком и уверенно сказал: Да у нас в чайной <...> Если что не так <...> В ухо – и баста!!! А ты с ними церемонился!» [27, с. 3].

В журнале много говорится об убийстве М. Я. Герценштейна, к которому, как было доказано в 1909 г., был причастен лидер монархистов А. И. Дубровин. Убийство произошло летом 1906 г. в финском городке Териоки. В саркастической форме, будь то рассказ, анекдот или карикатура, так или иначе

поднимается вопрос о причастности А. И. Дубровина к преступлению. В карикатуре Ре-Ми он изображен в своем кабинете в докторском белом халате, вытирающим им свои окровавленные руки. Рядом стоит, судя по всему, его служащий, который просит сделать больному операцию. На что А. И. Дубровин с насмешкой отвечает: «Увы, мой друг <...> После неудачной операции с Герценштейном – я дал себе слово больше никакими операциями не рисковать» [28, с. 1].

В 1909 г. состоялся повторный судебный процесс, проходивший в Финляндии, в ходе которого А. И. Дубровина привлекли в качестве ответчика, но он предпочел скрыться в Ялте под защиту генерал-майора А. И. Думбадзе, покровителя «Союза русского народа». Вслед за этими событиями в «Сатириконе» появляется небольшой рассказ, в котором действие происходит во сне А. И. Дубровина, где с ним говорит один из его основных жертв – изможденный еврей. В ходе своего монолога еврей задает ему вопрос: «К чему вам это надо было <...>? К чему вам нужно было такое, можно сказать партикулярное убийство господина Герценштейна, когда вы столько погромов делали?». В этом повествовании в иносказательной форме речь шла о судебном правосудии над убийцами и теми, кто их направлял, но не в России, где пытались замять дело, а в Финляндии. И здесь необходимо привести часть речи жертвы, которая лучше всего отражает несправие русского закона и торжество финского: «...Не хотел бы я быть на месте господина министра юстиции, г. Щегловитого, или на месте какого-нибудь русского прокурора. Подумайте, господин доктор, им как теперь обидно, что не им приходится карать за преступление, а какому-то финляндскому прокурору! А?! Словно в России нет нелицеприятных судей, нет справедливого суда, нет достаточного статей в уголовном законе?» [29, с. 7].

Проблема состояла в том, что многие преступления «Союза русского народа» оставались безнаказанными и совершались с ведома властей. На страницах периодической печати того времени развернулась целая дискуссия по поводу судебного дела об убийстве М. Я. Герценштейна.

Особо возмущалось черносотенное «Русское знамя», недовольное, что процесс проходит на территории Финляндии. Вследствие шумихи русское правительство сделало официальное сообщение, в котором было указано, что преступления, совершенные на территории Великого княжества Финляндского, должны рассматриваться его судом [30, с. 133]. Позднее правительство пожалело о своем решении и пришло к выводу о необходимости отмены этого положения закона. В результате скандала позиции А. И. Дубровина пошатнулись не только в правительстве, но и среди однопартийцев, что нашло отражение в журнале «Сатирикон».

III Государственная Дума, имевшая устойчивое большинство и готовая сотрудничать с правительством, выдвигала неординарных политиков. К сожалению, для многих представителей русского общества их поведение и политическая тактика внутри Думы вызывала больше неприятие, чем ува-

жение. Тех, кто пытался найти точки соприкосновения с правительством и встать на путь реформирования России, как того хотел П. А. Столыпин, считали отступившими от важных принципов, достигнутых в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. Других, полагавших, что только с помощью скандала и провокации можно добиться своих целей, заставить русское общество прислушиваться к своему мнению, считали недостойными звания депутата из-за недопустимого поведения, порочащего парламент.

Авторитет Государственной Думы был поколеблен, либералы были разочарованы. Небольшая зарисовка одного из художников «Сатирикона» символично отразила постепенную потерю значимости Думы как важного института для общества, где правят амбиции, стремление привлечь к себе внимание любым способом, нежелание считаться с чувствами и интересами других. В ней мы видим двух правых депутатов – кариатид: Л. В. Половцева и В. М. Пуришкевича, несущих на своих плечах Таврический дворец, и надпись: «Две кариатиды, поддерживающие думский “престиж”» [31, с. 2]. Оба не отличались чистоплотностью в выступлениях с трибуны. Стихотворение С. Черного отразило утрату веры в продуктивность работы очередной сессии III Государственной Думы:

*... Что будет? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будут, скучая, жевать,
И мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.
О дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный –
И в страхе, что это навек... [32, с. 2]*

Авторы «Сатирикона» отразили перипетии политической жизни России, показали деятельность Государственной Думы, дали нестандартные характеристики многим партийным лидерам. Образы политических деятелей и партий в целом, созданные сатириками в начале издания журнала, постепенно обросли характерными подробностями, становясь более выраженными, гротескными. Любое изменение во внутренней политике моментально фиксировалось на страницах журнала в карикатурах, небольших зарисовках, юмористических рассказах и анекдотах, где злободневная сатира перемежалась с безобидной юмористикой. «Сатирикон» отразил мнение русского обывателя на события того времени и передал колорит эпохи.

Ссылки

1. Третья весна // Сатирикон. 1908. № 11.
2. Д'Ор О. Л. Знаменитые // Сатирикон. 1908. 28 июня, № 12.
3. Красный. Эпиграмма на Хомякова // Сатирикон. 1909. 31 янв., № 5.
4. Гуревич И. Переполох в Думе // Сатирикон. 1909. 19 марта, № 12.

5. Аверченко А. Октябрист // Сатирикон. 1908. 1 ноябр., № 30. С. 13.
6. Рифмачев А. Мнение А. И. Гучкова // Сатирикон. 1908. 22 ноябр., № 33.
7. Опискин Ф. Тяжелый крест // 1909. 14 ноябр., № 46.
8. [В.] Новое о Гучкове // Сатирикон. 1910. 26 июня, № 26.
9. Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых, 1780–1936. СПб.; М.: Лимбус пресс, 2005. 688 с.
10. Сатирикон. 1910. 26 июня, № 26.
11. Миг. Молитва октябристов // Сатирикон. 1908. № 3.
12. Запутался // Сатирикон. 1908. № 8.
13. Милюков и Конституция // Сатирикон. 1909. 14 ноябр., № 46.
14. Опискин Ф. Книжник // Сатирикон. 1909. 26 сент., № 39.
15. Черный С. Перед началом думских игр (беспартийная элегия) // Сатирикон. 1909. 17 окт., № 42.
16. Обложка // Сатирикон. 1908. № 7.
17. Васильев М. Русская купальня (кто как купается) // Сатирикон. 1911. 1 июля, № 27.
18. Аверченко А. Партийное соглашение // Сатирикон. 1908. 6 дек., № 35.
19. Кн[язев] В. О Ка-детках (детская песенка) // Сатирикон. 1908. № 3.
20. Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
21. Яковлев А. У врат Государственной думы // Сатирикон. 1910. 23 янв., № 4.
22. Бальмонт К. Пуришкевич // Сатирикон. 1908. № 9.
23. Ре-Ми. Съезжаются // Сатирикон. 1908. 4 окт., № 26.
24. Гуревич И. Переполюх в Думе (по Гоголю) // Сатирикон. 1909. 19 марта, № 12.
25. Аверченко А. Большой человек // Сатирикон. 1908. 8 ноябр., № 31.
26. Ре-Ми. Хозяин положения // 1908. 15 ноябр., № 32.
27. Опискин Ф. Парадный обед // Сатирикон. 1909. 15 февр., № 7.
28. Ре-Ми. Неудачная операция хирурга Дубровина // Сатирикон. 1909. 25 апр., № 17.
29. Гуревич И. Сон Дубровина // Сатирикон. 1909. 23 мая, № 21.
30. Витухновская – Каушпала М. А. Финский суд vs черная сотня: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с.
31. Н. Р. Две кариатиды, поддерживающие думский престиж // Сатирикон. 1909. 1 марта, № 9.
32. Черный С. // Сатирикон. 1908. 6 сент., № 22.

Mean values in historical studies

O. D. Dashkovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-60-69

Research article
Full text in Russian

The article examines the possibilities of using averages in historical researches. The basic principles of the application of these mathematical indicators are considered, the main errors of researchers arising from non-compliance with these rules are identified. On the basis of historical material, such averages as arithmetic mean, mode and median are analyzed in detail, their calculation in simple and non-standard cases (if statistical indicators are presented in the form of groupings, closed or open intervals). The possibilities of the «Microsoft Excel» program for calculating averages are demonstrated. Finally, the indicators of variation are characterized, allowing to reflect the individual values of the units of the statistical population.

Keywords: historical research; measurement; statistical totality; arithmetic mean; mode; median; interval; indicators of variation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dashkovskaya, Olga D. | E-mail: dashod@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Средние величины в исторических исследованиях

О. Д. Дашковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-60-69
УДК 930.2 +311.14

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье изучаются возможности использования средних величин в исторических исследованиях. Рассматриваются основные принципы применения данных математических показателей, выявляются основные ошибки исследователей, возникающие при несоблюдении указанных правил. На основе исторического материала подробно проанализированы такие средние величины, как средняя арифметическая, мода и медиана, их расчет в простых и нестандартных случаях (если статистические показатели представлены в виде группировок, закрытых или открытых интервалов). Продемонстрированы возможности программы «Microsoft Excel» при вычислении средних величин. Наконец, охарактеризованы показатели вариации, позволяющие отразить индивидуальные значения единиц статистической совокупности.

Ключевые слова: историческое исследование; измерение; статистическая совокупность; средняя арифметическая; мода; медиана; интервал; показатели вариации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашковская, Ольга Дмитриевна | E-mail: dashod@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Математические методы уже достаточно давно используются отечественными и зарубежными историками. Исследователи активно применяют их при изучении социально-экономической истории, исторической демографии, археологии, при анализе статических источников и нарративов [1]. Обработка материала с помощью математического инструментария позволяет вывести исторические исследования на новый количественный и качественный уровень. Использование методов систематизации и моделирования в исторической науке уже было охарактеризовано нами в пре-

дыдущих статьях, опубликованных в «Вестнике Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки» [2–3].

Цель данной работы – проанализировать возможности применения одного из самых распространенных математических показателей, встречающихся в практике историков, – средних величин. Их важнейшая роль заключается в обобщении, при котором одна усредненная величина заменяет разнообразные отдельные значения какого-либо признака.

Средние величины применялись еще в государствах Древнего мира при налогообложении (усреднялись доходы различных категорий населения). В дореволюционной России материалы очень многих обследований представляли собой тома с усредненными данными о землевладении, прибыли и прочих показателях имущественного обеспечения сословий.

В современной практике средние величины встречаются повсеместно: средняя заработная плата, средние показатели рождаемости, средние температуры воздуха за определенный период и т. п. Такие усреднения уже давно стали основой для различных анекдотов, типа: «Начальник ест мясо, а я капусту, в среднем мы едим голубцы».

Избежать подобных ошибок позволяет соблюдение ряда общих принципов применения средних величин:

1. Средние величины всегда должны высчитываться по качественно однородной совокупности. Например, нельзя вычислять средний уровень заработной платы на предприятии по общим данным о доходах дирекции, управленческих кадров и простых рабочих;

2. При вычислении средних величин необходимо использовать максимально возможное число единиц наблюдения. Некорректно приводить показатели урожайности хлебов в Российской империи, основанные на материалах нескольких уездов;

3. Необходимо вычислять не только общие средние величины, но и сопровождать их показателями по отдельным группам. Так, при расчете среднемесячной заработной платы в современной России нужно приводить сведения и по отдельным субъектам РФ, по видам экономической деятельности и пр.;

4. Вычисления должны производиться на основании использования одних и тех же единиц измерения. Например, при определении сборов зерна до 1890-х гг. применялись исключительно меры объема. Даже посевная площадь измерялась в единицах объема – четвертях. Между тем весовое наполнение четверти существенно отличалось в различных губерниях, и у каждой культуры (ржи, пшеницы, овса, ячменя) четверть была «своя», что зависело от веса самих зерновых.

До середины XIX века даже единица земельной площади десятина могла высчитываться по-разному. Кроме традиционной казенной десятины, составлявшей 2400 кв. саженой, встречалась и хозяйственная, или вла-

дельческая (3200 кв. сажений). Перед нахождением средних необходимо привести единицы измерения к одному масштабу.

Для характеристики средних величин необходимо дать пояснение нескольким употребляемым в статистике терминам. Всё множество объектов, имеющих общий признак, с которыми работает исследователь, называется генеральной (статистической) совокупностью.

Варианты (переменные) – это объективные характеристики всего, что можно измерить: заработная плата, количество рабочих на предприятии, размер землевладения, возраст и т. д. Частота варианта – число повторений какого-либо значения переменной. Например, исследователь анализирует личные дела рабочих промышленного предприятия, в которых указана их заработная плата. В данном случае эти документы являются статистической совокупностью. Зарботная плата – признак, а ее конкретные значения – варианты (или переменные). Допустим, в 1913 г. заработная плата 33 рабочих фабрики составляла 22 рубля (у остальных были бóльшие или меньшие оклады). Таким образом, частота признака «заработная плата» при переменной «22» равна «33».

Наиболее часто в исторической науке используется *средняя арифметическая*. Она изучается в школе и слово «арифметическая» часто опускается исследователями, которые просто упоминают о вычислении «среднего размера заработной платы», «средней урожайности картофеля». Ее формула проста и определяется как сумма всех значений признака, поделенная на их количество:

$$\bar{X} = \frac{X_1 + X_2 + X_3 + X_n}{n},$$

где X_1, X_2, X_3, X_n – варианты признака,
 n – число единиц наблюдения.

Пример 1. В 1915 г. в семи губерниях Центрально-промышленного района урожайность озимой ржи составляла (единица измерения – сам): Владимирская – 4,7; Костромская – 5,4; Ярославская – 5,5; Московская – 5,0; Тверская – 5,7; Калужская – 4,4; Нижегородская – 5,7 [4, с. 75–75]. Необходимо выявить среднюю урожайность озимой ржи за указанный год:

$$\bar{X} = \frac{4,7 + 5,4 + 5,5 + 5,0 + 5,7 + 4,4 + 5,7}{7} = 5,2 \text{ сам}$$

Итак, средняя урожайность озимой ржи в 1915 г. в Центрально-промышленном районе составила 5,2 сам.

Иногда историкам необходимо работать с групповыми статистическими данными. В этом случае необходимо вычислять *взвешенную среднеарифметическую величину*. В формуле средневзвешенной в числителе находится сумма произведений значения каждого признака

и частоты повторения данного признака, а в знаменателе – сумма всех частот признаков:

$$\bar{X} = \frac{\sum XR}{\sum R},$$

где X – варианты признака, R – частота варианта.

Данная формула применяется в том случае, если варианты генеральной совокупности встречаются неодинаковое число раз.

Пример 2. Дана заработная плата рабочих предприятия за месяц (табл. 1).

Таблица 1

Зарботная плата рабочих, тыс. руб.

Зарплата одного рабочего	20	25	30	32	35
Количество рабочих	6	4	10	5	5

Требуется найти средневзвешенную зарплату рабочих.

В данном случае зарплата – признак, его конкретные значения – варианты признака (первая строка), а число повторений одного и того же признака – частота варианта (вторая строка). Подставляем данные в указанную формулу средневзвешенной величины.

$$\bar{X} = \frac{20*6+25*4+30*10+32*5+35*5}{6+4+10+5+5} = 28,5 \text{ тыс. руб.}$$

Итак, средняя заработная плата работников составляет 28,5 тыс. руб.

Иногда статистические данные, которыми пользуется историк, представлены в виде интервальных рядов. Последние могут содержать как равные, так и неравные интервалы. Интервал считается «равным», если его ширина одинакова во всех диапазонах. Различают также закрытые и открытые интервалы. В закрытых всегда указаны и верхние, и нижние границы (например, от 0 до 10, от 10 до 20,...от 90 до 100). В данном случае при расчете средней арифметической в формулу подставляются середины интервалов – 5, 15,...95).

Однако на практике встречаются и открытые интервалы. У них указана только одна граница: у первого – верхняя, у последнего – нижняя. Открытый интервал может быть задан формулировками «до 18 лет», «от 100 десятин» и пр.

Пример 3. Показан доход причтов¹ Ярославской епархии в середине XIX века (табл. 2).

¹ Причт – это священно- и церковнослужители одного прихода/церкви.

Доходы причтов Ярославской епархии в 1863 г., руб. [5, л. 102об.—103об.]

Размер дохода	до 200	200–400	400–600	600–800	800 и более
Количество причтов	139	450	225	115	42

В случае открытого интервала середина определяется методом аналогий. Если все остальные диапазоны имеют одинаковую ширину, можно предположить, что размерность открытого интервала такая же. То есть у первого интервала середина это число 100, у последнего – 900. Остальные вычисления производятся по формуле из второго примера.

$$\bar{X} = \frac{100 \cdot 139 + 300 \cdot 450 + 500 \cdot 225 + 700 \cdot 115 + 900 \cdot 42}{139 + 450 + 225 + 115 + 42} \approx 391 \text{ руб.}$$

Итак, средний доход одного причта Ярославской епархии в 1863 году составлял ≈ 391 руб.

Для изучения внутреннего строения изучаемой исследователем совокупности используются мода и медиана. Эти показатели еще именуются структурными средними величинами.

Модой (M_0) называют такое значение признака, которое наиболее часто встречается в статистической совокупности. Эту величину активно используют для анализа спроса на отдельные товары, при изучении ценообразования. Например, маркетинговый отдел обувной фабрики интересуется наибольшим спросом на конкретные размеры обуви. Вполне понятно, что вычисление средней арифметической тут неуместно, тем более что полученное число может оказаться дробным. А вот применение такой величины, как мода, вполне логично.

Если анализируемая совокупность представляет последовательность чисел, то мода будет значением, которое встречается чаще всего. Например, в ряду 5, 3, 6, 3, 5, 3, 4 модой является число 3. Оно повторяется чаще остальных.

Вычислять моду в простой группировке не требуется, так как очевидно, что она определяется как вариант признака с наибольшей частотой. Во втором примере мода равняется 30, именно данной заработной плате соответствует наибольшее количество получающих ее рабочих – 10 человек.

Расчет моды в интервальном ряду – это достаточно сложная процедура, так как сначала требуется выяснить интервал с наибольшей частотой. Он именуется модальным классом. Потом для вычисления моды (M_0) используется следующая формула:

$$M_0 = X_0 + K \frac{P_2 - P_1}{2P_2 - P_1 - P_3},$$

при этом

X_0 – нижняя граница модального интервала;

K – ширина интервала;

P_1 – частота интервала, находящегося до модального;

P_2 – частота модального интервала;

P_3 – частота интервала, находящегося после модального.

Рассчитаем (конечно, условно и исключительно для демонстрации расчетов) моду на основе примера 3. Модальным интервалом будет являться диапазон 200–400, так как именно он содержит наибольшую частоту – 450.

$$M_0 = 200 + 200 * \frac{450 - 139}{2 * 450 - 139 - 225} = 316.$$

Это значит, что доход причта составлял 316 руб.

Медиана (Me) – это значение признака, расположенное в середине совокупности, если упорядочить последнюю по возрастанию. Медиана разделяет все имеющиеся варианты на две одинаковые части: в первой находятся все значения признака меньше медианы, во второй – те, что больше нее. Она позволяет получить максимально точные результаты, наиболее близкие к истинно среднему значению, поэтому ее считают представительной средней величиной.

Особенно логично использовать медиану, если изучаемая совокупность неоднородна. Например, при расчете средней заработной платы по стране разумнее вычислять именно медиану, а не среднюю арифметическую. Многим, например, не нравится, что при зарплате 20 тыс. руб. у обычного работника и 200 тыс. руб. – у директора средний уровень зарплаты равен 110 тыс. руб. Получается, что у большинства заработная плата оказывается ниже средней по стране/региону.

Если данных немного, то медиану можно определить без дополнительных вычислений. Для этого все имеющиеся значения располагаются в порядке возрастания и находится середина. Например, даны числа 5, 2, 7, 1, 14. Расположим их по возрастанию: 1, 2, 5, 7, 14. Число 5 и будет являться медианой. Если количество чисел четное, то необходимо сложить 2 числа, располагающихся посередине, и разделить на 2. Полученный итог и будет являться медианой.

Для интервальной группировки медиана вычисляется с помощью следующей формулы:

$$M_e = X_0 + K \frac{\sum_2^P - \sum_{m-1}}{P_m},$$

где

X_0 – нижняя граница медианного интервала;

K – величина медианного интервала;

\sum^P – сумма частот;

Σ_{m-1} – сумма частот интервалов, предшествующих медианному (накопленная частота в интервале, предшествующем медианному);

P_m – частота медианного интервала.

Рассчитаем медиану, используя цифровой материал третьего примера. Первоначально необходимо найти медианный интервал, для этого продублируем нашу таблицу (табл. 3).

Таблица 3

Доходы причтов Ярославской епархии в 1863 г., руб.

Размер дохода	до 200	200–400	400–600	600–800	800 и более
Количество причтов	139	450	225	115	42
Накопленные частоты	139	589	814	929	971

В таблицу была добавлена дополнительная строка, в которой отражены накопленные частоты (139+450; 139+450+225 и т. д.). Она необходима для вычисления медианного интервала. В качестве последнего выбирают тот диапазон, накопленная частота которого превышает половину всей суммы частот или равняется ей. Таким образом, половина суммы всех частот вычисляется на основе второй строки:

$$(139+450+225+115+42)/2 = 485,5.$$

На основании третьей строки мы видим, что медианным является интервал 200–400, так как $485,5 > 450$.

Затем находим значение медианы, подставив в формулу необходимые цифровые данные:

$$M_c = 200 + 200 \frac{485,5 - 139}{450} = 354.$$

Проведенные вычисления показывают, что одна половина церковных причтов имеет доход до 354 руб., а вторая половина – свыше этой суммы.

Итак, на основе примера 3 мы видим, что показатели, полученные при вычислении средневзвешенной, моды и медианы несколько отличаются (391, 316 и 354 руб. соответственно). Эти различия вызваны асимметричным распределением. На среднюю арифметическую оказывает влияние каждая переменная, именно поэтому данная величина смещается в сторону максимальных значений признака. Разумнее вычислять моду по отношению к качественным признакам. В третьем же примере применение медианы является более уместным, так как в значении признаков отмечаются существенные колебания, а границы крайних интервалов не определены.

Если данных много, то средние величины логично вычислять с помощью программы «Microsoft Excel», предназначенной для работы с электронными

ми таблицами. Для этого необходимо зайти в раздел «Формулы» – «Вставить функцию» и через «Поиск функции» или в категории «Статистические» выбрать «СРЕДНЕЕ АРИФМЕТИЧЕСКОЕ», «МОДА» или «МЕДИАНА».

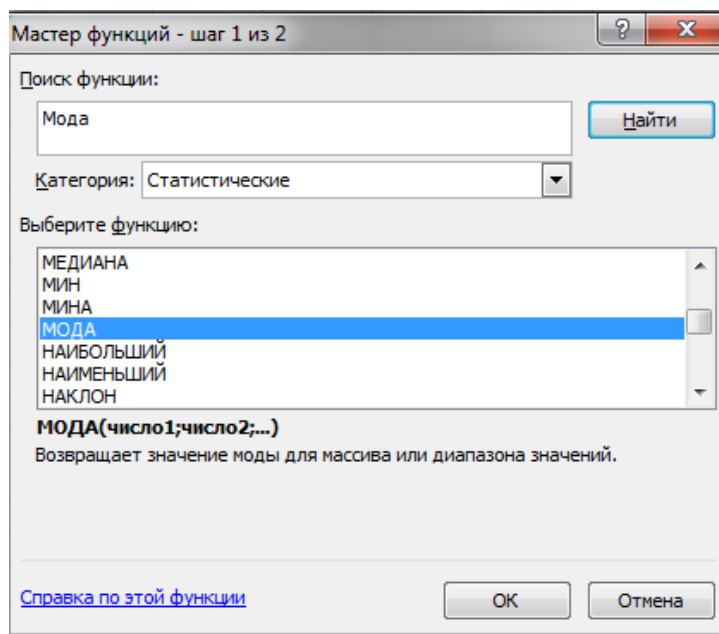

Рис. 1. Статистические функции в программе «MS Excel»

Затем активируется ячейка для расчета, выделяется необходимый диапазон данных и нажимается «ОК». Результат будет отображен в ячейке, в которой находился курсор мыши. К сожалению, для расчета средних величин по интервальным рядам соответствующей функции в MS Excel нет. Поэтому придется использовать приведенные выше формулы.

Средние величины используются, если необходимо дать обобщающую характеристику совокупности в целом, сгладить индивидуальные различия единиц. Подчеркнуть их и помочь понять сущность изучаемого явления историкам помогают разнообразные показатели вариации.

Вариация представляет собой изменяемость величины признака у отдельных единиц генеральной совокупности.

Упрощенным показателем является размах вариации (R), представляющий разность между наибольшим и наименьшими значениями признака:

$$R = X_{\max} - X_{\min}$$

где X_{\max} – максимальное значение признака, X_{\min} – минимальное значение признака в статистической совокупности.

В примере 2 наибольшим значением является заработная плата 35 тыс. руб., наименьшим – 20 тыс. руб., значит, размах вариации равен

15. В то же время размах вариации считается грубым показателем, так как учитывает лишь крайние значения признака.

Историки используют более представительные показатели вариации в своих работах. Так, знаменитый советский исследователь И. Д. Ковальченко применял среднее квадратическое отклонение. Первоначально на основании средней арифметической он выяснил, что в среднем размер дореформенного надела у барщинных и оброчных крестьян Симбирской губернии был практически одинаковый. Однако вычисление среднего квадратического отклонения показало, что в среде оброчных крестьян различия в размере наделов были в полтора раза больше, чем в среде барщинных крестьян [1, с. 95–96].

При современном уровне развития информационных технологий среднее квадратическое отклонение, коэффициент осцилляции, дисперсию и прочие показатели вариации логично находить с помощью статистических функций пакета «Microsoft Excel».

Итак, средние величины используются историками как обобщающие показатели, характеризующие общие свойства статистической совокупности. Они позволяют выявить закономерные черты, свойственные изучаемым объектам, показывают тенденции развития процессов и явлений, нивелируя случайные индивидуальные отклонения. Если же исследователям необходимо подчеркнуть индивидуальные различия единиц совокупности, они применяют показатели вариации.

Ссылки

1. Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие для студ. вузов, обуч-ся по спец. «История» / под. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984. 384 с.
2. Дашковская О. Д. Математическое моделирование в исторических исследованиях: задачи, особенности и возможности применения метода // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 48–55. EDN CDMOQE.
3. Дашковская О. Д. Методы систематизации количественной информации в исторических исследованиях // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 4. С. 506–515. DOI 10.18255/1996-5648-2021-4-506-515.
4. Растяжников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России, 1795–2007. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 804. Оп. 1- III. Д. 463. 110 л.

Problems of differentiation in the codes of labor laws of the RSFSR and the Labor Code of the Russian Federation

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-70-77

Research article
Full text in Russian

The article addresses the problem of codification of special labor law norms, justifies the importance of their consolidation in the sectoral code. The domestic historical experience of codification through the prism of differentiation is investigated. Trends in the differentiation of legal regulation of labor relations in the modern period are analyzed. The shortcomings of the Labor Code of the Russian Federation in terms of labor regulation of certain categories of employees are shown, options for solving this problem are considered. The need for differentiation in a codified act of labor law is due to the nature of labor in certain areas, as well as the special concern of the state for certain groups of employees. The Code is the main sectoral act, it must contain special norms in order to meet the requirements of completeness and consistency. In the four Russian labor codes, the issue of differentiation was resolved in different ways. With each new codification, the legislator, relying on the experience gained, approached this issue more consistently, while there was also a «field» for criticism. The task of optimal construction of special labor and legal norms is also relevant for the Labor Code of the Russian Federation, in modern conditions the relevance increases due to the increase in atypical employment. It is important, retaining in the codified act a special chapter on the features of labor, to establish uniform approaches to its regulation in relation to the main professional groups and spheres. At the same time, it is inappropriate to reflect in the code the features of labor affecting the specialization of a particular profession, turning the act of codification into a collection of instructions. The legislator should also consider the issue of consolidation in art. 2 of the Labor Code of the Russian Federation, devoted to the principles of legal regulation of labor relations, the principle of differentiation.

Keywords: Codification; differentiation; codes of labor laws; the Labor Code of the Russian Federation; labor of certain categories of employees; special norms of labor law; legal technology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Проблемы дифференциации в кодексах законов о труде РСФСР и Трудовом кодексе РФ

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-70-77
УДК 349.24

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье затрагивается проблема кодификации специальных норм трудового права, обосновывается важность их закрепления в отраслевом кодексе. Исследуется отечественный исторический опыт кодификации через призму дифференциации. Анализируются тенденции в дифференциации правового регулирования трудовых отношений в современный период. Показываются недостатки Трудового кодекса РФ в части регулирования труда отдельных категорий работников, рассматриваются варианты решения данной проблемы. Необходимость дифференциации в кодифицированном акте трудового права обусловлена характером труда в определенных сферах, а также особой заботой государства об отдельных группах работников. Кодекс – это основной отраслевой акт, он должен содержать специальные нормы для того, чтобы соответствовать требованиям полноты и системности. В четырех российских кодексах о труде вопрос, связанный с дифференциацией, решался по-разному. С каждой новой кодификацией законодатель, опираясь на полученный опыт, подходил к данному вопросу более последовательно, при этом оставалось и «поле» для критики. Задача оптимального построения специальных трудовых норм является актуальной и для ТК РФ, в современных условиях актуальность возрастает в связи с увеличением нетипичной занятости. Важно, сохранив в кодифицированном акте специальную главу об особенностях труда, установить единые подходы к его регулированию в отношении основных профессиональных групп и сфер. Нецелесообразно при этом отражать в кодексе особенности труда, затрагивающие специализацию той или иной профессии, превращая акт кодификации в сборник инструкций. Законодателю также следует рассмотреть вопрос о закреплении в ст. 2 ТК РФ, посвященной принципам правового регулирования трудовых отношений, принципа дифференциации.

Ключевые слова: кодификация; дифференциация; кодексы законов о труде; Трудовой кодекс РФ; труд отдельных категорий работников; специальные нормы трудового права; юридическая техника

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В любом отраслевом кодексе – законодательном «ядре» определенной совокупности юридических норм – закрепляются наиболее важные положения (цели, задачи, принципы, понятия и др.), отражающие общий вектор правового регулирования отношений, относящихся к предмету отрасли. В то же время из юридической природы такого кодифицированного акта следует, что его цель – «детально, непосредственно и полно регулировать определенную сферу однохарактерных общественных отношений» [1, с. 749]. Последнее требует от законодателя поиска оптимального соотношения «обобщения и уточнения», закрепления в кодексе как общих, так и специальных правовых положений. В полной мере указанное требование относится к кодификации трудового законодательства, в ходе которой важно добиться реализации принципа единства и дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда, при этом обеспечив соответствие кодекса требованиям системности, полноты и стабильности.

В трудовом доктрине дифференциация является многогранным понятием [2, с. 274]. С точки зрения целей кодификации прежде всего следует рассматривать ее в качестве принципа трудового права, который предполагает установление различий, предпочтений, исключений и ограничений в правовом регулировании трудовых отношений отдельных категорий работников [3, с. 278, 279]. Дифференциация часто рассматривается в паре с принципом запрета дискриминации [4, с. 549]. В преломлении кодификации дифференциация важна и как юридический инструмент, который позволяет на основе отраслевых принципов регулирования учесть особенности социальных отношений, складывающихся в условиях или между субъектами, имеющими определенную специфику [5, с. 70]. В научной литературе упоминаются различные виды специальных трудовых норм (нормы-приспособления, нормы-льготы, нормы-изъятия и др.). Основаниями же для дифференциации служат обстоятельства объективного и субъективного порядка, такие как специфика труда в определенной отрасли экономики; вредность, тяжесть условий труда; природно-климатические условия; совмещение труда с обучением; социальная «миссия» работника, предполагающая исполнение семейных обязанностей и др. В целом объективные основания обусловлены характером труда, а субъективные – особой государственной заботой об отдельных группах работников.

На «исторической дистанции» отечественный законодатель, проводя работу над отраслевым кодексом, решал вопрос с дифференциацией не единообразно. Во время первой кодификации трудового законодательства на дифференциацию не обращалось большого внимания, а результат данной кодификации – Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. (далее – КЗоТ) – оказался чрезмерно лаконичным (включал лишь 137 статей и 5 приложений), «страдал неполнотой, не давая по некоторым вопросам даже основных положений» [6, с. 128].

В КЗоТ 1918 г. специальные нормы были представлены фрагментарно и бессистемно. В основном ими регулировался труд женщин и лиц до 18 лет, труд, связанный с материнством, работы с вредными и «особо тяжелыми» условиями труда. В минимальной степени дифференциацией был затронут труд, требовавший «политического доверия» или «редких, специальных знаний», связанных с личностью работника (ст. 18), труд рабочих и служащих (ст. 32), труд на частных предприятиях (у частных лиц, ст. 40, 51).

Специальные нормы Кодекса 1918 г. относились к институтам рабочего времени, времени отдыха, а также к трудоустройству, переводам и увольнению¹. Так, женщины на период 8 недель до и 8 недель после родов освобождались от трудовой повинности (абз. «а» ст. 3). Для женщин, «кормивших грудью», законом были предусмотрены дополнительные перерывы во время работы (каждые три часа не менее чем на полчаса – прим. к ст. 89). Женщины и лица, не достигшие возраста 18 лет, не допускались к сверхурочным работам (ст. 97). Для работников до 18 лет и в отраслях, «особо тяжелых и неблагоприятных для здоровья», рабочий день не мог превышать 6 часов. Помимо этого, в отношении женщин и лиц, не достигших возраста 18 лет, Кодексом 1918 г. закреплялись ограничения на применение труда в ночное время, а также в отраслях, особо тяжелых или опасных для здоровья, согласно перечню, который должен был выработываться отделом охраны труда Наркомата труда (ст. 14).

В принятом в 1922 г. втором КЗоТ РСФСР линия на дифференциацию стала проводиться уже более последовательно. В Общей части Кодекса 1922 г. были закреплены бланкетные отсылки на акты, предусматривавшие: а) «изъятия» по применению Кодекса в отношении лиц, работавших на дому (картирников); б) ограниченное распространение норм Кодекса на отношения в связи с привлечением к трудовой повинности и по отношению к отдельным категориям военнослужащих, не находившихся на действительной военной службе (прим. к ст. 1, ст. 2 и 3).

Сохранив закреплявшийся в КЗоТ 1918 г. «спектр» категорий работников и условий труда, подпадавших под специальное регулирование, Кодекс 1922 г. расширил объем регулирования в отношении перечисленных лиц и условий (ст. 31, 61, 75, 114, 136 и др.). Дифференциацией стали охватываться вопросы, относившиеся не только к рабочему времени, времени отдыха и трудоустройству² (как по КЗоТ 1918 г.), но и к оплате труда. Многие

¹ Формально в КЗоТ 1918 г. трудовой договор вообще не упоминался, в законе закреплялся термин «право на применение труда». Как общее правило «привлечение трудящихся к работе» совершалось через специальные государственные органы – отделы распределения рабочей силы (ст. 16). Но при предоставлении работы, требовавшей политического доверия либо редких, специальных знаний, связанных с личностью работника, применялся выборный порядок (ст. 18). В целом эта схема была сохранена во втором КЗоТ 1922 г., при этом найм на работу уже стал добровольным.

² Согласно терминологии КЗоТ РСФСР 1922 г. – к трудовому договору, его заключению, изменению и прекращению.

нормы, регулировавшие труд женщин и несовершеннолетних законодателем были сгруппированы в отдельной главе XIII. Также в КЗоТ 1922 г. дифференциация затронула и новые группы работников и области хозяйства. Специальные нормы, хотя и в незначительной степени, стали регулировать «умственный» и «конторский» труд, подземные работы, труд «ответственных политических, профессиональных и советских работников» (прим. ст. 94, ч. 2 ст. 95), труд «в особо вредных и опасных предприятиях» (ст. 115), временную работу (ст. 29, ч. 2 ст. 65), работу на «малых» предприятиях (менее пяти работников, ст. 50), сезонную работу (прим. ст. 106), ученичество (глава XII).

Все же в должной мере отразить специфику труда в значимых для того времени сферах у законодателя в Кодексе 1922 г. не получилось. Так, в Резолюции состоявшегося в 1924 г. VI Всесоюзного съезда профсоюзов отмечалось следующее: «Двухлетний опыт проведения КЗоТ показал, что... разнообразие структуры нашего народного хозяйства, когда наряду с мелким раздробленным хозяйством имеется крупная промышленность..., а между ними большая прослойка в виде домашней и кустарной промышленности, создает то различие условий труда, которое настоятельно требует большего разграничения и уточнения нашего законодательства о труде для отдельных групп трудящихся» [7, с. 44]. Начиная со второй половины 1920-х гг. в КЗоТ 1922 г. стали вноситься значительные изменения, напрямую затрагивавшие вопросы дифференциации труда. Прежде всего редактированию подвергалась ст. 1 данного Кодекса, девять новых примечаний которой содержали отсылки к приложениям, закреплявшимся в конце текста кодифицированного акта (сезонные и временные работы, лесозаготовительные и сплавные работы и др.), либо бланкетные отсылки к иным актам (работа в мелкорозничной торговой сети, труд лиц экипажа гражданских воздушных судов и лиц, обслуживающих земное оборудование для полетов и др.). При этом поправки в КЗоТ 1922 г., содержавшие специальные нормы, вносились неединообразно, от случая к случаю, во многом они не были согласованы с принципиальными положениями Кодекса.

В 1971 г. был принят новый КЗоТ РСФСР, что ознаменовало завершение третьей кодификации отечественного трудового законодательства. Опираясь на предшествующий опыт, законодатель вместе с тем стал руководствоваться и новыми подходами к закреплению специальных трудовых норм. Так, часть из них была непосредственно включена в Кодекс (например, труд при совмещении работы с обучением, труд молодежи и женщин), другая часть – в иные акты трудового права (например, временные и сезонные работы). При этом существенным недостатком КЗоТ 1971 г. являлось название его XVIII главы («Заключительные положения»). Фактически же в ней были закреплены особые правила регулирования труда некоторых категорий работников [8, с. 463]. В данной главе нашли отражение нормы, посвященные труду на Крайнем Севере и местностях, прирав-

ненных к нему, также главой было предусмотрено принятие актов, которые должны были установить особенности труда в отдельных отраслях народного хозяйства (транспорт, сельское хозяйство и др.).

В целом в советский период вопросы кодификации специальных трудово-правовых норм не являлись приоритетным направлением трудово-правовой науки. В исследованиях хотя и указывалось на необходимость обеспечения в кодифицированных актах баланса общего и специального регулирования отношений в сфере труда, писалось про целесообразность разработки и принятия «кодифицированных актов об условиях труда отдельных категорий работников» [9, с. 106], но глубокая разработка этих вопросов так и не была осуществлена.

В действующем Трудовом кодексе РФ нормы об особенностях трудовых отношений с участием отдельных категорий работников закрепляются в его XII разделе, что является новым и верным решением законодателя с точки зрения построения кодифицированного акта [10, с. 3]. При этом отдельные положения, связанные с дифференциацией в сфере труда, содержатся в других разделах Кодекса (например, «Время отдыха», «Рабочее время»). Также по этому вопросу действуют и другие трудово-правовые акты, в частности Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

В последнее время ТК РФ активно, однако не вполне последовательно дополняется нормами, расширяющими сферу специального регулирования. В целом внимание законодателя к вопросам дифференциации в современных условиях роста нетипичной занятости, несомненно, является обоснованным. Вместе с тем вызывают нарекания способы их решения. Заметно отсутствие на государственном уровне продуманного, единообразного подхода в части техники закрепления в ТК РФ специальных норм. Содержание поправок в раздел XII Кодекса позволяет констатировать, что законодатель ориентируется на простое перечисление особенностей труда работников в зависимости от отрасли производства, профессии или должности. Следствием такого подхода является все более возрастающая казуистичность Кодекса.

Качество ТК РФ также страдает из-за того, что его редактирование порой происходит спонтанно, ситуативно. Данная работа может, например, активизироваться после встреч Президента РФ и других государственных деятелей высокого ранга с представителями того или иного профессионального сообщества. По результатам таких встреч нередко дается поручение оперативно подготовить проект поправок в ТК РФ для решения обсуждавшихся проблем, затрагивающих правовой статус отдельных групп работников³.

³ Информация получена автором в 2018 г. в Комитете по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы РФ.

Также непонятны причины различного подхода законодателя к разным категориям работников. Так, регулирование трудовых отношений с одной из из них в Кодексе является более детализированным, формально закрепляется в специальных главах (например, Глава 52¹ «Особенности регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций, их заместителей»), в свою очередь труд других работников урегулирован гораздо менее обстоятельно, ограничен рамками одной статьи (например, ст. 349¹ «Особенности регулирования труда работников государственных корпораций, публично-правовых компаний, государственных компаний»). В отношении одних работников ТК РФ устанавливает особенности регулирования труда в целом (например, педагогические работники), а в отношении других – только некоторые особенности (например, медицинские работники).

Указанные приемы техники кодификации порой приводят к появлению в трудовом законодательстве противоречащих Конституции РФ положений. Так, поправочной статьей 351¹ в ТК РФ был установлен запрет на занятие педагогической деятельностью широкому кругу лиц, причем не только имевшим или имеющим судимость за совершение определенных преступлений, но и тем, кто лишь привлекался к уголовной ответственности, и тем, чье уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям. В 2013 г. Конституционный Суд РФ признал положения данной статьи частично не соответствующими Основному закону. Также весьма спорным выглядит решение законодателя о запрете занимать должности руководителя и заместителя руководителя государственных (муниципальных) медицинских организаций лицам старше 70 лет (ч. 8–11 ст. 350 ТК РФ). Может ли простое достижение такого возраста негативно сказаться на деловых качествах работника, помешать ему эффективно исполнять свои обязанности?

Таким образом, необходимость дифференциации в кодифицированном акте трудового права обусловлена характером труда в определенных сферах и особой заботой государства об отдельных группах работников. Трудовой кодекс как основной отраслевой акт должен содержать специальные нормы для того, чтобы соответствовать требованиям полноты и системности. В четырех отечественных кодексах о труде вопрос с дифференциацией решался по-разному. В целом с каждой новой кодификацией законодатель, опираясь на полученный опыт, подходил к данному вопросу более последовательно, хотя «пространство» для критики всегда продолжало оставаться. Задача оптимального построения специальных трудовых норм является актуальной и для действующего ТК РФ, причем ее актуальность в современных условиях возрастает в связи с увеличением нетипичной занятости. Важно, сохранив в кодифицированном акте специальную главу об особенностях труда, установить единые подходы к его регулированию в отношении основных профессиональных групп и сфер. Нецелесообразно

при этом отражать в кодексе особенности труда, затрагивающие специализацию той или иной профессии, превращая акт кодификации в сборник инструкций. Законодателю также следует рассмотреть вопрос о закреплении в ст. 2 ТК РФ, посвященной принципам правового регулирования трудовых отношений, принципа дифференциации.

Ссылки

1. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.
2. Джиджавадзе Л. Г. Ограничение и дифференциация в трудовом праве: проблема соотношения понятий // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 273–278.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М.: Статут, 2009. 877 с.
4. Лушникова М. В. Джиджавадзе Л. Г. Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 4. С. 542–551. DOI 10.18255/1996-5648-2021-4-542-551.
5. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 69–78.
6. Данилова Е. Н. Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. 1923. № 4. С. 124–132.
7. Резолюция VI съезда профессиональных союзов СССР, 11–18 ноября 1924 г. М.: Профиздат, 1925. 62 с.
8. Памятники российского права: в 35 т. Т. 26: Кодексы законов о труде РСФСР / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, А. М. Лушникова. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.
9. Рогалева Г. А. Теоретические вопросы кодификации трудового законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1984. 218 с.
10. Специфика регулирования труда отдельных категорий работников / отв. ред. Н. Л. Лютов, И. С. Цыпкина. М.: Проспект, 2018. 448 с.

On the issue of the latency of corruption crimes in the field of physical culture and sports

O. G. Solovyev¹, A. A. Knyazkov²

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

²Kutafin Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-78-87

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the main reasons for the latency of crimes in the field of physical culture and sports. The authors, in general, note that the situation has not changed significantly even ten years after the legislator adopted the first attempt to improve the norms aimed at combating the illegal influence on the result of sports competitions. Among the reasons for the latency of crimes, the authors attributed the closeness of the sports system and the peculiarities of the relationships between its participants; shortcomings of the blank legislation; lack of initiative on the part of law enforcement agencies. The inconsistency of legislative decisions in terms of strengthening the repressive potential of criminal law and blanket legislation and the simultaneous legalization of a closed procedure for the consideration of disputes in sports is noted. In addition, the authors note ambiguous approaches to the identification, suppression and investigation of the investigated encroachments by the criminal justice authorities, explore regulatory options for improving the norm of unlawful influence on the results of sports competitions, analyze issues of countering other corrupt manifestations in the field of sports functioning.

Keywords: criminal responsibility; crime; corruption; sports competition; contractual match; gambling organizer; sports system

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Knyazkov, Alexander A. | E-mail: alknyazkov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

К вопросу о латентности коррупционных преступлений в сфере физической культуры и спорта

О. Г. Соловьев¹, А. А. Князьков²

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-78-87
УДК 343.3/7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются основные причины латентности преступлений в сфере физической культуры и спорта. Авторы отмечают, что в целом ситуация существенным образом не изменилась даже спустя десять лет после того, как законодатель принял первую попытку по совершенствованию норм, направленных на борьбу с оказанием противоправного влияния на результат спортивных соревнований. К числу причин латентности преступлений авторами отнесены закрытость спортивной системы и особенности взаимоотношений ее участников; недостатки бланкетного законодательства; отсутствие инициативы со стороны правоохранительных органов. Отмечается непоследовательность законодательных решений в части усиления репрессивного потенциала уголовного закона и бланкетного законодательства и одновременная легализация закрытого порядка рассмотрения споров в спорте. Кроме того, авторы отмечают неоднозначные подходы к выявлению, пресечению и расследованию анализируемых посягательств со стороны органов уголовной юстиции, исследуют нормативные варианты совершенствования нормы об оказании противоправного влияния на результаты спортивных соревнований, анализируют вопросы противодействия иным коррупционным проявлениям в сфере функционирования спорта.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; коррупция; спортивное соревнование; договорной матч; организатор азартных игр; спортивная система

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Князьков, Александр Александрович | E-mail: alknyazkov@mail.ru
Кандидат юридических наук

Говоря о преступности в сфере физической культуры и спорта, нельзя, по нашему мнению, обойти стороной одну из главных ее отличительных черт – высокий уровень латентности. На такую особенность преступности в этой сфере традиционно обращает внимание доктрина. Подтверждением этим выводам служат ничтожные показатели судебной статистики. При этом ситуация существенным образом не изменилась даже спустя десять лет после того, как законодатель принял первую попытку по совершенствованию норм, направленных на борьбу с оказанием противоправного влияния на результат спортивных соревнований.

Однако неужели препятствия к выявлению и раскрытию преступлений в сфере физической культуры и спорта настолько непреодолимы? Ниже мы приведем примеры основных причин латентности данной категории преступлений, проанализируем законодательные попытки борьбы с ней и предпримем попытку определить причину неэффективности этой борьбы.

Первой из основных причин низкой выявляемости преступлений в сфере физической культуры и спорта является закрытость спортивной системы [1, с. 110]. Среди оснований этой закрытости исследователи называют корпоративную солидарность ее участников. Это обусловлено тем, что стороны спортивных отношений напрямую заинтересованы в том, чтобы для третьих лиц (зрителей, спонсоров, рекламодателей и т. д.) спорт оставался вне коррупционных скандалов, поскольку специфика спортивных сообществ связана единой ценностной средой, а также широким кругом внутривидового общения (как между спортсменами, так и между руководителями спортивных организаций) [2, с. 145].

В доктрине высказывались предложения по преодолению названного корпоративного барьера. Определенной поддержкой пользовалась идея об организации прослушивания телефонных переговоров потенциальных участников и организаторов договорных матчей.

При этом, на наш взгляд, при внесении изменений в УК РФ в 2013 году законодатель частично проигнорировал данное предложение представителей науки уголовного права. Прослушивание телефонных и иных переговоров, согласно абз. 3 п. 3 ст. 8 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях. Однако в 2013 году законодатель отнес к категории преступлений средней тя-

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства. 1995. № 33, ст. 3349.

жести лишь отдельные части (2 и 4) ст. 184 УК РФ. Позднее, в 2016 году, преступлениями, относящимися к категории средней тяжести, были признаны все части ст. 184 УК РФ, за исключением ч. 5 ст. 184 УК РФ, предусматривающей ответственность за посредничество.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствуют формальные ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий в форме прослушивания телефонных и иных переговоров потенциальных участников и организаторов договорных матчей. Отметим, что такой метод был успешно применен, а аудиозапись телефонных переговоров вратаря и тренера футбольной команды положена в основу обвинительного приговора по самому первому уголовному делу о «договорном» матче [3].

Второй из причин закрытости спортивной системы и, как следствие, низкой выявляемости преступлений в сфере физической культуры и спорта (в том числе коррупционных) является автономность спортивных организаций [4, с. 38].

Другим проявлением их автономности служит учреждение разветвленной сети правоприменительных органов, рассматривающих споры, сторонами которых являются участники спортивных соревнований. По своей правовой природе такие органы являются третейскими судами. Одним из основополагающих принципов третейского разбирательства, согласно ч. 1 ст. 21 Федерального Закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»² является его конфиденциальность.

При этом, в отличие от общих правил арбитража и их требований к арбитражному соглашению сторон, порядок рассмотрения споров в области профессионального спорта и спорта высших достижений устанавливается Федеральным Законом «О физической культуре и спорте».

Глава 5.1 Закона «О физической культуре и спорте» была включена в этот нормативный акт в 2016 году³ под предлогом нормализации работы постоянно действующих арбитражных учреждений, рассматривающих споры в профессиональном спорте и спорте высших достижений [5]. Можно сказать, что законодатель тем самым закрепил уже сформировавшийся порядок рассмотрения споров в сфере профессионального спорта.

Отметим, что круг вопросов, которые относятся к компетенции таких правоприменительных органов, постепенно расширялся и до внесения рассматриваемых изменений. Например, в силу ст. 144 Регламен-

² Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. I, ст. 2.

³ Федеральный закон от 22.11.2016 № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта» // Российская газета. 2016. 24 нояб.

та КХЛ сезона 2008/2009 гг. [6], к компетенции департамента проведения соревнований относились исключительно те споры, которые потенциально могли повлечь аннулирование результата матча, назначение переигровки или зачета одной из команд технического поражения. Дисциплинарный регламент КХЛ сезона 2014/2015 гг. [7], действовавший непосредственно перед принятием указанного федерального закона, в круг вопросов, рассматриваемых дисциплинарным комитетом лиги, относил в том числе имущественные и трудовые споры (п. 3, 4 ст. 35 Регламента).

Представляется, что легализация такого порядка рассмотрения споров в сфере физической культуры и спорта не обоснована и выбивается из общей тенденции борьбы с закрытостью спортивной системы и договорными матчами в частности.

Однако информация о практике учрежденных общероссийскими спортивными федерациями и профессиональными спортивными лигами третейских судов, находящаяся в открытом доступе, свидетельствует, что факты оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований имеют место. Примером тому служит Реестр субъектов футбола, отстраненных от футбольной деятельности⁴.

Анализ данного реестра в совокупности с данными средств массовой информации⁵ позволяют заключить, что данный реестр содержит в себе в том числе информацию о лицах, отстраненных от футбола за организацию договорных матчей.

При этом содержание данного реестра вовсе не укладывается в общий контекст отечественного законодательства. Согласно п. 3 ч. 7 ст. 26.2 Федерального Закона «О физической культуре и спорте» общероссийские спортивные федерации, региональные, местные спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги обязаны применять в пределах своей компетенции санкции за противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований только после вступления в силу обвинительного приговора суда. Соответственно, имеют место случаи, когда спортивные санкции за подобные деяния назначаются в нарушение требований федерального законодательства.

В ходе рассуждений о причинах низкой выявляемости преступлений в сфере физической культуры и спорта нельзя не упомянуть об одном из основных бенефициаров договорных матчей – организаторов азартных игр, букмекеров.

⁴ Реестр субъектов футбола, отстраненных от футбольной деятельности. URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents>.

⁵ РФС отстранил тренера молодежной команды за договорный матч. URL: <https://sportrbc.ru/news/6391acf49a79479232a8823e>.

На существенной роли таких субъектов акцентировалось внимание в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 198-ФЗ от 23.07.2013. Из нее следует, что противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований осуществляется, как правило, в целях получения значительных доходов; одним из основных способов их получения является совершение ставок в букмекерских конторах на те соревнования, по которым есть предварительная договоренность об их результате.

Так, начиная с 2013 г. организаторы азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах в целях выявления противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований обязаны вести в букмекерских конторах и тотализаторах учет участников азартных игр, от которых принимаются ставки, интерактивные ставки на официальные спортивные соревнования, и представлять данные такого учета в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственный контроль (надзор) за организацией и проведением азартных игр, при осуществлении им этого контроля (надзора), а также в единый регулятор азартных игр (п. 3 ч. 1 ст. 6.1 Федерального Закона «Об организации и проведении азартных игр»). Данная норма подкрепляла запрет на участие в азартных играх в букмекерских конторах и тотализаторах путем заключения пари на официальные спортивные соревнования для спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и иных участников спортивных соревнований, установленный п. 3 ч. 4 ст. 26.2 Федерального Закона «О физической культуре и спорте». Эффект от принятия данных норм прослеживается на уровне третейских судов, учрежденных общероссийскими спортивными федерациями⁶. При этом имеют место факты оставления таких решений в силе государственными судами как на районном уровне [8], так и в вышестоящих судебных инстанциях [9].

В то же время для самих организаторов азартных игр ответственность за принятие ставок на заведомо договорное состязание отсутствует. Согласно открытым источникам информации, практика приема ставок на подозрительные спортивные мероприятия достаточно распространена⁷. Следует заметить, что на сегодняшний день отечественное законодательство не содержит в себе оснований для привлечения к ответственности организаторов азартных игр за принятие ставок на заведомо

⁶ Итоги заседания Комитета по этике РФС // URL: <https://rfs.ru/news/215008>.

⁷ В России сыграли матч-призрак. На него принимали ставки! URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/odukhevremeni/3112620.html>.

договорные спортивные мероприятия и неуведомление правоохранительных органов о подготовке такого мероприятия.

Приведенные выше обстоятельства, безусловно, влияют на уровень латентности преступности в сфере физической культуры и спорта. Однако данные обстоятельства не могут служить оправданием таким низким показателям статистики по данной категории дел.

Попытки отдельных авторов причислить к причинам низкой выявляемости преступлений коррупционной направленности в сфере спорта недостатки законодательной техники [10, с. 123] представляются совершенно наивными. За 2022 год правоохранительными органами зарегистрировано 35 340 преступлений коррупционной направленности, среди них преступления, связанные со взяточничеством, составляют 19 490 фактов⁸. При этом составы данных преступлений сконструированы схожим образом, что характерно для родственных преступлений. Так, в 2022 г. был вынесен первый приговор по делу о «договорном» матче; в декабре 2023 г. – второй обвинительный приговор по 11 эпизодам оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования (ч. 1 и ч. 3 ст. 184 УК РФ) [11].

Вынесенные приговоры являются прекрасной иллюстрацией того, что для рассмотрения данной категории уголовных дел недостаток специальных знаний суда с лихвой восполняется привлечением к участию в деле специалистов в сфере физической культуры и спорта (специалистов департамента инспектирования РФС, технического комитета РФС, преподавателей кафедры теории и методики футбола Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма).

На наш взгляд, причиной низкой выявляемости преступлений в сфере физической культуры и спорта является отсутствие инициативы со стороны правоохранительных органов в выявлении и расследовании коррупционных преступлений, совершаемых в сфере проведения спортивных соревнований.

Несмотря на это, практике известны случаи привлечения к уголовной ответственности спортивных функционеров, чьи действия по содержанию очень близки к ст. 184 УК РФ. Интерес представляет один из эпизодов мошенничества, описанный в приговоре Мытищинского городского суда от 4 июня 2014 года [12]. А., занимающий пост заместителя председателя Федерации футбола Московской области, ввел Б. в заблуждение

⁸ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/?date_from=2023-1-1&date_to=2023-5-8&action=item®ion=.

относительно наличия у А. возможности оказывать влияние на результаты футбольных матчей путем дачи указаний спортивным судьям, тогда как в реальности оказать влияние на результат футбольных матчей путем дачи указаний судьям А. объективно не мог.

Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, законодатель постоянно усиливает репрессивный потенциал уголовного закона и иного законодательства в части установления ответственности за оказание влияния на результат спортивных соревнований, с другой стороны, правоприменитель не проявляет инициативы в реализации созданных нормативных механизмов по привлечению виновных лиц к ответственности. Считаем, что подобная практика государства «сидеть на двух стульях» не даст в своей перспективе положительных результатов.

Представляется, что в условиях отстранения российских спортсменов от участия в крупных международных соревнованиях наша страна имеет уникальную возможность решить проблемы со спортивной коррупцией без оглядки на мнение международных спортивных организаций. В перспективе это, безусловно, приведет к повышению уровня конкуренции спортсменов и спортивных организаций, увеличению зрительского интереса к спортивным соревнованиям и повышению уровня вовлеченности граждан в занятия физической культурой и спортом.

Таким образом, проанализировав причины латентности преступности в сфере физической культуры и спорта, а также законодательные попытки по борьбе с данным явлением, мы пришли к следующим выводам:

1. К основным причинам латентности коррупционных преступлений в сфере физической культуры и спорта относятся:

а) закрытость спортивной системы и особенности взаимоотношений ее участников;

б) недостатки бланкетного законодательства, возникшие вследствие непоследовательных законодательных решений;

в) отсутствие инициативы со стороны правоохранительных органов в части выявления и расследования преступлений, связанных с оказанием противоправного влияния на результат спортивных соревнований.

2. Причиной закрытости спортивной системы является чрезмерная автономия спортивных лиг и федераций, которая выражается:

а) в учреждении такими организациями разветвленной сети третейских судов (спортивных арбитражей), действующих в соответствии с принципом конфиденциальности третейского разбирательства;

б) в корпоративной солидарности участников спортивных отношений, их заинтересованности в том, чтобы для третьих лиц спорт оставался вне коррупционных скандалов.

3. Непоследовательность законодательных решений выражается в том, что:

а) с одной стороны, законодатель усиливает репрессивный потенциал уголовного закона и бланкетного законодательства за оказание влияния на результаты спортивных соревнований и принимает шаги по преодолению корпоративного барьера спортивной системы;

б) с другой стороны, одновременно с вышеуказанными изменениями дополняет ФЗ «О физической культуре и спорте» специальной главой о порядке рассмотрения споров в сфере физической культуры и спорта, чем легализует закрытый порядок рассмотрения споров в спорте;

в) недостатком действующего законодательства считаем также отсутствие ответственности букмекеров за принятие ставок на заведомо «договорное» спортивное мероприятие, при том что такие лица являются одними из главных бенефициаров таких преступлений либо выполняют роль важного промежуточного звена при извлечении прибыли от совершения такого преступления.

Ссылки

1. Безбородов Д. А., Кравченко Р. М., Рахманова Е. Н. О некоторых причинах латентности преступности в сфере спорта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 107-115. – DOI 10.18384/2310-6794-2022-4-107-115.

2. Беляева И. М., Евстратенко Е. В., Красуцких Л. В. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования как проявление коррупции // Человек. Спорт. Медицина. 2022. Т. 22, № S1. С. 142-147. DOI 10.14529/hsm22s123.

3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 25.02.2022 по делу № 1-25/2022. URL: https://zheleznodorozhny--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=a675d584-83e0-450c-a557-5070f8c8f9f3&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&_srv_num=1&_hideJudge=0.

4. Боренов А. Ю. Криминологическая оценка состояния коррупционной преступности в профессиональном боксе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3. С. 36-41. DOI 10.25724/VAMVD.JDEF.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона от 22.11.2016 № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1071537-6>.

6. Регламент проведения Открытого чемпионата России по хоккею – Чемпионата Континентальной хоккейной лиги сезона 2008–2009 годов (Утв. Советом Директоров ООО «КХЛ» 21.04.2008) (с изм. и доп. от 02.08.2008). URL: <https://www.khl.ru/official/documents/>

7. Дисциплинарный регламент КХЛ сезона 2014/2015 гг. (утв. Правлением ООО «КХЛ» 19.08.2014). URL: <https://www.khl.ru/official/documents/> (дата обращения: 28.12.2023).

8. Решение Тверского районного суда г. Москвы по делу № 02-0269/2020 от 30.06.2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/9e3cb132-b844-4314-8b0d-cb2f2fc7df16#tabs-3>.

9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 по делу № 88-23090/2021. СПС «Консультант Плюс».

10. Цветков П. В. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат спортивного соревнования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 121-133. DOI 10.24411/2312-3184-2020-10062.

11. Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 13.12.2023 по делу № 1-100/2023. URL: https://zheleznodorozhny--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=2e5d8181-177d-40d8-bf65-4fa3d3c189a4&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0.

12. Приговор Мытищинского городского суда Московской области № 1-65/2014 от 04.06.2014. URL: sudact.ru/regular/doc/zpuqVgMPAcJu/

Conditions for compensation of additional expenses associated with causing harm to health by the owner of a source of increased danger in the law of Vietnam

Q. H. Nguyen¹, N. V. Ivanovskaya¹

¹Law Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-88-95

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the theoretical views of scientists and practical approaches of Vietnamese courts to determining the conditions for compensation of additional expenses associated with causing harm to health by the owner of a source of increased danger (SID). For this purpose, the authors set the following tasks: to study the opinion of Vietnamese civil experts on this issue, to analyze the positions of the courts when resolving cases related to the imposition of the obligation to reimburse the costs in question on the owner of the SID. The results of the study show that in Vietnam, when determining the conditions for compensation of additional costs resulting from injury to health by a SID, there are two different points of view between civil scholars and the courts. According to Vietnamese scientists, additional expenses should be reimbursed if they were incurred as prescribed by a doctor, however, in practice, the courts express their position that additional expenses are reimbursed by the owner of the SID to the victim under two conditions, that he needs appropriate types of assistance and does not have the right to receive them free of charge. The authors support the position of the courts and substantiate the opinion that in the event of harm to health, additional expenses are subject to reimbursement by the owner of the SID, if it is established that the victim needs these types of assistance and does not have the right to claim them free of charge.

Keywords: conditions for reimbursement of additional expenses; source of increased danger; harm to health; civil law of Vietnam

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nguyen, Quang Huy | E-mail: kekip1994.hlu@gmail.com
Postgraduate

Ivanovskaya, Natalia V. | E-mail: ivanovskaya-nv@rudn.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Условия возмещения дополнительных расходов, связанных с причинением вреда здоровью владельцем источника повышенной опасности в праве Вьетнама

К. Х. Нгуен¹, Н. В. Ивановская¹

¹Юридический институт, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-88-95
УДК 347.5

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию теоретических взглядов учёных и практических подходов судов Вьетнама к определению условий возмещения дополнительных расходов, связанных с причинением вреда здоровью владельцем источником повышенной опасности (ИПО). С этой целью авторы поставили задачи: изучить мнение вьетнамских цивилистов по данной проблематике, проанализировать позиции судов при разрешении дел, связанных с возложением обязанности по возмещению рассматриваемых расходов на владельца ИПО. Результаты исследования показывают, что во Вьетнаме при определении условий возмещения дополнительных расходов в результате причинения вреда здоровью ИПО существуют две разных точки зрения между учёными-цивилистами и судами. По мнению вьетнамских учёных, дополнительные расходы должны быть возмещены, если они были понесены по назначению врача, однако на практике суды выражают свою позицию о том, что дополнительные расходы возмещаются владельцем ИПО потерпевшему при наличии двух условий, что он нуждается в соответствующих видах помощи и не имеет права на их бесплатное получение. Авторами поддерживается позиция судов и обосновывается мнение о том, что при причинении вреда здоровью дополнительные расходы подлежат возмещению владельцем ИПО, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и не вправе претендовать на их бесплатное получение.

Ключевые слова: условия возмещения дополнительных расходов; источник повышенной опасности; вред здоровью; гражданское право Вьетнама

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нгуен, Куанг Хюи | E-mail: kekip1994.hlu@gmail.com
Аспирант

Ивановская, Наталия Владимировна | E-mail: ivanovskaya-nv@rudn.ru
Кандидат юридических наук, доцент

В случае причинения вреда здоровью любым противоправным действием, в том числе с использованием ИПО, потерпевшая сторона вынуждена нести имущественные потери, которые подлежат возмещению в полном объеме [1, с. 16; 2, с. 19; 3, с. 114].

Согласно ч. 1 ст. 590 Гражданского кодекса Социалистической Республики Вьетнам наряду с утраченным заработком потерпевшего и расходами на лицо, осуществляющее уход за потерпевшим в период лечения, в случае причинения вреда здоровью ответственное лицо также должно возместить разумные дополнительные расходы, понесенные потерпевшей стороне в целях лечения и восстановления здоровья потерпевшего¹.

Если необходимость возмещения утраченного заработка и расходов на лицо, осуществляющее уход за потерпевшим, не вызывает сомнений у вьетнамских цивилистов, то положение действующего законодательства относительно условий возмещения дополнительных расходов привлекает большое внимание ученых Вьетнама и является причиной отсутствия единообразного подхода в деятельности судов по разрешению соответствующей категории споров.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Постановления Пленума Верховного Народного Суда № 22/2022 / NQ – HDTP от 06 сентября 2022 г. «О руководстве применения ряда положений Гражданского кодекса о внедоговорной ответственности» к разумным дополнительным расходам, вызванным повреждением здоровья, относятся все расходы на лечение и восстановление здоровья, утраченных или ослабленных физических функций потерпевшего: расходы на аренду автомобиля для доставки потерпевшего в медицинское учреждение для оказания неотложной помощи, на приобретение лекарств и медицинское обследование (рентген, томографию, УЗИ, анализы, операцию, переливание крови, физиотерапию и т. д.), которые осуществляются по назначению врача; больничные счета; расходы на приобретение тоников, установку протезов ног, искусственных рук, искусственных глаз, приобретение инвалидных колясок, костылей, затраты на косметические операции и т. д.².

¹ См.: Ч. 1 ст. 590 Гражданского кодекса СРВ № 91/2015/QН13 от 24.11.2015. вступил в законную силу 01.01.2017 [Электронный ресурс] Юридическая библиотека Вьетнама. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx> (на вьет. яз.).

² См. Ч. 1 ст. 7 Постановление Пленума Верховного Народного Суда № 22/2022 / NQ – HDTP от 06.09.2022 г. О руководстве применения ряда положений о внедоговорной ответственности. [Электронный ресурс] Юридическая библиотека Вьетнама. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Nghi-quyet-02-2022-NQ-HDTP-huong-dan-Bo-luat-Dan-su-boi-thuong-thiet-hai-ngoai-hop-dong-483799.aspx> (на вьет. языке).

Анализ вышеуказанного перечня показывает, что он является неисчерпывающим, а лишь примерным, поскольку в разных ситуациях степень причинённого вреда здоровью будет разной. Другими словами, от разной степени повреждения потерпевшему здоровья будут и разными дополнительные расходы. Кроме того, на наш взгляд, вместо того чтобы пытаться подробно перечислить расходы, которые следует отнести к дополнительным расходам, связанным с причинением вреда здоровью, лучше сосредоточиться на выработке конкретных условий, при установлении которых рассматриваемые расходы должны быть возмещены потерпевшему причинителем.

В современной гражданской науке Вьетнама вопрос об определении условий для возмещения дополнительных расходов, связанных с причинением вреда здоровью, поднимался в научных исследованиях ряда ученых.

Можно упомянуть точку зрения исследователя К. Х. Зьонг, которая в своей работе отмечает, что «дополнительные расходы, связанные с причинением вреда здоровью – это затраты, понесенные потерпевшим с целью максимального восстановления своего поврежденного здоровья. Например, расходы на приобретение лекарств, протезирование, санаторно-курортное лечение и т. д.» В дальнейшем она подчеркивает, что «все эти расходы определяются на основании действительных счетов, считаются разумными и должны быть возмещены причинителем, если они были понесены по назначению врача» [4, с. 25].

Аналогичная точка зрения высказывается В. К. Ле, который пишет, что «расходы на лечение и восстановление здоровья потерпевшего могут быть возмещены, если они соответствуют обязательному условию: они были понесены по указанию врача или требованию медицинского учреждения, в котором потерпевший непосредственно лечится. Что касается случаев, если понесенные расходы не соответствуют назначению врача, например, расходы на приобретение лекарств для лечения других заболеваний, не связанных с причиненным вредом здоровью причинителем и т. п., эти расходы не подлежат возмещению» [5]. Кроме того, он отмечает, что рассматриваемые расходы возмещаются причинителем, если потерпевшая сторона предоставит суду соответствующие счет и документы.

По мнению Нгуен Ты, «возмещению подлежат только расходы, понесенные потерпевшим в соответствии с назначением врача. А суд при рассмотрении и разрешении дел о возмещении вреда здоровью не может удовлетворить требования потерпевшей стороны о возмещении расходов, понесенных не по указанию врача [6].

Анализируя вышеприведенные точки зрения, необходимо отметить, что общие недостатки мнений вьетнамских ученых проявляются в случае причинения вреда здоровью владельцем ИПО, когда врач прописывает потерпевшему препарат с названием конкретного лекарства, которого нет в наличии, но при этом имеется аналогичный препарат с другим названием). Если потерпевший приобретает имеющийся препарат, не соответствующий указанию врача, возникает вопрос: будет ли возмещен данный расход причинителем (владельцем ИПО)? Для ответа на заданный вопрос, по нашему мнению, необходимо обратить внимание на цель приобретения лекарства и срочность процесса лечения. Владелец ИПО должен возместить его, если лечение потерпевшего нельзя откладывать в целях максимального и быстрого восстановления его здоровья.

Следует отметить, что исследование условий возмещения дополнительных расходов, связанных с причинением вреда здоровью владельцем ИПО, будет неполным без уточнения позиции судов при рассмотрении и разрешении соответствующих споров.

Чтобы выяснить мнение суда, предлагается проанализировать конкретные дела, рассмотренные вьетнамскими народными судами.

06 июля 2019 г. То Ван С. ехал на мотоцикле, на котором находилась Чан Тхи Х. Выезжая на дорогу, он столкнулся с мотоциклом, которым управлял Льеу К. В результате ДТП То Ван С. и Чан Тхи Х. получили серьезные травмы и были доставлены в больницу. Уровень травматизма г-на То Ван С. составил 46 % и г-жи Чан Тхи Х. – 11 %.

30 января 2023 г. То Ван С. и Чан Тхи Х. подали в суд иск о взыскании суммы возмещения вреда здоровью на общую сумму 400 000 000 донгов.

Изучая обстоятельства дела и представленные сторонами доказательства, касающиеся стоимости лечения То Ван С., народный суд района Тхой Лай обнаружил, что в некоторых документах имеется разница между общей суммой на лечение То Ван С, зафиксированной в документах, предоставленных медицинским учреждением, и фактическими затратами, понесенными потерпевшей стороной.

Например, стоимость лечения в центральной больнице общего профиля Кантхо с 15 сентября 2019 г. по 29 сентября 2019 г. составляет 151 936 422 донгов. Фактический платеж составил 56 015 098 донгов. Стоимость лечения в нейрохирургической больнице с 12 июня 2020 г. по 26 июня 2020 г. составляет 82 604 172 донгов. Фактический платеж составляет 38 604 172 донга.

Кроме того, суд заявил, что причина их разницы заключается в том, что То Ван С. имел обязательное медицинское страхование, в силу которого стоимость лечения частично погашалась. В связи с этим суд устано-

вил, что потерпевшая сторона имеет право на взыскание лишь реального ущерба (фактической затраты), понесенного ей в целях лечения, восстановления здоровья. Другими словами, расходы, понесенные потерпевшей стороной на лечение, восстановление здоровья, возмещаются владельцем ИПО только в том случае, если потерпевший не имеет права на их бесплатное получение. В итоге суд частично удовлетворил требование иска, обязав г-на Льеу К. (один из владельцев ИПО) возместить г-ну То Ван С. причиненный вред здоровью в размере 102.626.609 донгов³.

В другом деле 09 июля 2022 г. г-жа Ле Тхи А. ехала на мотоцикле и столкнулась с г-жой Буй Тхи Б., переходившей улицу. В результате Буй Тхи Б. получила серьезную травму. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы телесных повреждений № 691/2022/ТТРУ от 5 сентября 2022 г. Судебно-медицинского центра провинции Тханьхоа уровень травматизма Буй Тхи Б. составила 30 %. Причиной ДТП стала невнимательность обоих участников ДТП. При этом степень вины каждого из них определялась судом в следующем соотношении: степень вины Ле Тхи А. составила 50 % и Буй Тхи Б. – 50 %.

20 января 2023 г. Буй Тхи Б. подала в суд иск, требуя от Ле Тхи А. возместить вред, причиненный здоровью на общую сумму 105 040 000 донгов. Вместе с исковым заявлением истец представил в суд счета и документы, подтверждающие расходы, понесенные ему в процессе лечения и восстановления здоровья.

Суд первой инстанции при изучении обстоятельств дела и всех представленных доказательств отметил, что расходы, понесенные потерпевшей стороне на покупку восточной медицины (7 000 000 донгов) и аренду автомобиля для поездки на медицинское обследование в центр восточной медицины (4 900 000 донгов), не подлежат возмещению, поскольку использование восточной медицины для лечения не было назначено врачом. Данные расходы считаются понесенными ею затратами по собственному желанию и не подлежат возмещению владельцем ИПО. В связи с этим и учетом степени вины каждого из участников ДТП суд первой инстанции частично удовлетворил иск Буй Тхи Б. и обязал Ле Тхи А возместить причиненный вред здоровью Буй Тхи Б. в размере 26 510 000 донгов⁴.

Не соглашаясь с решением суда первой инстанции, 06 апреля 2023 г. истец подал жалобу в апелляционный суд с дополнением требования воз-

³ Постановление № 136/2023/DSST Народного суда района Тхой Лай провинции Кантхо от 28 сентября 2023 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta1366108t1cvn/chi-tiet-ban-an> (на вьет. языке) (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Постановление № 03/2023/DSST Народного суда района S от 31 марта 2023 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности (на вьет. языке).

мещения расходов на прохождение судебно-медицинской экспертизы и морального вреда.

Учитывая обстоятельства дела и основываясь на представленных доказательствах, суд апелляционной инстанции подчеркнул, что расходы, понесенные истцу Буй Тхи Б. на лечение восточной медициной, не могут быть разумными, потому что, во-первых, лечение восточной медициной не было рекомендовано врачом, во-вторых, на основании уровня телесных повреждений Буй Тхи Б. лечение восточной медициной не являлось необходимым⁵.

Анализ судебной практики Вьетнама показывает, что суды при рассмотрении и разрешении дел, связанных с возмещением вреда здоровью ИПО, возлагают на владельца ИПО обязанность по возмещению дополнительных расходов на лечение и восстановление здоровья, если они отвечают двум основным условиям. Первое условие: потерпевший реально нуждается в этих видах помощи, т. е. эти расходы необходимы для потерпевшего в целях максимального восстановления поврежденного здоровья. Второе условие: рассматриваемые расходы возмещаются потерпевшему, если он не имеет права на их бесплатное получение.

Таким образом, на основе анализа и изучения теоретических взглядов учёных и практических позиций судов Вьетнама по вопросу возмещения дополнительных расходов, связанных с причинением вреда здоровью владельцем ИПО, авторы предлагают внести в ч. 1 ст. 7 Постановления Пленума ВНС № 22/2022 / NQ – HDTP следующее положение: «дополнительные расходы, понесенные в целях лечения, восстановления здоровья и утраченных или ослабленных функций потерпевшего должны быть возмещены, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение».

Ссылки

1. Донцов С. Е., Маринина М. Я. Имущественная ответственность за вред, причиненный личности. М.: Юридическая литература, 1986. 160 с.
2. Эрделевский А. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 19–21.
3. Яичков К. К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. М.: Наука, 1964. 167 с.

⁵ Постановление № 59/2023/DSPT Народного суда провинции Тхань Хоа от 18 июля 2023 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta1259199t1cvn/chi-tiet-ban-an> (на вьет. языке) (дата обращения: 01.12.2023).

4. Зьонг К. Х. Определение объема возмещения вреда, причиненного жизни // Государство и право. 2006. № 3. С. 25–27. (на вьет. яз.).

5. Ле В. К. Некоторые проблемы урегулирования возмещения вреда жизни и здоровью // Народный суд. 2021. URL: <https://tapchitoaan.vn/mot-so-vuong-mac-ve-giai-quyet-boi-thuong-thiet-hai-do-tinh-mang-suc-khoe-bi-xam-pham> (на вьет. яз.).

6. Нгуен Ты. Правовые вопросы регулирования возмещения вреда, причиненного посягательством на жизнь и здоровье // Вьетнамский адвокат. 2022. URL: <https://lsvn.vn/mot-so-van-de-phap-ly-ve-giai-quyet-boi-thuong-thiet-hai-do-tinh-mang-suc-khoe-bi-xam-pham1645371698.html> (на вьет. яз.)

System of restrictions in public law

A. V. Amelchakova¹

¹Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-96-103

Research article
Full text in Russian

The article examines the system of restrictions created and applied within the framework of public law, contributing to the achievement of the goals of public legal regulation. It is substantiated that such a system includes, along with universal ones, specific means, the demand for which is determined by the purpose of public law and the logic of regulating public legal restrictions. It is argued that in modern conditions, restrictions aimed not only at ensuring generally recognized interests, but also the scope and parameters of its action are in demand in public law.

Keywords: restrictions; system of restrictions; types of restrictions; public law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Amelchakova, Anastasia V. | E-mail: anastasiya_hvostova97@mail.ru
Postgraduate

Система ограничений в публичном праве

А. В. Амелъчакова¹

¹Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-96-103
УДК 340.12

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается система ограничений, создаваемая и применяемая в рамках публичного права, способствующая достижению целей публично-правового регулирования. Обосновывается, что такая система включает в себя наряду с универсальными специфические средства, востребованность которых обуславливается назначением публичного права и логикой регулирования публично-правовых ограничений. Утверждается, что в современных условиях в публичном праве востребованными оказываются ограничения, направленные на обеспечение не только общепризнанных интересов, но и сферы и параметров его действия.

Ключевые слова: ограничения; система ограничений; виды ограничений; публичное право

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелъчакова, Анастасия Вячеславовна	E-mail: anastasiya_hvostova97@mail.ru Адъюнкт 3-го года обучения кафедры теории государства и права
--	--

Разнообразие и трансформация отношений в сфере реализации права порождают сложности правового регулирования в части установления неизбежных ограничений [1]. Установление ограничений в праве становится важным ввиду ряда социальных, политических, экономических, духовных и иных факторов. В этой связи система правовых ограничений становится многообразной и требует упорядочения. Такое множество ограничений обусловлено не только разнообразием правового опыта, но и постоянно изменяющейся социальной обстановкой и, как следствие, эволюцией правовых отношений и их регулированием.

Проблема классификации правовых ограничений в теоретико-правовых исследованиях относится к числу малоисследованных. Так, М. М. Султыгов предлагает следующие критерии систематизации правовых ограничений: отраслевую принадлежность; сферу использования; содержание и др. [2, с. 102]. И. Н. Ищук предлагает деление ограничений в зависимости от их отраслевой принадлежности; общественной опасности; оснований возникновения; круга лиц, на которых распространяется их действие и др. [3]. В целом соглашаясь с предложенными критериями, нужно отметить, что ряд из них порождает ряд вопросов. В частности, классификация правовых ограничений по содержанию представляется нецелесообразной, поскольку логично то, что все они главным образом отличаются содержанием, некоторые из них могут одновременно относиться к нескольким категориям; с учетом динамики правовой действительности содержательные критерии могут быстро устаревать. Кроме того, спорной представляется систематизация ограничений в зависимости от общественной опасности на влекущие административную, уголовную и дисциплинарную ответственность. Это необоснованно ввиду того, что не любое ограничение в праве влечет за собой юридическую ответственность. Помимо прочего, в праве встречаются ограничения, которые могут повлечь гражданскую, семейную и трудовую и иные виды юридической ответственности.

Рассмотренные критерии систематизации правовых ограничений не дают полного представления об особенностях правовых средств в рамках механизмов действия современного публичного и частного права. В то же время важно понимать, что в силу специфики регулируемых интересов, метода правового регулирования и иных особенностей публичного и частного права в рамках механизма их действия должна создаваться и функционировать специальная система ограничений, способствующая достижению целей каждой из обозначенных подсистем права. В этой связи совершенно точно утверждает И. М. Приходько, что «публичные ограничения осуществляются в интересах всех и каждого, а частные – в интересах определенных лиц» [4, с. 87].

Следует заметить, что в юридической литературе встречаются попытки систематизации правовых ограничений в исследованиях, посвященных отдельным аспектам их применения в публично-правовой сфере. Например, А. А. Умарова в сфере правотворчества и правоприменения выделяет абсолютные и относительные ограничения [5, с. 154]. В диссертационном исследовании Т. В. Милушевой предлагается широкий круг оснований для классификации правовых ограничений, а именно: по степени общности; в зависимости от характера поведения властного субъекта;

по содержанию, по характеру; в зависимости от функций права и другим основаниям [6, с. 15–16].

О. С. Вырлеева-Балаева, исследование которой посвящено ограничениям государственной власти, предлагает выделять первичные (обязанности, запреты, ответственность и т. д.) и вторичные (комплексные) ограничения (разделение власти, федерализм, верховенство закона, взаимная ответственность личности и государства и т. п.) [7, с. 10]. Однако, на наш взгляд, вторая группа ограничений является первичной, в силу того что содержит основные принципы построения государственной власти и пронизывает всю правовую систему, а обязанности, запреты и прочие виды ограничений должны, в свою очередь, основываться на этих общепризнанных принципах.

Рассмотренные критерии систематизации ограничений востребованы в публичном праве. В то же время необходимо учитывать, что в рамках механизма действия современного публичного права ограничения распространяют свое действие не только на государственных служащих, но и на лиц, не обладающих государственно-властными полномочиями.

Основываясь на вышеизложенном и принимая во внимание тот факт, что ограничения являются универсальными средствами правового регулирования и встречаются как в частном, так и в публичном праве, приходим к выводу, что в их классификации могут быть выделены общие основания, такие как объем, степень сложности, круг лиц, характер влияния на поведение субъектов, способ воздействия на правовое положение субъекта, характер поведения; время действия и некоторые другие. На наш взгляд, целесообразным представляется выделение наряду с универсальными такими возможностями распределения ограничений на классы (виды), которые будут иметь ценность именно для понимания особенностей механизма действия публичного права, а также тенденций его изменения в современных условиях. Обозначенное значимо для решения не только сугубо теоретических, но и практических задач, связанных с совершенствованием инструментов регулирования отношений публичной природы. К основаниям систематизации правовых ограничений, позволяющим уяснить сущность и особенности проявления таковых в публичном праве, предлагаем относить: природу; выполняемую функцию; форму установления; правовое положение лица, в отношении которого устанавливаются ограничения; способ установления; характер условий и обстоятельств, повлекших их установление; последствия несоблюдения; территорию действия.

Исходя из природы ограничений, к системе таковых относятся типичные и нетипичные ограничения. К типичным можно отнести прежде

всего такие ограничения, которые обусловлены особенностью публично-правовых отношений, выстраиваемых по принципу власти и подчинения, императивным характером публичного права, например закрепленные в 4 главе Конституции РФ положения, устанавливающие правовой статус Президента РФ. Специфическим типичным для публичного права ограничением, нехарактерным для частного права, выступает, например, договорное регулирование в форме разграничения полномочий и предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации посредством федеративного договора.

В зависимости от выполняемой функции в рамках публичного права ограничения можно разделить на стабилизирующие, превентивно-профилактические, контрольные, нейтрализационные, карательные, антикоррупционные, легализационные и другие. Рассмотрим более подробно некоторые из них. Стабилизирующие ограничения в публичном праве необходимы для придания и дальнейшего поддержания изначально присущего публично-правовым отношениям неравновесного характера. Превентивно-профилактические ограничения направлены на предупреждение противоправного поведения, а карательные реализуются после допущения субъектами права такого поведения посредством привлечения правонарушителя к ответственности. Контрольные ограничения воплощаются через установление критериев правомерного и противоправного поведения (например, через установление процедуры выборов, порядка реализации отдельных прав). Нейтрализационные ограничения направлены на минимизацию противоправной активности (например, посредством установления ограничений скорости движения транспортных средств, недопущения конфликта интересов). Антикоррупционные ограничения необходимо связывать с недопущением того, чтобы властные субъекты злоупотребляли должностными полномочиями, а дисциплинирующие – с необходимостью обеспечения законности, рациональности и правопорядка в публичном управлении в целом. Легализационные ограничения в публичном праве способствуют поддержке государственной власти за счет использования таких механизмов, как, например, ограничение полномочий и свободы усмотрения, установление возможности обжалования действий и решений должностных лиц. Так, главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21–ФЗ установлен порядок обжалования решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными го-

сударственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

По форме установления в рамках публичного права ограничения делятся на общие (непризнание, лишение, приостановление прав; обязанности; запреты; лимиты; санкции и др.) и специальные (пределы полномочий, пределы деятельности, цензы, меры обеспечения др.). Общие ограничения можно встретить также в рамках частноправового регулирования, поскольку они носят обобщенный характер, несмотря на то что не всегда совпадают по содержанию. Специальные виды ограничений находят воплощение только в рамках публичного права, поскольку во многом обусловлены природой регулируемых в рамках его механизма отношений.

Для систематизации правовых ограничений в публичном праве немаловажную роль играют субъекты публично-правовых отношений, а именно их правовое положение. В этой связи верно замечает В. М. Сырых, что «частный интерес, соответствующий праву и ограниченный им, выступает формой воплощения в реальной жизни публичного интереса» [8, с. 47]. Исходя из этого, можно выделить ограничения лиц, не наделенных властными полномочиями (например, ограничения прав и свобод), и ограничения лиц, наделенных государственно-властными полномочиями (в частности, антикоррупционные ограничения, аттестация, ротация, компетенции и др.).

Анализ системы правовых ограничений в публичном праве свидетельствует о том, что их установление главным образом происходит в рамках стадии манифестации права. В дальнейшем на последующих этапах развертывания и функционирования механизма действия права происходит их уточнение и реализация. Однако нужно помнить, что ряд ограничений создается в рамках правоприменения. Учитывая сказанное, рассматриваемые правовые средства могут быть классифицированы по способу установления на те, которые устанавливаются посредством правотворчества (носят общеобязательный, не персонифицированный характер), и те, которые устанавливаются посредством правоприменения (носят индивидуально-властный характер, персонифицированный). Так, «запрещающие уголовно-правовые нормы... адресованы лицам, которые предупреждаются об уголовной ответственности в случае совершения преступления» [9, с. 50], а в процессе судебного правоприменения происходит индивидуализация данной нормы, «выражающаяся в определении меры ответственности конкретному лицу, совершившему преступление» [10, с. 155].

В качестве одного из оснований систематизации ограничений в публичном праве предлагается рассматривать характер условий и обстоятельств, повлекших их установление, исходя из чего ограничения могут быть теку-

щими и чрезвычайными. Текущие ограничения принимаются планомерно и в рамках естественного развития государства и права, а чрезвычайные становятся востребованными ввиду определенных чрезвычайных обстоятельств для наведения порядка (например, самоизоляция в период распространения новой коронавирусной инфекции).

Правовые ограничения в публичном праве могут повлечь разного рода последствия их несоблюдения. В случае несоблюдения ограничения порождают юридическую ответственность; сокращение объема прав и возможностей их реализации, не связанное с юридической ответственностью, а также увеличение объема обязанностей, не связанного с юридической ответственностью.

В зависимости от того, на какую территорию распространяют свое действия правовые ограничения в публичном праве, они могут быть подразделены на федеральные, региональные и локальные. Федеральные ограничения закреплены на уровне федерального законодательства, региональные – на уровне законодательства субъектов РФ, в то время как действие локальных ограничивается рамками деятельности одной или нескольких организаций.

Завершая анализ, можно утверждать, что система ограничений в публичном праве имеет очевидные особенности. Она включает в себя, наряду с универсальными, такие средства, востребованность которых обуславливается назначением публичного права и логикой регулирования публично-правовых ограничений.

Ссылки

1. Чулисова Ю. А. Конституционно-правовые основы ограничения свободы творчества: цели и пределы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 349-357. DOI 10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357.
2. Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 150 с.
3. Ищук И. Н. Ограничения в праве: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 22 с.
4. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001 195 с.

5. Умарова А. А. К вопросу о классификации правовых ограничений // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н. В. Витрука (Белгород, 30 ноября 2017 г.). Белгород: ГиК, 2017. С. 154–156.
6. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2012. 58 с.
7. Вырлеева-Балаева О. С. Система правовых ограничений государственной власти в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 28 с.
8. Сырых, В. М. Объективные основы публичного права // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 5. С. 37-80. DOI 10.17803/1729-5920.2016.114.5.037-080.
9. Панько К. К. Ограничения в уголовном праве и правоприменении // Юридическая техника. 2018. №12. С. 50–53.
10. Мифтахов А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 4. С. 153-159. EDN KWWEST

Falsification of registration of organizations and registration of rights to securities in domestic criminal law

A. V. Korpusov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-104-111

Research article
Full text in Russian

The article deals with the genesis of domestic criminal legislation on liability for distortion of accounting register information about legal entities and securities (Art. 1701 of the Criminal Code of the Russian Federation). The relevance of the topic is due to the lack of scientific research in the field of the noted encroachment. The main task is to search for and study criminal-legal norms ensuring the reliability of the mentioned information.

Based on formal-legal and historical-legal methods of research it is concluded that the required criminal-legal norms in the pre-revolutionary period were absent, and there was a gap in the part of protection of the reliability of the register of securities owners, which was not filled until 2010. For the first time since the introduction of the registration of organizations in the Soviet period the submission of inaccurate information for this purpose was considered a crime (Art. 90, 226b of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, Art. 187 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926). At the present stage of the Criminal Code of the Russian Federation initially prohibited only the submission of false or distorted information, preventing fictitious registration in the Unified State Register of Legal Entities of business entities (part 1 of Art. 171), and only since the middle of 2010 (with an addition in 2018) and to this day the reliability of information of the accounting system of the securities market and registration data on all legal entities in the country has been put under the protection of the criminal law against falsification and distortion (Art.1701).

Keywords: Codification; differentiation; codes of labor laws; the Labor Code of the Russian Federation; labor of certain categories of employees; special norms of labor law; legal technology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Korpusov, Andrey V. | E-mail: avkrosrf@mail.ru
| Postgraduate

Фальсификация регистрационного учета организаций и учета прав на ценные бумаги в отечественном уголовном праве

А. В. Корпусов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-104-111
УДК 343.3/7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается генезис отечественного уголовного законодательства об ответственности за искажение учетных реестровых сведений о юридических лицах и ценных бумагах (ст. 1701 УК РФ). Актуальность темы обусловлена отсутствием научных исследований в области отмеченного посягательства. Основной задачей является поиск и изучение уголовно-правовых норм, обеспечивающих достоверность означенных сведений.

С опорой на формально-юридический и историко-правовой методы исследования сделан вывод, что искомые уголовно-правовые нормы в дореволюционный период отсутствовали, при этом в части защиты достоверности реестра владельцев ценных бумаг наблюдался пробел, не получивший восполнения вплоть до 2010 г. Впервые с введением в советское время регистрационного учета организаций представление для этого недостоверных сведений считалось преступлением (ст. 90, 2266 УК РСФСР 1922 г., ст. 187 УК РСФСР 1926 г.). На современном этапе УК РФ изначально запрещал лишь представление ложных или искаженных сведений, препятствуя фиктивной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц субъектов предпринимательского дела (ч. 1 ст. 171), и только с середины 2010 г. (с дополнением в 2018 г.) и по сей день под защиту уголовного закона от фальсификации и искажения поставлена достоверность сведений учетной системы рынка ценных бумаг и регистрационных данных о всех юридических лицах в стране (ст. 1701).

Ключевые слова: фальсификация; искажение; Единый государственный реестр юридических лиц; реестр владельцев ценных бумаг; система депозитарного учёта; торговая регистрация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корпусов, Андрей Валентинович | E-mail: avkrosrf@mail.ru
Аспирант

Дореволюционное отечественное уголовное право не содержало норм об ответственности за искажение сведений торговой регистрации и реестра владельцев ценных бумаг, что в настоящее время отражено в ст. 1701 УК РФ¹ (далее также – фальсификация). С одной стороны, при отсутствии регистрационной системы учета юридических лиц закономерно не существовало и ответственности за её искажение. Все организации в данный период времени создавались (учреждались) с разрешения органов государственной власти. При этом никаких официальных реестров созданных (учрежденных или разрешённых к учреждению) товариществ, обществ или компаний не велось. С другой стороны, такой вид реестра владельцев ценных бумаг, как, например, шнуровые акционерные книги, отечественному дореволюционному законодательству был известен [1; 2, с. 51]. Однако его защита от искажений и фальсификации в рассматриваемую эпоху нормами уголовного права не обеспечивалась, хотя потребность в таковой явно имелась особенно во второй половине XIX в. ввиду бурного развития экономических, хозяйственных отношений и акционерного дела [3, с. 51].

Сказанное в части актуальности охраны достоверности шнуровых акционерных книг согласуется с мнением отечественных дореволюционных ученых, указывавших на явный дефицит в выборе адекватных уголовно-правовых средств воздействия для эффективного пресечения посягательств, совершаемых при создании организации и управления ею [4, с. 19; 5, с. 85]. Не вызывает возражений правильность данного утверждения хотя бы в той его части, согласно которой создание и управление компанией, товариществом или обществом немыслимы без точных и достоверных сведений об участниках последних, формирующих, как правило, их высший орган управления.

Термин «фальсификация» в нормах отечественного дореволюционного уголовного законодательства не используется. Большинство преступлений, связанных с подделкой и искажением разного рода документов и книг, собирательно именовалось подлогом (например, ст. 391, 489, 510, 587, 630, 1735, 2200 и др. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [6]). В то же время многообразие составов криминального подлога также не обеспечивало должной защиты шнуровых акционерных книг от их подделки и искажения, что, видимо, следует признать пробелом в уголовном праве рассматриваемого периода времени, учитывая особую значимость для хозяйственного оборота сведений упомянутых книг, а следовательно, и необходимость защиты достоверности последних. В поддержку сказанного свидетельствует хотя бы тот факт, что за неведение шнуровых книг для записи акций или паев, а также за их непредставление на ревизию Уголовное уложение 1903 г. предусматривало для учредителя торгового, промышленного общества или товарищества соответствующую ответственность (ст. 326 гл. 16) [7].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Формирование законоположений об ответственности за фальсификацию регистрационных сведений учета юридических лиц относится к советскому периоду. В частности, с введением в 1922–1923 гг. регистрационного учета организаций в различных реестрах (например, акционерных обществ [8], товариществ полных и на вере [9], комиссионных предприятий [10] и др.) уголовно наказуемым деянием становится сообщение ложных сведений государственному учреждению или должностному лицу (ст. 90 УК 1922 г.) [11].

Предметом отмеченного посягательства выступали представляемые в государственный орган при регистрации юридических лиц документы с ложными сведениями, формирующими (включаемыми в) соответствующие регистрационные учетные реестры. Перечень ложных сведений, за сообщение которых предусматривалась ответственность, в данной статье не определялся. При этом ответственность наступала за сообщение не любых сведений, не соответствующих действительности, ложных, а только тех, которые потенциально подлежали внесению в учетные реестры юридических лиц, т. е. являлись реквизитами (атрибутами) соответствующих учетных записей.

Как представляется, должному применению ст. 90 УК 1922 г. препятствовал конструктивный признак объективной стороны запрещенного ею посягательства, связывавший ложное сообщение сведений непременно с деятельностью государственных учреждений или должностных лиц. Однако очевидно, что при государственной регистрации юридических лиц, а затем и при изменении учетных данных об организациях сообщение ложных сведений никак не порочило деятельность государственных учреждений или должностных лиц. Поэтому отсутствие в содеянном данного признака, строго говоря, исключало и уголовную ответственность по вышеуказанной статье.

Законодатель устранил отмеченную проблему в середине 1923 г., когда специально в целях обеспечения достоверности сведений регистрационного учета организаций УК 1922 г. дополняется новой статьёй, и впервые в кодифицированном нормативном правовом акте закреплялась ответственность за сообщение недостоверных сведений в документах для регистрации торгово-промышленных, жилищных и иных товариществ и обществ (ст. 226б) [12].

Ученые, комментировавшие введенную в УК статью, отмечали, что ею обеспечивалась полнота и достоверность информации об организациях, необходимость представления которой для их регистрационного учета предусматривалась законодательно [13, с. 302]. Новая статья УК 1922 г. по сравнению с его ст. 90 более конкретно описывала противоправное деяние и не отражала в числе составообразующих признаков объективной стороны тех, которые существенно затрудняли применение нормы в целом. При этом, как и прежде, круг ложных сведений, сообщаемых субъектом в документах при регистрации юридических лиц, в новом составе преступления не уточнялся.

Преимуществом развития уголовного права способствовала закрепленность в УК 1926 г. посягательства, аналогичного по сути ранее предусмотренному в ст. 226бб предыдущего УК: за сообщение при регистрации организаций заведомо ложных сведений устанавливалась уголовная ответственность (ст. 187) [14], что свидетельствует о признании советским законодателем значимости наличия достоверных учетных реестровых сведений о юридических лицах и общественной опасности их искажения и фальсификации вплоть до отмены системы государственной регистрации юридических лиц в 1956 г. [15].

Нормы ст. 187 УК 1926 г. не содержали конкретного перечня сведений, за ложное сообщение которых при регистрации организаций наступала уголовная ответственность. Круг последних определялся сведениями (реквизитами, атрибутами), которые вносились в учетные записи о регистрации юридических лиц и были указаны в представляемых документах. При этом статус юридических лиц (коммерческие организации или некоммерческие), реестровые сведения о которых подвергались искажению, правового значения не имел.

Преступление, предусмотренное ст. 187 УК 1926 г., расценивалось законодателем как форма противодействия власти [16, с. 404], что объясняет его отнесение (равно как и всех вышеозначенных) не к числу хозяйственных преступлений (в отличие от современного аналога – ст. 1701 УК РФ, относящегося к экономическим преступлениям), но первоначально к государственным преступлениям (ст. 90 гл. I), а затем к посягательствам, нарушающим публичный порядок (ст. 226бб гл. VIII, ст. 187 гл. VIII Особой части УК 1922 и 1926 гг. соответственно). Отсюда сообщение ложных сведений об организациях и искажение учетных регистрационных данных о них представляло (по мнению законодателя) общественную опасность не для сферы социалистического хозяйствования, а для должного порядка государственного управления и администрирования в данной области общественных отношений.

Оконченными все вышерассмотренные преступления считались с момента сообщения ложных сведений. Наступление общественно опасных последствий в качестве признака объективной стороны не предусматривалось, в связи с чем формальная конструкция составов свидетельствовала о повышенной общественной опасности означенных посягательств.

В условиях тотальной монополии государства рынок ценных бумаг в советский период времени фактически не функционировал ввиду запрета на сделки и иные действия с ценными бумагами под угрозой наказания [17, с. 8] и национализации народного хозяйства, единственным владельцем которого становилось государство [18, с. 68]. В таких условиях фальсификация реестра владельцев ценных бумаг была лишена общественной опасности и не нуждалась в самостоятельной криминализации на протяжении всего советского времени. По этой причине вполне закономерно видится

отсутствие наказуемости искажения реестра владельцев ценных бумаг. Система депозитарного учета советскому законодательству известна не была.

Переход от социалистического строя, начатый в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., затронул все сферы общества. Свобода экономических отношений, приватизация, развитие частного предпринимательства нуждались в новом законодательном определении и защите формирующихся общественных отношений, в т. ч. в области государственной регистрации юридических лиц, учета прав на именные ценные бумаги и ведения соответствующих реестров.

Между тем в современный (постсоветский) период фальсификация указанных реестров получает криминализацию не сразу.

В частности, с 01.07.2002 г. помимо начала действия профильного законодательства в области государственной регистрации организаций и ведения Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в УК РФ в число преступлений в сфере экономической деятельности вводится ответственность за представление заведомо ложных сведений при регистрации субъектов предпринимательства (ч. 1 ст. 171 «Незаконное предпринимательство»). Однако в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» разъяснено, что под означенным деянием понимается представление ложной, искаженной информации, повлекшей необоснованную регистрацию предпринимательского субъекта². При этом наличие причинной связи между представлением ложных сведений и последующей регистрацией названного субъекта было обязательным [19, с. 199].

Получается, что состав имел место лишь в том случае, когда за представлением недостоверной информации непременно следовала регистрация, в частности, коммерческой организации – включение о ней сведений в ЕГРЮЛ. То же деяние, но в отношении прежде внесенных в ЕГРЮЛ сведений, а равно в отношении некоммерческих организаций преступлением не считалось. Отсюда следует вывод, что отмеченный состав преступления лишь отчасти был направлен на предупреждение фальсификации ЕГРЮЛ с упором главным образом на пресечение фиктивной регистрации. Иные манипуляции со сведениями ЕГРЮЛ в качестве преступных Кодексом не рассматривались.

Уголовно-правовых норм за искажение сведений реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета УК РФ не содержал вплоть до середины 2010 г. С указанной даты, признав высокую общественную опасность фальсификации реестровых сведений, чрезвычайно важное значение которых состоит в легитимации юридических лиц, владельцев именных ценных бумаг, депонентов, участников хозяйственных обществ, руководителей организаций и проч., законодатель в новой статье УК РФ устанавливает ответственность за представление в регистрирующий ор-

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС «КонсультантПлюс».

ганизации орган, учетные институты (регистраторы, депозитари) документальных заведомо ложных сведений с закрытым перечнем последних в рамках одной из целей деяния (внесения таковых в упомянутые реестры) и искажение реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета посторонним лицом (ч. 1–3 ст. 1701)³.

Спустя почти десятилетие (в 2018 г.), столкнувшись с ведением депозитариями и регистраторами недостоверного учета прав на ценные бумаги в интересах своих клиентов – финансовых организаций, всячески скрывавшими ухудшение своего имущественного положения, законодатель дополнил ст. 1701 УК РФ новыми составами об ответственности за внесение и подтверждение достоверности внесения заведомо неполных или недостоверных реестровых сведений, препятствовавших обнаружению признаков банкротства финансовых организаций, причин отзыва у них лицензии или введения чрезвычайного органа управления ими – временной администрации (ч. 4–5)⁴.

Таким образом, генезис отечественного уголовного права об ответственности за фальсификацию свидетельствует, что в дореволюционный период таковой не предусматривалось, при этом в части обеспечения достоверности реестра владельцев ценных бумаг нормами уголовного права наблюдался пробел, не получивший восполнения вплоть до 2010 г. В советское время, напротив, впервые с введением регистрационного учета организаций (1922–1923 гг.) и до его отмены в 1956 г. представление для этого недостоверных сведений считалось преступлением (ст. 90, 226б УК РСФСР 1922 г., ст. 187 УК РСФСР 1926 г.).

Наконец, современный период характерен тем, что изначально (с 01.07.2002 г.) УК РФ предусматривал ответственность только за представление в регистрирующий орган заведомо ложных сведений, препятствуя фиктивной регистрации в ЕГРЮЛ субъектов предпринимательского дела (ч. 1 ст. 171), не определяя в качестве преступного искажение прежде включенных в ЕГРЮЛ данных, а также сведений в отношении некоммерческих организаций. И лишь с середины 2010 г. (с дополнением в 2018 г.) и по сей день в числе преступлений в сфере экономической деятельности Кодекс содержит специальную статью об ответственности за фальсификацию ЕГРЮЛ, реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учёта способами представления, внесения, подтверждения заведомо ложных, недостоверных или неполных сведений соответственно, обеспечивая достоверность означенных реестров (ст. 1701).

³ Федеральный закон от 01.07.2010 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Ссылки

1. Положение о компаниях на акциях от 06.12.1836 г. // Полное собрание законов Российской Империи Ч. 2. Т. XI. № 9763. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=383®im=3 (дата обращения: 08.01.2024).
2. Бовыкин В. И. История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1990. 659 с.
3. Рябова А. Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 211 с.
4. Писемский П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. 230 с.
5. Тарасов И. Учение об акционерных компаниях. Ярославль, 1879. 283 с.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696.
7. Уголовное уложение 1903 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958.
8. Инструкция о порядке регистрации акционерных обществ: приложение к Постановлению СНК РСФСР от 21.03.1923 г. «Об оплате действий Комиссии по Внутренней Торговле при Совете Труда и Обороне по регистрации акционерных обществ» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Совета Труда и Обороне РСФСР от 20.02.1923 г. «О регистрации товариществ полных и на вере» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Декрет СНК РСФСР от 02.01.1923 г. «Положение о порядке учреждения и регистрации комиссионных предприятий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2024).
11. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс. Практический комментарий / под ред. М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. М., 1925. 460 с.
14. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Совета Министров СССР от 20.10.1956 г. № 1436 «Об отмене государственной регистрации государственных, кооперативных и общественных хозяйственных организаций и предприятий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2024).
16. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. А. Герцензона, А. А. Пионтковского. М., 1939. 527 с.
17. Кирилловых А. А. Правовое регулирование рынка ценных бумаг. М., 2015. 248 с.
18. Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 525 с.
19. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. 312 с.

Value-semantic orientations of the personality of the potential scientific and engineering elite

Yu. N. Timofeeva¹, T. A. Voronova¹

¹Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-112-119

Research article
Full text in Russian

Based on a longitudinal study, the article analyzes the dynamics of the social, academic and professional components of university adjustment of medical students studying under employer-sponsored contract from the first to the third, year of study. It is stated that the level of social adjustment at a university is most reduced in the first year, which is the initial stage of entering the university environment. A decrease of the level of academic component of university adjustment was revealed in the second year of study. A statistically significant positive shift of the level of the professional component of university adjustment was noted among students studying under employer-sponsored contract in the third year of study.

Keywords: university adjustment; medical university; employer-sponsored contract; components of university adjustment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Timofeeva, Yulia N. | E-mail: timofeevaun@rambler.ru

Voronova, Tatyana A. | E-mail: klim75@bk.ru
D. Sc. (Psychology), Associate Professor

Динамика вузовской адаптации студентов медицинского вуза, обучающихся по целевому договору

Ю. Н. Тимофеева¹, Т. А. Воронова¹

¹Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России, Иркутск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-112-119
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье на основании лонгитюдного исследования анализируется динамика социального, дидактического и профессионального компонентов вузовской адаптации студентов, обучающихся по целевому договору в медицинском вузе с первого курса обучения по третий. Констатируется, что уровень социальной адаптации в вузе является наименее выраженным на первом курсе – первоначальном этапе вхождения в вузовскую среду. Выявлено снижение дидактического компонента вузовской адаптации на втором курсе обучения. Статистически достоверный положительный сдвиг в выраженности профессионального компонента адаптации в вузе отмечен у студентов, обучающихся по целевому договору к третьему курсу обучения.

Ключевые слова: вузовская адаптация; медицинский вуз; целевой договор; компоненты вузовской адаптации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеева, Юлия | E-mail: timofeevaun@rambler.ru
Николаевна | Старший преподаватель

Воронова, Татьяна | E-mail: klim75@bk.ru
Анатольевна | Доктор психологических наук, доцент

В настоящее время высшее медицинское образование в РФ возможно получить на различной финансовой основе – бюджетной, коммерческой, по целевому договору. Бюджетная основа обучения предполагает полное государственное финансирование образовательных услуг, обучающиеся на коммерческой основе оплачивают обучение самостоятельно, целевое обучение финансируется из госбюджета, однако предусматривает заключение договора с медицинским учреждением, в котором прописаны определенные обязательства с обеих сторон.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В рамках предоставления образовательных услуг в сфере высшего медицинского образования правительство уделяет особое внимание обучению по целевому договору, рассматривая данный образовательный формат как наиболее приоритетный. Для реализации этой задачи контрольные цифры набора обучающихся за счет федерального бюджета значительно увеличены в пользу целевого обучения. Согласно распоряжению Правительства от 17 ноября 2022 года № 3502-р по медицинским специальностям в 2023 году большинство бюджетных мест останутся целевыми. В частности, по специальности «Лечебное дело» их доля составит 75 %, по «Педиатрии» – 76 %.

Со стороны медицинской организации, заключающей договор о целевом обучении, предполагается предоставление обучающемуся материальной помощи, а также его обязательное трудоустройство по окончании курса обучения. Со стороны гражданина, обучающегося по целевому договору, основными условиями данного договора являются его обязательства по усвоению образовательной программы и по осуществлению трудовой деятельности в течение срока, предусмотренного договором. При невыполнении данных обязательств, гражданин, принятый на обучение по целевой программе, обязан выплатить штраф, равный сумме расходов, потраченных на его обучение федеральным бюджетом в рамках данного проекта.

Таким образом, со стороны государства целевая программа обучения студентов медицинских вузов, несомненно, является одной из самых перспективных и высоко окупаемых, поскольку именно этот формат обучения в высшей школе позволяет обеспечить региональные рынки труда востребованным высококвалифицированным медицинским персоналом без риска больших материальных потерь для государственного бюджета. Со стороны получателя образовательных услуг целевая программа дает возможность освоить престижную медицинскую профессию в вузе без получения при этом высоких баллов ЕГЭ.

Следует отметить и сложности для студентов, обучающихся по целевому договору, к которым можно отнести: материальную ответственность перед государством и учреждением, с которым был подписан контракт; лимитированный выбор специальностей для освоения; ограничения, связанные с привязкой к будущему месту работы, включающие невозможность переезда или смены работодателя на определенный период времени; психологическое давление, которому подвергаются студенты, берущие на себя серьезную материальную ответственность.

Социально-психологическая адаптация в условиях вуза является одним из ключевых факторов, влияющих на качество подготовки конкурентоспособных специалистов и сохранения контингента учащихся [1–3], все большую значимость приобретает вопрос изучения адаптационных процессов и их динамики у студентов, обучающихся в вузе по целевому договору.

Краткий обзор исследований

Обратимся к взглядам исследователей на сущность и структуру вузовской адаптации, процесс которой А. В. Карпов определяет как вхождение личности в совокупность ролей и форм деятельности в вузе. Адаптация представляет собой процесс содержательного и творческого приспособления личности к особенностям выбранной им профессии посредством учебно-воспитательного процесса [4]. Близкое по содержанию определение вузовской адаптации предлагает М. С. Юркина. Она понимает под вузовской адаптацией многоуровневый, динамичный процесс, имеющий свою структуру, последовательность и особенности протекания, связанный с определенной перестройкой личности студентов в рамках включения их в новые социальные роли, профессиональную деятельность и дидактические условия [5].

Важный аспект в понимании вузовской адаптации отмечает Л. А. Моисеева, полагая, что функция вузовской адаптации заключается не только в повышении социальной активности индивида, но и в подготовке к эффективной профессиональной деятельности [6].

Различаются взгляды исследователей на структурные компоненты вузовской адаптации. Так, Р. Бейкер и Б. Сирик [7] выделяют в качестве компонентов адаптации следующие структурные элементы: академическую, социальную, личностно-эмоциональную адаптации и адаптацию к учебному учреждению. Л. Хазард и С. Картер в структуру вузовской адаптации включают шесть компонентов: академический, интеллектуальный, социальный, культурный, эмоциональный и финансовый [8]. Таким образом, авторы пытаются рассмотреть вузовскую адаптацию наиболее полно с учетом разнородных факторов, оказывающих влияние на неё.

По мнению В. В. Лагерева, ключевым аспектом адаптации в вузе является психологический компонент, заключающийся в появлении новых установок, и социально-психологический, предполагающий изменение социальной роли, и деятельный, состоящий в подстройке к условиям новой образовательной среды [9]. Е. В. Горбунова полагает, что к основным видам вузовской адаптации следует отнести академическую адаптацию, состоящую в приспособлении к дидактическим требованиям вуза, и социальную адаптацию, определяющую вовлеченность в социальную активность вуза, построение отношений в новой социальной среде [10].

На наш взгляд, наиболее полно структура вузовской адаптации отражена в классификации, предложенной А. А. Смирновым. Автор считает, что определяющими компонентами вузовской адаптации являются социальная адаптация (приспособление к новой социальной среде), дидактическая (приспособление к учебной деятельности) и профессиональная (профессиональное становление личности) [11].

В ряде зарубежных исследований показано, что качество вузовской адаптации значительно влияет не только на академическую успеваемость

студента, но и на его психологическое состояние. Успешная адаптация к вузу положительно коррелирует как с академическими, так и с личностными достижениями обучающегося [12, 13].

В рамках исследований адаптационных процессов студентов-медиков, обучающихся в вузе на различной финансовой основе, определено, что студенты, обучаемые по целевому направлению, по сравнению со студентами, обучающимися на бюджетной и коммерческой основе, на первом курсе обучения имеют наиболее выраженную дефицитарность в структуре адаптивности личности [14]. Установлено, что данная категория обучающихся на первоначальном этапе вливания в образовательную среду вуза склонна к конформности, невротичности, тяжело переживает неудачи, подвержена моральной напряженности и отсутствию внутренней свободы [15].

Результаты эмпирического исследования

Лонгитюдное исследование динамики компонентов вузовской адаптации проводилось в течение 3 лет (2019–2022) на базе Иркутского государственного медицинского университета; общее число респондентов составило 28 студентов лечебного факультета, обучающихся по целевому договору. Для выявления выраженности компонентов вузовской адаптации нами использовалась методика М. С. Юркиной «Адаптация студентов к ВУЗу», направленная на диагностику социальной, дидактической и профессиональной адаптации в вузе [16].

Обратимся к результатам исследования динамики компонентов вузовской адаптации студентов, обучающихся по целевому направлению, на разных курсах обучения (z-критерий Уилкоксона). В таблице 1 представлена динамика выраженности компонентов вузовской адаптации целевых студентов от первого курса обучения ко второму.

Таблица 1

Динамика выраженности компонентов вузовской адаптации целевых студентов от первого курса обучения ко второму

Компоненты вузовской адаптации	Средние значения		Z	p	Сумма положительных рангов	Сумма отрицательных рангов
	1-й курс	2-й курс				
Социальная адаптация	38,4	39,3	-1.685	0.04	129	277
Дидактическая адаптация	29,6	28,9	-1.785	0.03	212	87
Профессиональная адаптация	53,1	52,8	-0.438	н. д. ¹	140	113

¹ н.д. – статистически недостоверные значения.

Из таблицы видно, что от первого курса обучения ко второму у исследуемой группы студентов статистически значимая положительная динамика наблюдается по параметру социальной адаптации ($p = 0.04$) и отрицательный сдвиг произошел по параметру дидактической адаптации ($p = 0.04$). Возможно, рост уровня социальной адаптации ко второму курсу обучения у студентов, обучающихся по целевому договору, связан с тем, что большинство респондентов являются иногородними, поэтому для них на первоначальном этапе вливания в образовательную среду вуза актуальна проблема смены социального окружения, изменения образа жизни, бытовых условий. Данные свидетельствуют о том, что в течение года студенты адаптируются к изменившимся социальным условиям. Негативный сдвиг в уровне выраженности дидактического компонента адаптации, вероятно, связан с усложнением учебной программы, а также со сниженным академическим потенциалом респондентов.

Далее представлены данные, полученные в ходе исследования динамики выраженности компонентов вузовской адаптации у студентов, обучающихся по целевому договору от второго курса обучения к третьему (табл. 2).

Таблица 2

Динамика выраженности компонентов вузовской адаптации целевых студентов от второго курса обучения к третьему

Компоненты вузовской адаптации	Средние значения		Z	p	Сумма положительных рангов	Сумма отрицательных рангов
	2-й курс	3-й курс				
Социальная адаптация	39,3	40,8	-2.273	0.01	86	265
Дидактическая адаптация	28,9	28,9	-0.016	н. д. ²	127	126
Профессиональная адаптация	52,8	53,8	-1.961	0.02	73	202

Из таблицы 2 видно, что статистически значимая положительная динамика также наблюдается по показателям социальной адаптации ($p = 0.01$), что свидетельствует о возрастании уровня социального функционирования личности респондентов, адаптации к социальным условиям, об установлении значимых межличностных отношений. Значимый положительный сдвиг отмечается по показателям профессиональной адаптации ($p = 0.02$), возрастает осведомленность о профессиональной деятельности, развиваются профессиональные знания, умения и навыки. Таким образом, происходит овладение профессиональными компетенциями. Данные

² н. д. – статистически недостоверные значения.

свидетельствуют об адекватном протекании процессов как личностного, так и профессионального становления.

Заключение

Проанализировав динамику выраженности компонентов вузовской адаптации студентов медицинского вуза, обучающихся по целевому договору от первого курса к третьему, можно констатировать, что уровень социальной адаптации в вузе является наименее выраженным на первом курсе – первоначальном этапе вхождения в вузовскую среду. В этот период респондентам исследуемой группы приходится полностью менять социальное окружение, адаптироваться к новым бытовым условиям, к требованиям нового образовательного учреждения, изменять образ жизни и социальное функционирование. На втором курсе прослеживается положительная динамика уровня выраженности данного компонента адаптации, что говорит, на наш взгляд, об адекватном процессе социализации, осознанном взрослении и успешной интеграции в социальную среду вуза.

Динамика дидактического компонента вузовской адаптации характеризуется отрицательным сдвигом ко второму курсу обучения, между показателями второго и третьего курсов статистически значимых результатов не выявлено, что свидетельствует о нормативном приспособлении к характеру, содержанию, условиям и организации учебно-воспитательного процесса в вузе. Таким образом, для данной категории обучающихся наиболее сложным периодом с точки зрения дидактической адаптации к вузу является второй курс обучения. Это может быть связано с увеличением дидактических требований, количества учебных дисциплин, с формой контроля «экзамен», усложнением образовательной программы, а также с наличием академических задолженностей.

Положительный сдвиг в выраженности профессионального компонента адаптации в вузе отмечен у студентов, обучающихся по целевому договору, к третьему курсу обучения. В данный период студенты максимально погружаются в условия будущей профессии на базе клиник и других лечебных учреждений, общаются с профессионалами на местах, получают необходимые знания, умения, навыки, профессиональные компетенции.

Полученные в исследовании результаты открывают перспективу построения программы психологического сопровождения студентов медицинского вуза, обучающихся по целевому договору.

Ссылки

1. Латушкина Ю. А., Машкова И. Ю., Побокин П. А. Социально-психологическая адаптация студентов первого курса к условиям обучения в вузе // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2022. № 4(60). С. 143–149.

2. Савченко Т. В. Социально-психологическая адаптация к профессиональной деятельности будущего специалиста-менеджера в условиях вуза // Синергия знаний: современные тренды: сборник научных трудов. Вып. 3. Омск: Издательский центр КАН, 2020. С. 65–72.
3. Гогицаева О. У. Социально-психологическая адаптация студентов в условиях вуза // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 1, № 63. С. 439–445.
4. Карпов А. В. Психология профессиональной адаптации. Ярославль: Институт «Открытое общество», РПО, 2003. 161 с.
5. Юркина М. С. Исследование особенностей адаптированности местных и иногородних студентов первого курса к ВУЗу. Психологические науки: теория и практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 68–71.
6. Моисеева Л. А., Жихарева А. А. Комплексная характеристика социализации и адаптации в процессе обучения первокурсников ссузов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Психологические науки. 2007. № 2. С. 188–192.
7. Baker R., Siryk B. Measuring adjustment to college // Journal of Counseling Psychology. 1984. Vol. 33. P. 31–38.
8. Hazard L., Carter S. A framework for helping families understand the college transition // E-Source for College Transitions. 2018. 16(1). P. 13–15.
9. Лагереv В. В. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками. М.: НИИВО, 1991. 48 с.
10. Горбунова Е. В. Влияние адаптации первокурсников к университету на вероятность их отчисления из вуза (на примере студентов бакалавриата НИУ ВШЭ) [Электронный ресурс] // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Т. 1, № 2. С. 59–84.
11. Смирнов А. А., Живаев Н. Г. Психология вузовской адаптации. учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 115 с.
12. Li M., Jia H., Wang H. Maximizing tendency predicts university adjustment and academic performance // Front Psychol. 2023. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1188410
13. Seidman E., Aber J., French, S. “The organization of schooling and adolescent development” in Investing in children, youth, families, and communities: Strengths-based research and policy / eds. K. I. Maton, C. J. Schellenbach, B. J. Leadbeater and A. L. Solarz. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 233–250.
14. Тимофеева Ю. Н., Воронова Н. А. Адаптивность личности студентов медицинского вуза, обучающихся на различной финансовой основе // Ярославский психологический вестник. 2020. № 2(47). С. 58–63.
15. Тимофеева Ю. Н., Воронова Т. А. Адаптивность личности студентов медицинского вуза, обучающихся по целевому направлению // Инновационные технологии в фармации: сб. науч. тр. / под ред. Е. Г. Приваловой. Иркутск : ИГМУ, 2020. Вып. 7. С. 374–379.
16. Юркина М. С., Смирнов А. А. Разработка и апробация методики для экспресс-диагностики уровня адаптированности студентов к вузу // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21, № 1. С. 82–87.

Job satisfaction of the young employees in the context of job insecurity

A. Yu. Smirnova¹

¹The Saratov State University, Saratov, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-120-133

Research article
Full text in Russian

The concept of job satisfaction is analyzed, approaches to its measurement are described. The significance of the lack of job security as a parameter that reduces satisfaction of various aspects of job is substantiated. Data are given on the components of job that have the greatest significance for today's young workers. Differences are found in the job satisfaction's components, as well as levels of job satisfaction in groups of male and female workers.

Keywords: job satisfaction; burnout; job insecurity; threat of job loss

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smirnova, Anna Yu. | E-mail: anna-smirnova-sgu@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Удовлетворенность трудом молодых сотрудников в контексте отсутствия гарантий занятости

А. Ю. Смирнова¹

¹Саратовский государственный университет, Саратов, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-120-133
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

Анализируется понятие удовлетворенности трудом, описываются подходы к ее измерению. Обосновывается значение отсутствия гарантий занятости как параметра, снижающего удовлетворенность различными аспектами труда. Приводятся данные о компонентах труда, имеющих наибольшую субъективную значимость для современных молодых работников. Обнаруживаются различия в субъективной значимости компонентов труда, а также их удовлетворительности в группах работников мужчин и женщин.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом; выгорание; отсутствие гарантий занятости; угроза потери работы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова, Анна Юрьевна | E-mail: anna-smirnova-sgu@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной психологии

Удовлетворенность трудом является условием развития профессионального самосознания, связана с мотивацией к работе, вовлеченностью в дела организации [1]. Исследуемый феномен многогранный. Его динамика обусловлена не только факторами рабочей среды, но и изменениями в личности работника, воздействием внешней среды [2–3]. Немаловажную роль в формировании удовлетворенности трудом играют ожидания работников. Этому можно найти объяснения в работах, посвященных непосредственно этой проблеме, а также проследив связь с классическими объяснительными теориями, к примеру концепции межличностного взаимодействия как обмена Д. Тибо и Г. Келли, в которых выделяется имплицитный уровень сравнения как предопределяющий сравнение конкретных альтернатив. В контексте связи и влияния данной переменной на другие удовлет-

воренность трудом чаще анализируется как интегральный показатель [2]. Вместе с тем в практике управления человеческими ресурсами является важным рассмотрение удовлетворенности в контексте характеристик труда, ее вызывающих, что позволяет управлять отдельными аспектами работы, повышая их удовлетворительность. На наш взгляд, большим диагностическим потенциалом обладают в этом ракурсе многошкальные методики, к примеру опросник компонентов удовлетворенности трудом (Т. Ю. Иванова, Е. И. Рассказова, Е. Н. Осин), в котором выделяются 5 факторов: «Удовлетворенность заработной платой», «Удовлетворенность условиями и организацией труда», «Удовлетворенность руководством», «Удовлетворенность коллективом», «Удовлетворенность процессом и содержанием работы и своими достижениями» [1]. При этом выделяются три категории компонентов удовлетворенности трудом: «Социальные компоненты удовлетворенности», «Организационные компоненты удовлетворенности» и «Личностные компоненты удовлетворенности», которые, в свою очередь, подразделяются на актуальные (процесс и содержание работы, текущее служебное положение, роль в организации и достижения) и потенциальные (возможность саморазвития, возможность карьерного роста; возможность самореализации) [1]. Диагностика компонентов удовлетворенности трудом, на наш взгляд, должна основываться на какой-либо теории или теоретической модели и при этом учитывать те компоненты труда, которыми располагает организация. Отметим, что эти характеристики работы имеют отличия в разных организациях и разных отраслях, поэтому мы полагаем применение существующих стандартизированных методик удовлетворенности трудом все-таки избыточно общим методом диагностики удовлетворенности трудом, отдавая приоритет анкетному методу, позволяющему учесть специфику отрасли и организации. Разработанная нами анкета и перечень характеристик труда также не претендует на универсальность. В нашем исследовании мы стремимся подчеркнуть универсальность и практическую полезность анкетирования как метода оценки компонентов удовлетворительности трудом. При этом выделенный перечень характеристик работы должен, на наш взгляд, специфицироваться под особенности эмпирического базиса. Наш эмпирический базис составили производственные предприятия. Это предопределило включение определенных характеристик работы, таких как оснащенность оборудованием, график работы. Таким образом, трудовая деятельность не может быть в таком случае удаленной. В то же время мы включили и такие относительно универсальные компоненты, как удовлетворенность заработной платой, санитарно-гигиеническими условиями труда, а также условия питания, возможности для оздоровления персонала, поскольку в анализируемых нами организациях эти условия так или иначе имелись как собственные вспомогательные службы или услуги, приобретаемые для персонала у сторонних организаций.

Продолжая описание компонентов, необходимо следующим рассмотреть удовлетворенность руководством, куда вошли такие **компоненты**, как отношение с непосредственным руководителем, стиль руководства в подразделении, стиль руководства в компании в целом. Оценивались также и отношения в коллективе, удовлетворенность процессом и содержанием работы и своими достижениями путем вопросов: «Ясность и определенность обязанностей и ответственности», «Поддержка инициативы работников, система наставничества». Также оценивались переменные, которые Т. Ю. Иванова, Е. И. Рассказова, Е. Н. Осин выделяют как потенциальные личностные компоненты удовлетворенности (возможности должностного продвижения, обучения и повышения квалификации) и актуальные личностные компоненты удовлетворенности (соответствие работы личностным способностям).

Цель данной статьи — теоретико-эмпирический анализ феномена удовлетворенности трудом, эмпирический поиск компонентов труда, имеющих наибольшую субъективную значимость и удовлетворительных для современных молодых работников, в том числе спецификация этих компонентов для работников мужчин и женщин.

Эмпирический базис исследования составили 396 работников в возрасте до 35 лет.

Методы и методики эмпирического исследования, представленного в данной статье, следующие: 1. Авторская анкета, составленная на основании модели удовлетворенности трудом и опросника компонентов удовлетворенности трудом (Т. Ю. Иванова, Е. И. Рассказова, Е. Н. Осин) [1]; 2. Авторская анкета об оценке угроз занятости; 3. Опросник «Профессиональное выгорание» (ПВ) – русскоязычная версия Н. Водопьянова, Е. Старченкова (МБИ К. Маслач и С. Джексон) [4]; 4. Методика экспресс-диагностики удовлетворенности трудом (Bref job Satisfaction Measure from T. A. Judge, E. A. Locke, C. C. Durham, A. N. Kluger в адаптации А. Ю. Смирновой [5]

Эмпирические результаты исследования. Организация исследования носила срезовой характер. При этом авторская анкета для выявления компонентов удовлетворенности трудом заполнялась нашими респондентами дважды: в первом случае участникам исследования необходимо было оценить степень важности для них перечисленных характеристик работы, во втором случае предполагалось оценить удовлетворительность представленных в анкете характеристик работы. Полученные оценки анализировались отдельно — по степени важности и по степени удовлетворительности, на основании перемножения всех ответов оценивался «вес» компонента удовлетворительности трудом.

Выполненное эмпирическое исследование позволило ранжировать компоненты удовлетворенности трудом следующим образом (табл. 1).

Ранговая оценка компонентов удовлетворенности трудом и различия субъективной значимости компонентов удовлетворенности трудом в группах мужчин и женщин

Переменные	Ранг	Independent Samples T-Test			
		р	Кол-во респондентов (м/ж)	Mean	SD
Оплата труда	4,76	0.762			
Гарантия стабильной занятости, уверенность в том, что не уволят	4,65	0.007	276	4.594	0.745
			118	4.780	0.629
Соблюдение прав работников	4,65	0.083	276	4.623	0.605
			118	4.703	0.631
Система поощрения и премирования	4,62	0.014		4.580	0.647
				4.737	0.546
Обеспеченность техникой, инструментом, необходимыми материалами для работы	4,62	0.910			
Ясность и определенность обязанностей и ответственности	4,61	0.066	275	4.583	0.612
			118	4.669	0.680
Отношение в коллективе	4,57	0.163			
Отношение с непосредственным руководителем	4,57	0.091			
Санитарно-гигиенические условия труда	4,56	0.053	275	4.524	0.674
			118	4.653	0.632
Социальный пакет	4,56	0.028	276	4.511	0.760
			118	4.661	0.707
Режим труда и отдыха	4,55	< .001	276	4.486	0.716
			118	4.690	0.678
Стиль руководства в компании в целом	4,41	0.069			
Соответствие моей работы моим личностным способностям	4,41	0.148			
Возможности обучения и повышения квалификации	4,4	0.644			

Удовлетворенность трудом молодых сотрудников...

Стиль руководства в подразделении	4,39	0.014	276	4.348	0.694
			118	4.500	0.737
Престижность организации	4,35	0.325			
Поддержка инициативы работников	4,28	0.344			
Возможности должностного продвижения	4,28	0.930			
Система наставничества	4,14	0.992			
Условия питания	4,1	0.403			
Имеющиеся у молодежи возможности для НИОКР, внедрения инноваций	3,93	0.985			
Работа физкультурно-оздоровительного зала	3,76	0.084	276	3.815	1.134
			118	3.602	1.192
Корпоративные спортивные и культурно-массовые мероприятия	3,67	0.720			
Деятельность профсоюза	3,35	0.144			

Мы обнаружили, что субъективная значимость компонентов труда в мужской и женской выборке имеют некоторые отличия. Так, женщины более ценят гарантию занятости, соблюдение прав работников, систему поощрения; предпочитают более ясные и определенные обязанности, чем мужчины, социально-гигиенические условия труда, режим труда и предоставляемый организацией социальный пакет; придают большее значение стилю руководства рабочей группой (подразделением), в которой они работают. Вместе с тем мы не обнаружили различий между работниками-мужчинами и работниками-женщинами по оценке субъективной ценности таких параметров, как соответствие работы личностным особенностям; возможности обучения, повышения квалификации, карьерного роста; имеющиеся возможности для собственных научных исследований; престижность организации-работодателя и заработная плата. Можно заключить, что женщины-работники ценят не только содержание и возможности самореализации, но и то, в каких условиях они работают. Мужчины-работники более толерантны к условиям труда и сосредоточены на его содержании, карьере, оплате. При этом содержание труда, карьеру, оплату труда женщины-работники ценят не менее чем мужчины.

Факторный анализ значимости компонентов удовлетворенности трудом (метод вращения rotax) позволил выделить два фактора: «Приоритетные компоненты удовлетворенности трудом» и «Сопутствующие компоненты удовлетворенности трудом».

О том же свидетельствует корреляционный анализ: первый фактор на более высоком уровне коррелирует с общей оценкой удовлетворенности трудом по методике Brief Job Satisfaction Measure (Spearman's $\rho = 0.214$, $p < .001$), чем второй (Spearman's $\rho = 0.108$, $p < .05$). Невысокий уровень корреляций обоих факторов объясним тем, что мы проанализировали пока только категорию субъективной значимости характеристики работы, без оценки степени ее удовлетворительности в конкретной организации. Однако полученные результаты показывают, какие характеристики работы должны являться объектом заботы организации в первую очередь (табл. 2).

При процедуре ранжирования анализируемых компонентов по степени удовлетворительности в организации мы получаем следующие результаты (табл. 3). Степень удовлетворительности компонентов работы мы приводим в сравнении с субъективной значимостью данных компонентов, оценка различий (Paired samples T-test) осуществлялась по критерию Wilcoxon из-за отсутствия нормальности распределения.

Таким образом, мы обнаруживаем существенные различия в том, что предлагается современными организациями, и теми характеристиками, которые современные молодые работники считают для себя важными. Эти различия подтверждаются оценкой значимости различий (Paired Samples T-Test) по критерию (Wilcoxon signed-rank test) (табл. 4). Только два из анализируемых двадцати четырех параметров – престижность организации, условия питания и деятельность профсоюза – не получили различий в оценке субъективной значимости и удовлетворительности (отметим, что и первое, и второе представлено на низком уровне). В остальном можно сделать вывод, что предоставляемые организациями компоненты труда, призванные сделать его удовлетворительным, не соответствуют ожиданиям работников. Об этом же свидетельствуют и результаты факторного анализа данных удовлетворенности трудом (удовлетворительность характеристик), обнаруживающие уже три различия. Первый фактор образуют те переменные, которые по большей части были отнесены нами в «Сопутствующие компоненты удовлетворенности трудом» в первом случае факторного анализа, второй фактор – это «Возможности профессионального, карьерного роста и оплата труда», третий – «Коммуникация и стиль управления».

В продолжение математико-статистического и логико-теоретического анализа мы выполнили регрессионный анализ, в ходе которого обнаружили, что дефицитарность ряда факторов удовлетворенности трудом («Коммуникация и стиль управления» и «Сопутствующие компоненты удовлетворенности трудом») способствует профессиональному психическому выгоранию персонала, в особенности при отсутствии гарантий занятости. Результаты регрессионного анализа приводятся ниже (табл. 5).

Факторный анализ характеристик работы

Переменная	Factor 1	Factor 2	Uniqueness
Оплата труда	0.761		0.602
Обеспеченность техникой, инструментом, необходимыми материалами для работы	0.743		0.543
Система поощрения и премирования	0.703		0.557
Режим труда и отдыха	0.691		0.569
Санитарно-гигиенические условия труда	0.665		0.564
Соблюдение прав работников	0.659		0.602
Социальный пакет	0.634		0.581
Ясность и определенность обязанностей и ответственности	0.630		0.632
Отношение с непосредственным руководителем	0.583		0.657
Гарантия стабильной занятости, уверенность в том, что не уволят	0.531		0.724
Стиль руководства в подразделении	0.529		0.593
Отношение в коллективе	0.520		0.689
Стиль руководства в компании в целом	0.515		0.556
Поддержка инициативы работников	0.442		0.557
Соответствие моей работы моим личностным способностям	0.421		0.705
Работа физкультурно-оздоровительного зала		0.820	0.487
Корпоративные спортивные и культурно-массовые мероприятия		0.812	0.496
Имеющиеся у молодежи возможности для НИОКР, внедрения инноваций		0.636	0.587
Деятельность профсоюза		0.564	0.746
Система наставничества		0.510	0.658
Условия питания		0.455	0.712
Престижность организации		0.415	0.656
Возможности обучения и повышения квалификации			0.723
Возможности должностного продвижения			0.732

Степень удовлетворительности компонентов работы и их субъективная значимость

Компонент труда	Степень удовл.	W	z	p
Отношение с непосредственным руководителем	4,34	8418.000	4.979	<.001
Режим труда и отдыха	4,31	8723.500	4.785	<.001
Престижность организации	4,31	6553.500	0.617	0.515
Социальный пакет	4,24	9274.500	5.386	<.001
Соблюдение прав работников	4,23	13301.500	7.947	<.001
Отношение в коллективе	4,22	11919.000	6.660	<.001
Соответствие моей работы моим личностным способностям	4,15	8038.000	4.834	<.001
Ясность и определенность обязанностей и ответственности	4,1	11864.000	9.465	<.001
Стиль руководства в подразделении	4,07	13336.000	5.617	<.001
Стиль руководства в компании в целом	4,01	12654.500	6.442	<.001
Условия питания	4,01	10336.000	1.255	0.197
Корпоративные спортивные и культурно-массовые мероприятия	4,01	6482.000	-5.130	<.001
Гарантия стабильной занятости, уверенность в том, что не уволят	3,97	22749.000	10.452	<.001
Санитарно-гигиенические условия труда	3,96	19334.500	8.816	<.001
Работа физкультурно-оздоровительного зала	3,96	4463.500	-3.472	<.001
Система наставничества	3,92	9953.000	4.179	<.001
Поддержка инициативы работников	3,91	13627.500	7.074	<.001
Система поощрения и премирования	3,75	28453.000	12.054	<.001
Имеющиеся у молодежи возможности для НИОКР, внедрения инноваций	3,69	11809.000	3.605	<.001
Обеспеченность техникой, инструментом, необходимыми материалами для работы	3,62	29872.500	12.578	<.001
Оплата труда	3,59	45709.500	13.845	<.001
Возможности обучения и повышения квалификации	3,48	26939.000	11.226	<.001
Возможности должностного продвижения	3,33	28263.000	9.797	<.001
Деятельность профсоюза	3,11	14261.000	2.903	0.003

Факторный анализ удовлетворительности характеристик работы

Характеристики работы	Factor1	Factor2	Factor3	Uniqueness
Работа физкультурно-оздоровительного зала	0.871			0.556
Соблюдение прав работников	0.722			0.441
Престижность организации	0.700			0.474
Имеющиеся у молодежи возможности для НИОКР, внедрения инноваций	0.699			0.490
Корпоративные спортивные и культурно-массовые мероприятия	0.631			0.660
Условия питания	0.502			0.591
Возможности должностного продвижения		0.966		0.413
Система поощрения и премирования		0.747		0.403
Возможности обучения и повышения квалификации		0.743		0.588
Обеспеченность техникой, инструментом, необходимыми материалами для работы		0.570		0.620
Оплата труда		0.563		0.701
Отношения в коллективе			0.838	0.511
Отношение с непосредственным руководителем			0.818	0.443
Стиль руководства в подразделении			0.748	0.327
Стиль руководства в компании в целом			0.521	0.450
Режим труда и отдыха				0.669
Санитарно-гигиенические условия труда				0.768
Социальный пакет				0.662
Деятельность профсоюза				0.736
Гарантия стабильной занятости, уверенность в том, что не уволят				0.947
Ясность и определенность обязанностей и ответственности				0.572
Поддержка инициативы работников				0.476
Соответствие моей работы моим личностным способностям				0.695
Система наставничества				0.904

Результаты регрессионного анализа

Model	Factor	Unstandardized	Standard Error	Standardized	t	p
H0	(Intercept)	36.451	0.804		45.342	<.001
H ₁	(Intercept)	68.011	3.964		17.157	<.001
	F1_ Сопутствующие компоненты удовлетворенности трудом	-4.859	1.133	-0.279	-4.287	<.001
	F2_ Возможности профессионального, карьерного роста и оплата труда	0.901	0.987	0.056	0.913	0.362
	F3_ Коммуникация и Стиль управления	-4.958	1.134	-0.269	-4.372	<.001
	Когнитивная оценка угроз занятости	2.181	0.281	0.359	7.769	<.001

$R^2 = 0.391$, уравнение линейной регрессии описывает 39 % дисперсии переменных. Этот процент, конечно, не очень велик (чаще регрессия интерпретируется от 70 % и выше), однако значимость уравнения линейной регрессии позволяет заключить, что обнаруженные закономерности имеют место, хотя, безусловно, недостаточность компонентов удовлетворенности не является единственным стрессором, ведущим к выгоранию как состоянию, развитие которого детерминировано наличием постоянных стрессоров неяркой интенсивности. Можно предположить, что анализируемая нами дефицитарность компонентов удовлетворенности трудом — один из таких факторов, другие же не входят в задачи нашего исследования, центрированного именно вокруг удовлетворенности трудом.

Также мы ранжировали субъективную значимость компонентов удовлетворительности труда и на основании данного ранжирования последовательно включали анализируемые переменные в уравнение линейной регрессии – от наиболее субъективно значимых к наименее. Последовательно замещая в уравнении линейной регрессии зависимые переменные, мы пришли к выводу, что в ситуации угроз потери работы (которая постоянно присутствует у работников ввиду негарантированности занятости на конституциональном уровне и нестабильности социо-экономической ситуации и, кроме того, уточнялось нами при помощи опроса респондентов) отсутствие субъективно значимых характеристик удовлетворенности трудом в большей мере позволяет предсказать выгорание персонала, чем наличие

субъективно значимых характеристик удовлетворенности трудом предсказывает общую удовлетворенность трудом. Результаты регрессионного анализа следующие: для зависимой переменной «выгорание» уравнение линейной регрессии объясняет 44,8 % дисперсии переменных ($R^2 = 0.448$), для зависимой переменной «общая удовлетворенность трудом» уравнение линейной регрессии объясняет 26 % дисперсии переменных ($R^2 = 0.261$).

Стандартизированные регрессионные коэффициенты и их значимость приводятся в табл. 6.

Отметим, что угроза потери работы позволяет прогнозировать возникновение профессионального психического выгорания у персонала и снижение удовлетворенности трудом. Неудовлетворительные отношения в коллективе, несоблюдение прав работников достоверно способствуют выгоранию, но не позволяют прогнозировать общую удовлетворенность трудом. По нашему мнению, для формирования субъективной удовлетворенности трудом конкретного работника нужно в первую очередь учитывать субъективную значимость для этого работника определенных компонентов труда и возможности предоставления этих значимых компонентов в организации.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что удовлетворенность трудом является многогранным феноменом, оценка которого в конкретной организации должна учитывать субъективную значимость компонентов работы, их удовлетворительность в организации и кумулятивный эффект (значимость X удовлетворительность). Для формирования удовлетворенности трудом нужно в первую очередь учитывать субъективную значимость конкретных компонентов труда для конкретного работника, при этом наибольшей субъективно значимостью характеризуются такие компоненты труда, как оплата труда, гарантия стабильной занятости, соблюдение прав работников.

Отличия субъективной значимости компонентов труда в мужской и женской выборке заключаются в том, что женщины более ценят гарантию занятости, соблюдение прав работников, систему поощрения, предпочитают более ясные и определенные обязанности, чем мужчины, социально-гигиенические условия, режим труда и предоставляемый организацией социальный пакет, а также придают большее значение стилю руководства рабочей группой (подразделением), в которой они работают.

Угроза потери работы позволяет прогнозировать возникновение профессионального психического выгорания у персонала и снижение удовлетворенности трудом. Неудовлетворительные отношения в коллективе, несоблюдение прав работников достоверно способствуют выгоранию, но не позволяют прогнозировать общую удовлетворенность трудом.

**Результаты регрессионного анализа для зависимых переменных «Выгорание»
и «Общая удовлетворенность трудом»**

Независимая переменная (Coefficients)	Зависимая переменная «Выгорание»		Зависимая переменная «Общая удовлетворенность трудом»	
	Standardized	p	Standardized	p
Intercept	60.106*	<.001	12.063*	<.001
Угроза потери работы	0.362	<.001	-0.155	0.005
Гарантия стабильной занятости, уверенность в том, что не уволят	-0.029	0.640	0.090	0.212
Оплата труда	0.079	0.189	0.097	0.162
Соблюдение прав работников	-0.168	0.018	0.116	0.158
Обеспеченность техникой, ин- струментом, необходимыми ма- териалами для работы	0.080	0.223	-0.078	0.302
Отношение в коллективе	-0.253	<.001	0.135	0.064
Система поощрения и премирования	-0.026	0.724	-0.107	0.206
Санитарно-гигиенические усло- вия труда	0.004	0.952	0.044	0.533
Социальный пакет	-0.048	0.464	0.040	0.591
Режим труда и отдыха	-0.032	0.644	0.103	0.194
Ясность и определенность обя- занностей и ответственности	0.065	0.339	-0.119	0.130
Отношение с непосредствен- ным руководителем	0.037	0.587	0.022	0.781
Возможности обучения и повы- шения квалификации	-0.013	0.835	0.112	0.126
Соответствие моей работы моим личностным способностям	0.026	0.674	0.061	0.397
Престижность организации	-0.095	0.147	0.115	0.128
Стиль руководства в подразделении	-0.129	0.098	0.109	0.224
Возможности должностного продвижения	-0.116	0.084	-0.004	0.960
Поддержка инициати- вы работников	-2.567×10 ⁻⁴	0.997	-0.018	0.843
Система наставничества	-0.043	0.477	-0.067	0.341

Удовлетворенность трудом молодых сотрудников...

Условия питания	-0.099	0.115	-0.025	0.734
Имеющиеся у молодежи возможности для НИОКР, внедрения инноваций	0.022	0.734	-0.097	0.191
Работа физкультурно-оздоровительного зала	-0.087	0.165	-0.029	0.689
Корпоративные спортивные и культурно-массовые мероприятия	0.001	0.987	0.039	0.587
Деятельность профсоюза	0.065	0.234	-0.034	0.595
Стиль руководства в компании в целом	0.115	0.116	0.031	0.713

* приведены нестандартизированные значения константы

Ссылки

1. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2, № 3. С. 2-15. EDN RQWYMT.

2. Сунгурова Н. Л., Ильина Е. В. Особенности удовлетворенности трудом и представлений о временной перспективе работающих женщин среднего возраста // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 52-61. DOI 10.21064/WinRS.2019.2.5.

3. Смирнова, А. Ю. Динамика трудовых установок работников в ситуации угрозы потери работы // Организационная психология. 2019. Т. 9, № 2. С. 8-31. EDN BHGEGG.

4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

5. Смирнова А. Ю. Основы организационной психологии: учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по направлению «Психология». Саратов, 2017. 210 с.

The structure of the phenomenon of aggressiveness of convicted men in their supra-situational self-determination

N. V. Lopatina¹

¹Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-134-145

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the relationship between aggression, the peculiarities of supra-situational self-determination of men serving their sentences for the first time and the current year of their sentence. The main result of the work is the proof of the existence of a special dynamics of the structural organization of the studied parameters, characterized by its wave-like character.

Keywords: supra-situational self-determination; aggression; aggressiveness; serving sentences; first-time convicted men; correctional institutions

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lopatina, Nadezhda V. | E-mail: vesy210@mail.ru
Postgraduate

Структура феномена агрессивности осужденных мужчин при их надситуативном самоопределении

Н. В. Лопатина¹

¹Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-134-145
УДК 316.6

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена изучению взаимосвязи между агрессивией, особенностями надситуативного самоопределения впервые отбывающих наказание мужчин и текущим годом отбывания ими наказания. Основным результатом работы является доказательство существования особой динамики структурной организации изучаемых параметров, характеризующейся своим волнообразным характером.

Ключевые слова: психологическая близость; кризис; автономия; совместность; тревога; психотравмирующая ситуация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лопатина, Надежда Владимировна

E-mail: vesy210@mail.ru

Старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, аспирант отдела подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации

Проходящая в настоящий период трансформация уголовной субкультуры делает актуальным исследование её новых поведенческих феноменов среди осужденных в местах заключения [1–3]. Это необходимо для понимания психологии механизмов их формирования и применения в деятельности персонала с целью выполнения регламента учреждений пребывания. Одновременно в местах лишения свободы, где образуется своя среда субкультуры, к пребывающим предъявляются свои требования. В своей антологии эта проблема известна, за исключением её новых феноменов в текущем периоде. В предваряющей части нашего исследования было подтверждено значение вынужденной адаптации к тюремному

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

сообществу, наличие которой вызывает эмоционально-психологическую изоляцию, сопровождающуюся психотравмирующими факторами [4]. Как следствие, возникают специфические для исправительных учреждений формы отклоняющегося поведения, включая повышение уровня агрессивной мотивации. Вследствие этого в подобных обстоятельствах важную роль играет надситуативное самоопределение личности заключенного, поднимающее человека над требованием ситуации, позволяющее ему быть относительно независимым от обстоятельств жизни, помогающее значительно упрощать выбор в условиях неопределенности, одновременно обеспечивая принятие наиболее приемлемых решений, целесообразных стратегий поведения при возникновении проблемных ситуаций, наличии конфликтующих реальностей [5].

Учитывая отмеченное выше, наиболее перспективным направлением впоследствии являлось изучение структурной организации агрессивности, предикторов поведенческих форм ее проявления, особенностей и значения надситуативного самоопределения мужчин, осужденных впервые, зависимость характеристик агрессивности от текущего срока отбывания наказания. Необходимо отметить, что соответствующие изучаемые параметры в их целостности рассматривались в качестве координированной структуры и одновременно базисной категории, между качествами и компонентами которой возникают отношения синергетического характера, обусловленные механизмами интеграции и взаимодейстерионации, что, по нашему мнению, наиболее точно представлено при изучении в логике метасистемного подхода. В связи с этим для исследования их взаимосвязей был использован метод структурно-психологического анализа, разработанный А. В. Карповым, позволяющий определить с помощью коэффициента корреляции Спирмена количественные индексы, установить меру когерентности, дивергентности и общей интегрированности (организованности) совокупности параметров [6–9].

Исследование проводилось на базе исправительной колонии строгого режима региональной системы ФСИН. В качестве объекта изучения выступили впервые осужденные на срок отбывания наказания мужчины в возрасте от 18 до 65 лет.

Для анализа выраженности особенностей и фиксации проявления тенденций агрессивности осужденных мужчин был определен следующий перечень диагностических параметров, возможных для интроспекции: эмоциональная агрессия (опросник Л. Г. Почебут), суммарный показатель позитивной агрессивности субъекта (методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина, П. А. Ковалева), когнитивный компонент агрессии (опросник склонности к агрессии Басса-Перри,

ВРАQ-24 в адаптации С. Н. Ениколопового и Н. П. Цибульского). Также в ходе исследования был применен авторский опросник.

Специфика надситуативного самоопределения личности рассматривалась через следующий перечень диагностических параметров: прогнозирование деятельности (методика определения уровня рефлексивности А. В. Карпова, В. В. Пономаревой), принятие риска (тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева), особенность ситуации в виде неподконтрольности, неясность ситуации, необходимость быстрого активного реагирования, затруднения в принятии решения, трудности прогнозирования ситуации (методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций» Е. В. Битюцкой).

Рассмотрим сравнительный анализ значений индексов структурной организации в различных группах испытуемых в зависимости от отбытого срока наказания в исправительном учреждении (табл. 1). Мы посчитали значимым факт нахождения субъекта выборки в условиях заключения (отбытие назначенного срока на период оценки параметров исследования). В данном случае были выделены три группы осужденных на основе расчета среднего количества лет, проведенных в исправительном учреждении, в интервальных вариационных рядах (оно составило 7 лет), а также принятой многими исследователями периодизации, предполагающей деление срока наказания на три равные части (начальный, основной, заключительный периоды) [10–11].

Таблица 1

Значение индексов структурной организации в подгруппах испытуемых в зависимости от отбытого срока наказания на текущий момент времени

Год отбывания наказания	Индекс когерентности структуры	Индекс дивергентности структуры	Индекс общей организованности структуры
До 2 лет	44	0	44
От 2 до 4 лет	98	13	111
Больше 4 лет	81	10	91

Анализ показателей индексов структурной организации основных исследуемых параметров позволил сделать следующие выводы.

Динамика формирования агрессивности, поведенческих форм ее проявления и характеристик надситуативного самоопределения мужчин в зависимости от уже отбытого ими срока наказания имеет волнообразный характер. При этом показатели индекса общей организованности отличаются высокими значениями для групп испытуемых, отбывших на те-

кущий момент времени в исправительном учреждении срок от 2 до 4 лет. Это дает основания утверждать, что наиболее продуктивным периодом отбывания наказания в плане исправления, формирования правоопослушной модели поведения, повышения эффективности воспитательного процесса является промежуток времени после прохождения начального этапа отбывания наказания. Уменьшение степени структурированности изучаемых параметров на последующем этапе отбывания наказания связано с самим процессом исполнения наказания, негативным влиянием тюремной субкультуры, приобщением к ее нормам и правилам поведения в её среде. Со временем у осужденного происходит пересмотр жизненных планов, усиливается состояние тоски по прежней жизни, включающее повышенную возбудимость и раздражительность. Данные, представленные нами и ранее другими авторами, свидетельствуют, что в современной уголовно-тюремной субкультуре уже после 5–8 лет заключения происходят многие необратимые изменения в психике человека [12]. У осужденных происходит «психологический пересмотр многих ментальных позиций»: жизненных стратегий, многочисленных стереотипов и направленности поведения, а также жизненных замыслов и нравственных ценностей. Эти процессы свидетельствуют о противоречивости внутреннего состояния заключенных к периоду 2–3-го года пребывания в заключении, что отмечается весьма часто в поведении и выборе деятельностных форм реагирования и несоблюдении регламентных требований пребывания, в разнообразии выбираемых осужденными поведенческих стратегий, в которые они включаются в исправительном учреждении [13]. Таким образом, переосознание представлений об образе своего поведения и деятельности в условиях исправительного учреждения ведет в конечном итоге к неустойчивости в поступках и действиях.

Минимальные значения в группе заключенных, отбывших в исправительном учреждении небольшой срок (до 2 лет), обусловлены спецификой восприятия ими начального периода пребывания в заключении. На момент исследования в оценках большинства из них он является наиболее трудным. Образ их неизвестного будущего приводит к возникновению проблем, связанных с идентификацией и самоопределением личности. Лишение свободы «человек заключения» воспринимает как наступление неопределенности, при этом нередко воспринимая себя жертвой несправедливости. Одновременно осужденные приходят к мнению, что они вправе проявлять агрессивность по отношению к другим. С этим также связана проблема нераскаяния и неосознания своей вины за совершенное преступление.

На основе матриц интеркорреляций были построены структурограммы значимо взаимосвязанных параметров (отображены на рис. 1–3).

Жирной линией обозначены корреляции, значимые на $p = 0,01$; полужирной линией – на $p = 0,05$. Пунктирные линии – отрицательные корреляции аналогичных уровней значимости.

Данные структурограмм имеют важное значение для более глубокого анализа и понимания взаимосвязей изучаемых параметров. В этом отношении стоит отметить, что структура форм проявления агрессии у лиц, отбывших в исправительном учреждении на текущий момент времени срок наказания от 2 до 4 лет, является более согласованной, чем у остальных представленных групп. Она является более зависимой, т. е. снижение одних компонентов форм проявления агрессии приводит к снижению других, и наоборот. Иная ситуация наблюдается при изучении структуры агрессивности и поведенческих форм ее проявления. Реализуемые агрессивные реакции способствуют снижению агрессивности. Однако сама агрессивность как свойство личности не является первостепенной причиной возникновения поведенческих нарушений, что может свидетельствовать о повышении роли ситуативных и иных индивидуально-личностных факторов в возникновении агрессивного поведения.

Структура взаимосвязей форм проявления агрессии и характеристик надситуативного самоопределения личности является более организованной у лиц, отбывших в исправительном учреждении на текущий момент времени срок наказания больше 4 лет. Однако повышение организованности структуры тем не менее не означает созидательность в действиях и поступках человека, поскольку в данном случае положительная корреляция является не позитивным, а, наоборот, негативным фактором. Это объясняется следующим образом. Отсутствие эффективного функционирования механизмов когнитивной интеграции в процессах реализации надситуативной активности способствует повышению риска возникновения агрессии. Таким образом, у представителей данной группы согласованное взаимодействие указанных параметров, увеличение роли механизмов, связанных с переоценкой социальной реальности, факторов ее восприятия, провоцирует определенную рассогласованность и противоречивость в поведении. Это впоследствии также может негативно сказываться и на степени координированности форм проявления агрессии, которые становятся менее зависимыми друг от друга.

Меньшая организованность изучаемых параметров представлена в группе осужденных, отбывших на текущий момент времени срок наказания до 2 лет, что обусловлено спецификой протекания адаптационного процесса в стенах исправительного учреждения и, соответственно, присутствием начальному этапу отбывания наказания психическими состояниями индивида.

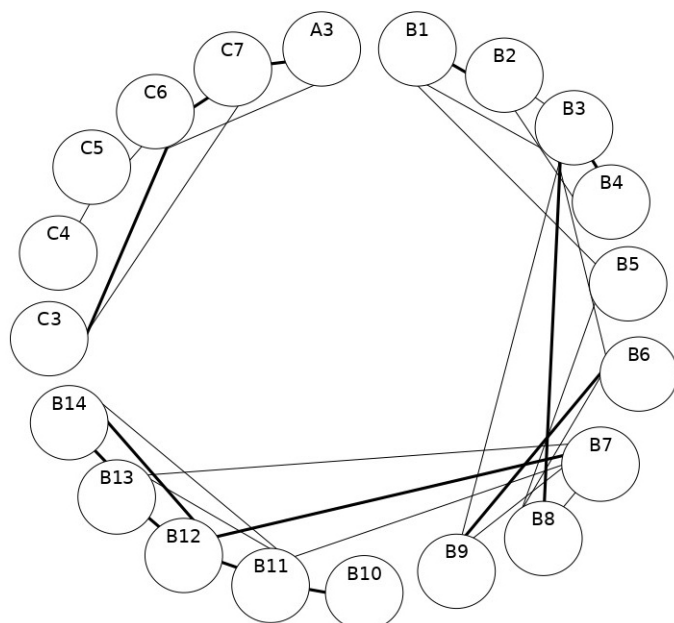

Рис. 1. Коррелограмма изучаемых параметров у лиц, отбывших на текущий момент времени срок наказания до 2 лет

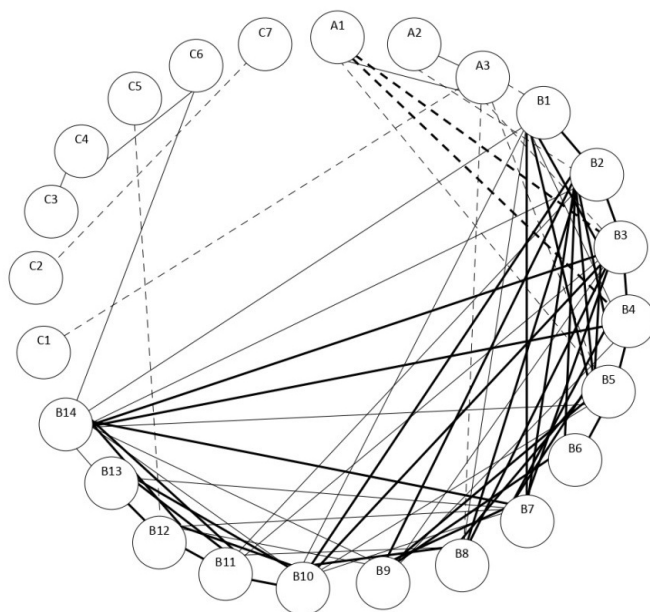

Рис. 2. Коррелограмма изучаемых параметров у лиц, отбывших на текущий момент времени срок наказания от 2 до 4 лет

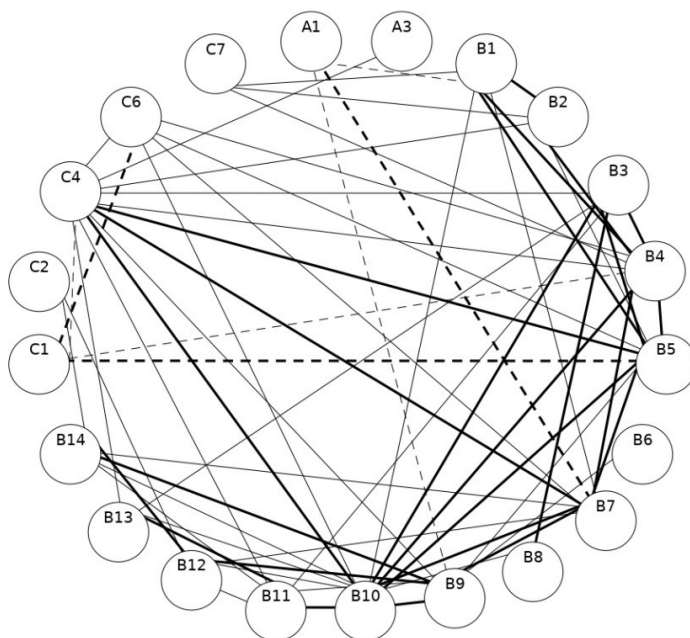

Рис. 3. Коррелограмма изучаемых параметров у лиц, отбывших на текущий момент времени срок наказания больше 4 лет

Условные обозначения: А1 – эмоциональная агрессия; А2 – позитивная агрессивность; А3 – когнитивный компонент агрессии (враждебность); В1 – вспыльчивость (раздражительность); В2 – проявление грубости; В3 – отказ давать определенные словесные пояснения или объяснения; В4 – использование злобных шуток; В5 – желание противостоять другим людям ввиду неприязненного к ним отношения; В6 – нанесение оскорблений; В7 – высказывание угрозы; В8 – участие в распространении сплетен; В9 – отказ разговаривать с человеком, отвечать на его вопросы; В10 – причинение физического вреда другому человеку или группе людей; В11 – сговор с иными лицами для целей нанесения физического вреда другому человеку или группе людей; В12 – сидячая демонстрация как форма отказа подчиняться режиму пребывания в ИУ; В13 – отказ от приема пищи и лекарственных препаратов, от предоставляемой работы и учебы; В14 – причинение материального вреда (повреждение имущества, иных материальных благ) другому человеку или группе людей; С1 – принятие риска; С2 – рассмотрение будущей деятельности; С3 – неподконтрольность ситуации; С4 – непонятность ситуации; С5 – необходимость быстрого активного реагирования; С6 – затруднения в принятии решения; С7 – трудности прогнозирования ситуации.

По отношению к полученным результатам было осуществлено сравнение матриц интеркорреляций на предмет их «гомогенности-гетерогенности» с помощью метода экспресс- χ^2 . В результате использования метода экспресс- χ^2 было обнаружено, что кроме 2 подгрупп осужденных (отбывших наказание сроком до 2 лет и больше 4 лет), где фиксируется отрицательная корреляция, в остальных случаях коэффициенты корреляции между ранговыми распределениями изучаемых параметров по их структурным «весам» являются статистически незначимыми (на уровне $p=0,05$). Следовательно, сравниваемые матрицы интеркорреляций являются различными не только в количественном, но и в качественном отношении, т. е. структурные организации во всех группах являются гетерогенными по содержанию взаимосвязей внутри них. В рассматриваемых случаях констатируются качественные перестройки структур, обуславливающие количественные различия между ними, что отражено в показателях индексов структурной организации.

Таким образом, по результатам проведенного нами исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Для лиц, впервые отбывающих срок заключения, в процессе их самоопределения при выборе поведенческих проявлений в отношениях и коммуникациях существует характерное наличие психологических признаков, поддающихся интроспекции, что создает возможности для диагностирования формирующейся агрессивности. По результатам нашего исследования самоопределение субъектов было представлено в качестве личностного ресурса, интегрированного комплекса когнитивных и эмоциональных составляющих, определяющих особенности восприятия субъектом неблагоприятных жизненных обстоятельств и себя в них, зависящих от имеющихся навыков оперирования ресурсами в определяемой субъектом трудной жизненной ситуации. Выявлена также значимость координации своих действий в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием. Соответственно, на основе этого была принята попытка изучить агрессивность с позиции самоопределения личности посредством элементов, входящих в структуру жизнестойкости, когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации, рефлексивности;

2. Среди выявленных параметров, характеризующих значительную вероятность дальнейшего формирования агрессивности во всей её совокупной субъект-предикативной конструкции, преобладают следующие факторы, обладающие сходным признаком: затруднения в принятии решения; трудности прогнозирования ситуации; неосознание ситуации. Эти факторы обоснованно можно понимать как базисную ядерную

категорию, функция целостности которой действует в направлении над-ситуативного метапсихологического основания дальнейшего поведения, выбора поведенческих решений или форм агрессивности;

3. Полученные данные указывают на актуальность дальнейших исследований значения психологических механизмов функционирования когнитивной сферы осужденных при самоопределении, особо актуальна роль её дефицитарности. В условиях заключения агрессивность осужденных связана с новизной среды пребывания. В этой же связи следует говорить о недостаточности научной изученности данного аспекта, насущной необходимости в понимании детерминации агрессивного поведения в ситуации современной трансформации тюремной субкультуры, потребности приумножения социально-психологических знаний в контексте разъяснения детерминации данного феномена. Рассмотрение когнитивной организации осужденных позволяет учитывать такую психологическую категорию, как субъектность, предполагающую активизацию действий в условиях противоречий, принятие мер по разрешению трудных жизненных ситуаций, стремление самоопределяться в ситуациях неопределенности. В подобных актах индивид реализует усвоенные ранее стратегии взаимодействия с воспринимаемыми людьми, отражает эмоциональный опыт, дает оценку ситуации и себя в ней в том числе. В конечном итоге у него формируется та или иная стратегия самоопределения, которая может включать следующие формы ее реализации: адаптивную, неадаптивную, дезадаптивную. В этой связи наибольший интерес представляют вопросы надситуативной активности индивида (неадаптивная форма), поскольку ввиду своей недостаточной разработанности и изученности возникает необходимость в обосновании подобного стиля мышления в качестве критерия оценки возможности нивелирования и снижения агрессивных реакций;

4. Полученные в исследовании на примере мужского контингента заключенных индексы структурной организации выявленных параметров, характеризующих агрессивность, поведенческие формы ее проявления и надситуативную активность индивида, имеют волнообразный характер в своей динамике. Изменение уровня данных параметров сопряжено со сроком уже отбытого осужденными наказания. Подобная характеристика динамики указывает на неустойчивость её проявления, а также на факт того, что обеспечивающие поведенческую активность её регуляторные механизмы подключаются с неустойчивой поступательностью;

5. Наиболее продуктивным периодом отбывания наказания в плане формирования правопослушной модели поведения, повышения эф-

фективности воспитательного процесса является время после прохождения начального этапа отбывания наказания (после 2 лет нахождения в исправительном учреждении). Исходная закономерность обусловлена, главным образом, особенностями восприятия человеком исправительной среды, ее субкультуры, спецификой адаптационных процессов, индивидуально-личностными особенностями осужденного (высокий уровень нейротизма и психотизма, низкий уровень самоконтроля, акцентуация характера, отсутствие коммуникативной культуры, раздражительность, импульсивность, антисоциальная креативность, негативизм, подозрительность, бедность ценностных ориентаций, эмоциональная грубость и т.д.), трансформацией нравственных императивов, лежащих в основе большей части сознательных поведенческих актов;

6. В качестве направлений трансформаций современной тюремной субкультуры наблюдаются качественные перестройки структуры параметров, характеризующих агрессивность, новые поведенческие формы ее проявления и надситуативную активность осужденных мужчин, отбывающих разные назначенные судебным решением сроки наказания в исправительном учреждении.

Ссылки

1. Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 215 с.

2. Белобородов Д. В. Маргинальный статус криминальной субкультуры и его трансформация в современной социальной среде // Известия Института систем управления СГЭУ. 2020. № 1. С. 6-9. EDN BANHBH.

3. Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 30 с.

4. Назаров В. И., Лопатина Н. В., Турчин А. С. Проблемность диагностики и контроля предикторов агрессивного поведения осужденных в местах отбывания наказания // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего: материалы I Международной научно-практической конференции, Донецк, 20 апреля 2022 года. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. С. 141–147.

5. Никитина Н. Н. Становление культуры профессионально-личностного самоопределения учителя. М.: Прометей, 2002. 314 с.

6. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. 744 с. EDN XXOLTN.

7. Карпов А. В. Структурно-уровневая организация индивидуальных качеств личности // Ярославский психологический вестник. 2020. № 2(47). С. 6-13. EDN AFBPVA.

8. Карпов, А. В. Психология деятельности : в 5 томах. Том 5. Москва : Издательский дом РАО, 2015. 528 с. EDN VBNKSL.

9. Карпов, А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. Москва : Ин-т психологии РАН, 2004. 504 с. . EDN QXSFZH.

10. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология. Рязань: Академия права и управления Министерства юстиции России, 2003. 758 с.

11. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Начальный и заключительный этапы отбывания лишения свободы: проблемы концептуального определения // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26, № 2. С. 148-153. EDN XRVBCH.

12. Аминев Г. А., Аминев Э. Г., Сафронов В. П. Инструментарий пенитенциарного психолога / Уфим. фил. фак. психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Уфа: УЮИ, 1997. 168 с.

13. Основы психологии исполнения уголовных наказаний / В. Г Деев, Е. Н. Казакова, И. В Михалева, А. В Наприс. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001. 347 с.

Meaningful manifestations of types of sensitivity to humans among students of psychological and pedagogical areas of training

O. V. Smirnova¹, E. A. Lovkova¹

¹Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-146-155

Research article
Full text in Russian

Sensitivity to another person is one of the most important personal and professional competencies of students of psychological and pedagogical areas of training. During the empirical study it has been established that along with a sensitive type (where all components of sensitivity appear at a high level), more often than others, students of psychological and pedagogical areas of training have an emotional-altruistic type, which indicates an insufficient development of interest in another and understanding a person, as well as an intuitive type that is associated with difficulties in understanding the inner world of another. In addition, an insensitive type often manifests itself, representatives of which demonstrate an insufficient level of formation of all components of sensitivity to humans. The results obtained can be used in organizing educational work at the university, as well as in the process of developing special programs to form sensitivity to another person among future teachers and psychologists.

Keywords: human sensitivity; human interest; empathy; understanding; assistance; types of human sensitivity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smirnova, Olga V. | E-mail: ovsmirnova@chsu.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Lovkova, Ekaterina A. | E-mail: ekaterina_lovkova@mail.ru

Содержательные проявления типов чувствительности к человеку у студентов психолого-педагогических направлений подготовки

О. В. Смирнова¹, Е. А. Ловкова¹

¹Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-146-155
УДК 37.015.31

Научная статья
Полный текст на русском языке

Чувствительность к другому человеку выступает одной из важнейших личностно-профессиональных компетенций студентов психолого-педагогических направлений подготовки. В соответствии с этим особую актуальность приобретает проблема изучения факторов, определяющих чувствительность к человеку. В ходе эмпирического исследования установлено, что наряду с чувствительным типом (где все компоненты чувствительности проявляются на высоком уровне) чаще других у студентов психолого-педагогических направлений подготовки встречаются эмоционально-альтруистический тип, который свидетельствует о недостаточном развитии интереса к другому и пониманию человека, а также интуитивный тип, который связан со сложностями в понимании внутреннего мира другого. Кроме того, нередко проявляется и нечувствительный тип, представители которого демонстрируют недостаточный уровень сформированности всех компонентов чувствительности к человеку. Полученные результаты могут быть использованы при организации учебно-воспитательной работы в вузе, а также в процессе разработки специальных программ по формированию чувствительности к другому человеку у будущих педагогов и психологов.

Ключевые слова: чувствительность к человеку; интерес к человеку; эмпатия; понимание; помощь; типы чувствительности к человеку

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова, Ольга Валериевна | E-mail: ovsmirnova@chsu.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

Ловкова, Екатерина Александровна | E-mail: ekaterina_lovkova@mail.ru
Старший преподаватель кафедры психологии

Введение

В современном обществе особую важность и значимость приобретает проблема подготовки специалистов психолого-педагогического профиля. Изменения, происходящие в системе образования, требуют от будущих специалистов помогающих профессий развития определенных личностно-профессиональных компетенций. Развитие этих компетенций – важнейшая задача подготовки таких специалистов.

Одной из главных личностно-профессиональных компетенций будущих психологов, педагогов можно назвать сензитивность (чувствительность) к другому человеку. Т. П. Маралова характеризует сензитивность (чувствительность) к человеку как личностную характеристику, проявляющуюся в способности индивида выделять другого человека как значимого субъекта взаимодействия, не испытывая к нему антипатий или безразличия [1]. По её мнению, чувствительность к человеку включает в себя интерес к другому человеку, эмпатию, понимание и помощь.

Базовым, мотивационно-ценностным компонентом чувствительности к другому выступает интерес к человеку, так как без него, скорее всего, остальные компоненты чувствительности к человеку будут неискренними и побуждаться корыстными мотивами [1]. Е. Н. Кузнецова также рассматривает интерес к человеку как ценностный базис для педагогического взаимодействия [2]. В. С. Юрасов отождествляет социальный интерес со способностью интересоваться и чувствовать другого человека, с желанием взаимодействовать с ним [3]. В диссертационном исследовании Г. Ф. Тулитбаевой социальный интерес студентов – будущих психологов – выступает условием преодоления отчужденности во взаимодействии с людьми [4].

Эмоциональным компонентом чувствительности к другому человеку является эмпатия, которая может выражаться в форме сопереживания и сочувствия. И. Г. Лаверычева рассматривала взаимосвязь показателей эмпатийной чувствительности с показателями альтруизма и эгоизма и выяснила, что крайне низкой чувствительностью обладают выраженные эгоисты [5]. В свою очередь, С. А. Михалкина, говоря о взаимосвязи эмпатии и жизнестойкости студентов педагогического вуза, утверждает, что чем выше уровень эмпатии, тем ниже уровень жизнестойкости [6]. Е. В. Мельник отмечает, что существует положительная корреляционная связь между эмпатией и профессиональной коммуникативной компетентностью будущих педагогов-психологов [7].

Когнитивным компонентом чувствительности к человеку является понимание человека человеком. Традиции изучения данного феномена связаны с именем А. А. Бодалева [8]. Наивысшей формой понимания че-

ловека выступает психологическая проницательность как способность к быстрому и полному проникновению во внутренний мир другого человека. Т. Б. Юшачковой установлено, что с различными показателями успешности в понимании других людей может сочетаться ценность умения прощать. Автором было выявлено, что высокая оценка своей способности к пониманию людей у студентов, для которых умение прощать имеет большую ценность, сочетается с доброжелательностью и терпимостью по отношению к ним, способностью к совершению бескорыстных поступков, а также уверенностью в себе [9].

Поведенческим компонентом чувствительности к человеку является помощь. Цель помогающего поведения состоит в возвращении человека, испытывающего затруднения, в «исходное» состояние или состояние лучше исходного. В работе Ю. В. Ковалевой было установлено, что способности понимать свои и чужие эмоции и управлять ими способствуют оказанию помощи из альтруистических мотивов, что свидетельствует о том, что эмоциональный интеллект может выступать как фактор помогающего поведения [10]. На сегодняшний день в науке в большей степени распространено понятие «просоциальное поведение». В работе П. А. Кислякова и его коллег было установлено, что доминирующими моральными основаниями и нормами просоциального поведения молодых людей выступают нормы заботы, справедливости, социальной ответственности. Кроме того, безопасность просоциального поведения молодежи обеспечивается соблюдением групповых правил и отсутствием эгоистичных ожиданий взаимности [11].

Таким образом, чувствительность к человеку как профессионально значимая компетенция будущих психологов и педагогов состоит из четырех взаимосвязанных компонентов, таких как интерес к человеку, эмпатия, понимание и помощь. Данные компоненты чувствительности к другому человеку могут быть неодинаково выражены у разных людей, иметь различные сочетания, в том числе и у студентов психолого-педагогических направлений подготовки.

Методы и результаты исследования

В 2022/23 учебном году на базе Череповецкого государственного университета нами было проведено исследование, целью которого стало выявление и описание типов чувствительности к человеку, в основе которых лежит сочетание ее структурных компонентов (интерес к человеку, эмпатия, понимание и помощь). Всего в исследовании приняли участие 178 студентов психолого-педагогических направлений подготовки Череповецкого государственного университета.

В качестве конкретной методики выступил опросник на выявление чувствительности к человеку (В. Г. Маралов, Т. П. Маралова), который представляет собой перечень из 20 вопросов-утверждений – по 5 вопросов на каждый структурный компонент чувствительности к человеку. Оценка по каждому параметру варьировалась от 0 до 5 баллов. За высокий уровень принимались баллы от 4 до 5, за средний – 3, за низкий – от 0 до 2.

При описании содержательных проявлений типов чувствительности к человеку у студентов психолого-педагогических направлений подготовки мы использовали метод включенного наблюдения. Наблюдение нами проводилось в рамках учебных занятий (в рамках конкретных дисциплин: «Тренинг профессиональной идентичности» и «Программа личностного и профессионального развития»). Также были важны результаты личных наблюдений (при осуществлении функций куратора студенческих групп) за поведением студентов в повседневной жизни, во внеучебной деятельности, при организации различных воспитательных мероприятий и т. д.

Перейдем к описанию результатов исследования, полученных с помощью опросника на выявление компонентов чувствительности к человеку (В. Г. Маралов, Т. П. Маралова) (табл.1.)

По сочетанию четырёх компонентов чувствительности к другому человеку (интереса к человеку, эмпатии, понимания и помощи) в целом можно выделить шестнадцать типов студентов. Как видно из табл. 1, четыре типа чувствительности к человеку у студентов встречаются чаще других. Представим краткую содержательную характеристику студентов этих типов.

Большая часть студентов (16,3 %) имеют высокий уровень развития таких компонентов чувствительности к другому человеку, как эмпатия и помощь, поэтому назовём этот тип эмоционально-альтруистический. Интерес к другому человеку и понимание у представителей данного типа сформированы на низком или среднем уровне. В. Г. Маралов обращает внимание на то, что интеграция эмпатии и помощи проявляется в содействии [12]. Отметим, что эмпатия проявляется в умении сопереживать и сочувствовать другому человеку. Помогательное поведение характеризуется действиями, которые совершаются с целью принести пользу другому человеку. Представители этого типа эмоционально включаются в другого человека, готовы оказать ему необходимую поддержку и помощь, однако истинного интереса к другому человеку не проявляют.

Таблица 1

**Типы чувствительности к человеку у студентов
психолого-педагогических направлений подготовки, %**

Компоненты чувствительности к человеку				%
Интерес к человеку	Эмпатия	Понимание	Помощь	
-	+	-	+	16,3
+	+	+	+	12,9
+	+	-	+	10,7
-	-	-	-	9,6
-	+	-	-	7,3
-	-	-	+	6,2
-	+	+	+	5,6
+	-	-	+	5,6
+	-	+	+	4,5
+	+	-	-	4,5
-	-	+	-	3,4
-	-	+	+	3,4
-	+	+	-	3,4
+	+	+	-	2,8
+	-	-	-	2,8
+	-	+	-	1,1
				100

Примечание: Знаком «+» обозначен высокий уровень развития того или иного структурного компонента чувствительности к другому человеку, знаком «-» – средний и низкий уровень сформированности компонента.

Мария Н. Выполняет роль старосты академической группы. К любым поручениям, просьбам и заданиям относится добросовестно, ответственно. Эмоционально отзывчива, эмпатию проявляет по отношению как к сверстникам, так и к преподавателям. Внешне демонстрирует альтруистичность, всегда готова прийти на помощь. Однако помогающее поведение носит скорее должностной характер, является неискренним. Незаинтересованность другими проявляется в частой смене партнёров по общению. Видно ее желание обратить внимание группы на себя. В рамках дисциплины «Тренинг профессиональной идентичности» проявляет активность, часто изъявляет желание быть ведущей в упражнениях, играет роль лидера, при этом заинтересована прежде всего в получении высокой оценки в свой адрес и в повышении рейтинговой оценки.

12,9 % студентов относятся к чувствительному типу, так как имеют высокий уровень сформированности всех четырёх компонентов чувствительности к человеку. Представители этого типа проявляют искренний интерес к другому человеку. Таким людям действительно интересен другой человек как личность, как индивидуальность. Они способны чувствовать человека, сопереживать другому; понимать мотивы поведения другого человека, давать интерпретацию и объяснять действия оппонента. Кроме того, они готовы помочь другому человеку. Особую значимость феномен чувствительности к человеку приобретает в профессиях, связанных с оказанием помощи людям. У педагогов, психологов чувствительность к человеку должна выступать в качестве ведущей профессиональной компетенции.

Александра П. В общении со сверстниками и преподавателями приветлива, отзывчива, вежлива. Доброжелательно относится к окружающим, легко идет на контакт даже с незнакомыми людьми. В студенческой группе является неформальным лидером, способна гармонизировать отношения. Искренне альтруистична, всегда готова прийти на помощь, способна поддержать, дать совет в трудной ситуации. Проявляет заинтересованность к каждому человеку, внимательна к настроению окружающих. Очень тонко чувствует окружающих, подмечает малейшие изменения в эмоциональном фоне. В тренинговых процедурах активно взаимодействует с группой, проявляет интерес, разряжает обстановку и предотвращает потенциальные конфликты в студенческой группе.

Следующий тип студентов (10,7 %) проявляется интересом к другому человеку. Такие люди готовы эмоционально «включаться» в состояние другого, содействовать ему, проявлять альтруизм, но им сложно понять человека, поэтому назовём данный тип интуитивным. В. Г. Маралов обращает внимание на то, что сопереживать другому человеку или оказать ему ка-

кую-либо помощь гораздо легче, чем понять внутренний мир другого, мотивы его поведения и поступков, намерения и планы [12]. Человеку с низким уровнем развития понимания трудно анализировать эмоциональные и поведенческие особенности другого человека, а также интерпретировать причины, которые способствовали тем или иным поведенческим и личностным проявлениям. Причинами может быть недостаточный жизненный опыт, скудный опыт общения и взаимодействия с людьми, низкий уровень рефлексивности у студентов.

Екатерина Ш. Во взаимодействии с окружающими проявляет большую заинтересованность. Всегда добра и непосредственна по отношению к одноклассникам и преподавателям. Проявляет эмоциональную включенность, способна к сопереживанию и сочувствию. Искренне желает прийти на помощь. Однако при высокой активности в адрес собеседника иногда может получить неодобрение своих действий из-за непонимания ситуации взаимодействия. Вступая в диалог с другим человеком, не всегда ориентируется в обстоятельствах. В рамках тренинговых занятий испытывает сложности в процессе рефлексии. Сама студентка признает трудности в понимании другого человека.

Низкий или средний уровень сформированности всех четырёх компонентов чувствительности к человеку продемонстрировали 9,6 % от общей выборки студентов, мы их отнесли к нечувствительному типу. Представители этого типа не проявляют интерес к другому человеку либо делают его объектом своего внимания неискренне. Проявлять эмпатийность, сопереживать другому такой человек не может. Представители этого типа не могут понять мотивы поведения другого человека, не способны дать интерпретацию и объяснить действия оппонента. Поведенческий компонент, проявляющийся в форме конкретных действий, также отсутствует либо слабо выражен. Такие люди не стремятся помочь другому человеку.

Екатерина Б. В группе чаще находится одна, дружеских взаимосвязей в студенческой группе практически не имеет. Редко проявляет активность, без особого желания выступает перед аудиторией, сдержана в контактах. Чаще демонстрирует неприятие других, отсутствие интереса к собеседнику. Однако в ситуациях выбора бывает способна на проявление своей позиции. В рамках дисциплины «Тренинг профессиональной идентичности» иногда отказывалась от упражнений, не выполняла инструкцию, была абсолютно не включена в рабочий процесс.

Заключение

Таким образом, по сочетанию четырёх компонентов чувствительности к другому человеку (интереса к человеку, эмпатии, понимания и помощи)

и уровня их развития можно выделить шестнадцать типов студентов. Однако четыре из них представлены в большей степени. Так большая часть студентов относится к типу эмоционально-альтруистической; они имеют высокий уровень развития таких компонентов чувствительности к другому человеку, как эмпатия и помощь. К чувствительному типу относятся те студенты, которые имеют высокий уровень развития всех четырёх компонентов чувствительности к человеку. Интуитивный тип студентов проявляется высоким уровнем развития всех компонентов чувствительности к человеку, кроме когнитивного (понимания человека человеком). Нечувствительный тип студентов характеризуется низким или средним уровнем развития всех четырёх компонентов чувствительности к человеку. Проведенное исследование позволило также описать содержательные проявления типов чувствительности к человеку у студентов психолого-педагогических направлений подготовки.

В качестве перспективы дальнейшего исследования мы видим изучение взаимосвязи чувствительности к человеку с другими характеристиками (личностными, коммуникативными и др.) у студентов психолого-педагогических направлений подготовки.

Кроме того, результаты исследования свидетельствуют о необходимости целенаправленного формирования чувствительности к другому у студентов психолого-педагогических направлений подготовки. При этом необходимо создать специальные условия для развития у студентов непосредственного, активного интереса к внутреннему миру другого человека. Также очень важно разработать действенные меры для развития у студентов умения понимать другого человека, анализировать и интерпретировать мотивы поведения и эмоциональные реакции другого человека.

Ссылки

1. Маралова Т. П. Психологическая структура сензитивности к человеку // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 5. С. 30–33.
2. Кузнецова Е. Н. Интерес к человеку как ценностное основание педагогического взаимодействия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. №. 121. С. 124–127.
3. Юрасов В. С. Благотворительность и социальный интерес: определения и взаимосвязь // Вестник Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина 2010. № 891. С. 110–115.
4. Тулитбаева Г. Ф. Социальный интерес как условие преодоления отчужденности в межличностных отношениях у студентов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2019. 24 с.

5. Лаверьчева И. Г. Влияние эмпатии на проявления альтруизма и эгоизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 65–74.
6. Михалкина С. А., Анисимова К. С. Исследование взаимосвязи эмпатии и жизнестойкости студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-2. С. 382-385. EDN PFUUSY.
7. Мельник Е. В. Влияние эмпатии на формирование профессиональной коммуникативной компетентности будущих педагогов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007. 23 с.
8. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
9. Юшачкова Т. Б. Взаимосвязь понимания другого человека и ценности умения прощать у студентов // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 110-126. DOI 10.17759/sps.2018090208.
10. Ковалева Ю. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и мотивов помогающего поведения студентов // В мире научных открытий. 2013. № 9-2 (45). С. 78–92.
11. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Александрович М. О. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 116–138.
12. Маралов В. Г., Романюк Л. В. Влияние чувствительности к человеку на принятие позиций взаимодействия студентами // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 180–195.

Psychology students intrapersonal conflicts (sources and forms) at the stages of university education

M. V. Bashkin¹, O. A. Bakhvalova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-156-162

Research article
Full text in Russian

The article reveals certain aspects of the problem of psychological well-being of students. Using the example of psychology students, the phenomenon of intrapersonal conflict is considered as one of the factors influencing the effectiveness of educational activities at a university.

The authors present the results of a study of the specifics of intrapersonal conflicts among psychology students and the characteristics of their transformation of intrapersonal conflicts at the stages of studying at a university. The frequency of occurrence of intrapersonal conflicts among students in various spheres of life was determined. The dynamics of development of the studied type of intrapersonal conflicts of students has been revealed. The individual personality traits of students associated with their intrapersonal conflicts are described.

Keywords: intrapersonal conflict; psychology students; educational activities; stages of university education

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bashkin, Mikhail V. | E-mail: 280784@list.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Bakhvalova, Olga A. | E-mail: oashl@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Об источниках и формах внутриличностных конфликтов студентов-психологов на этапах обучения в вузе

М. В. Башкин¹, О. А. Бахвалова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-156-162
УДК 159.9.072.59

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья раскрывает отдельные аспекты проблемы психологического благополучия студентов. На примере студентов-психологов рассматривается феномен внутриличностного конфликта как одного из факторов, влияющих на эффективность образовательной деятельности в вузе.

Авторами приведены результаты исследования специфики внутриличностных конфликтов у студентов-психологов и особенностей их трансформации на этапах обучения в вузе. Определена частота возникновения у студентов внутриличностных конфликтов в различных жизненных сферах. Выявлена динамика развития исследуемого типа конфликтов студентов. Описаны индивидуальные свойства личности студентов, связанные с их внутриличностными конфликтами.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт; студенты-психологи; образовательная деятельность; этапы обучения в вузе

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Башкин, Михаил Валерьевич | E-mail: 280784@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии

Бахвалова, Ольга Алексеевна | E-mail: E-mail: oashl@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии

Введение

Повышение количества случаев влияния психического состояния студента на процесс обучения требует особого внимания, и в данной статье предпринята попытка раскрыть основные особенности внутриличностного конфликта как одного из факторов, влияющих на эффективность образовательной деятельности в вузе (на примере студентов-психологов).

Конфликт – это всегда острый способ решения противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия или внутри одного субъекта. Внутриличностный конфликт является одним из видов конфликта и характеризуется состоянием дисбаланса между потребностью личности в достижении значимых для нее ценностей и реальной возможностью такого достижения.

Методология

Исследованию проблемы внутриличностных конфликтов и конфликтной компетентности студентов посвящены работы Г. И. Железовской [1], М. М. Кашапова [2], Л. Б. Кузнецовой [3], Е. Ю. Лойченко [4], О. Е. Никуленковой [5], Е. Б. Фанталовой [6]. Их исследования касаются прежде всего причин, форм проявления и динамики внутриличностных конфликтов в студенческий период жизни. Вместе с тем вопросы эффективного управления внутриличностными конфликтами студентов, на наш взгляд, раскрыты в современных исследованиях недостаточно и требуют дальнейшего изучения.

Внутриличностный конфликт может затрагивать все уровни структуры личности – от биологического до уровня духовно-нравственных свойств. На каждом из уровней данный конфликт может вносить дисбаланс и рассогласование [7–8]. Наличие внутреннего конфликта у студента не только влияет на его психоэмоциональное состояние, но и приводит к нарушениям взаимодействия с образовательной средой, снижает уровень когнитивных процессов, препятствует проявлениям любознательности и креативности и оказывает отрицательное влияние на адаптацию и академическую успеваемость. Кроме того, при наличии внутреннего конфликта студент теряет ресурсы, необходимые для поддержания мотивации образовательной деятельности на необходимом уровне.

Студент под влиянием выраженного внутриличностного конфликта чаще всего имеет высокий уровень стресса и тревоги, что оказывает воздействие не только на него самого, но и на его окружение (на студенческую группу и преподавателей). В совокупности с академическим стрессом внутренний конфликт становится очень опасным фактором. В последнее время особое внимание уделяется проблеме психического здоровья обу-

чающихся. В период с 2000 по 2019 г. число лиц в возрасте до 18 лет, признанных инвалидами по психическим и поведенческим расстройствам, увеличилось более чем на 200 % (данные Росстата). Студенты в эту статистическую выборку тоже попадают, и, следовательно, любые факторы, влияющие на их психологическое благополучие, должны рассматриваться в контексте организации эффективного психологического сопровождения в образовательном учреждении.

Подчеркнем, что студентам-психологам, в силу специфики будущей профессиональной деятельности, необходим не только набор профессионально важных качеств, но и определенный уровень психологического благополучия, позволяющий осуществлять деятельность без ущерба себе и другим участникам профессионального взаимодействия.

Целью данного исследования являлось выявление специфики внутриличностных конфликтов у студентов-психологов и особенностей трансформации данных конфликтов на этапах обучения в вузе.

Общая гипотеза исследования: динамические характеристики внутриличностных конфликтов студентов-психологов определяются изменением уровня выраженности данных конфликтов и трансформацией их содержания в процессе обучения в вузе.

Частные гипотезы:

1. Достоверные различия в уровне выраженности внутриличностных конфликтов характерны только для студентов-психологов, обучающихся на первом и четвертом курсах бакалавриата;

2. Жизненные сферы «Любовь» и «Материально-обеспеченная жизнь» являются наиболее конфликтными для студентов-психологов всех курсов обучения как в аспекте частоты возникновения в них внутриличностных конфликтов, так и в аспекте остроты протекания данных конфликтов в указанных жизненных сферах.

В эмпирическом исследовании приняли участие 140 студентов бакалавриата 1–4 курсов факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова в возрасте от 17 до 21 года. Контрольная выборка в количестве 85 испытуемых была представлена респондентами в возрасте от 17 до 21 года, не являющимися студентами и не имеющими высшего образования.

Психодиагностический инструментарий исследования составили: комплекс методик Е. Б. Фанталовой «Диагностика внутреннего конфликта» (методики «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» и «Семь состояний») и методика «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик.

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием метода ранговой корреляции r-Спирмена, U-критерия Манна–Уитни, T-критерия Вилкоксона. Для обработки данных были использованы программы Excel и Statistica.

Результаты

В ходе проведения исследования нами установлено значимое различие в уровне проявления внутриличностного конфликта у студентов и представителей контрольной выборки: уровень внутриличностного конфликта у студентов значимо выше ($p < 0,05$). Выявленные нами внутриличностные конфликты у студентов в сферах «Любовь» и «Материально-обеспеченная жизнь» можно объяснить рядом причин. Студенты бакалавриата являются представителями юношеского возраста, и в этом возрастном периоде, несомненно, усиливается актуальность вопросов межполовых отношений и приобретения материальной независимости. Решение данных вопросов неизбежно сопряжено с трудностями и наличием различных фрустрирующих ситуаций, что и приводит к усилению у студентов внутриличностной конфликтности.

Установлена динамика развития внутриличностных конфликтов студентов. Достоверные различия в уровне выраженности внутриличностных конфликтов выявлены только у студентов первого и четвертого курсов бакалавриата. Данные этапы обучения разделяет достаточно большой временной интервал, и они являются по своему содержанию переходными. Первый курс – переходный для смены социального статуса «школьник» на социальный статус «студент», четвертый курс – переходный для смены статуса «бакалавр» на новый учебный статус «магистрант» (для студентов, желающих продолжить обучение в вузе) и статус, связанный с профессиональной принадлежностью (дипломированный психолог).

Нами выявлено, что уровень проявления внутриличностных конфликтов у студентов-психологов четвертого курса значимо выше, чем у первокурсников ($p < 0,01$). В ожидании предстоящих выпускных аттестационных испытаний у студентов четвертого курса происходит процесс оценивания своих способностей, при этом субъективная доступность многих жизненных сфер снижается, что и повышает, в свою очередь, уровень внутриличностной конфликтности у них.

Выявлены обратные корреляции внутриличностного конфликта студентов с индивидуально-типологическими свойствами, предполагающими активное поведение: экстраверсия ($r = -0,23$; $p < 0,05$), спонтанность ($r = -0,21$; $p < 0,05$). В свою очередь, индивидуально-типологические свойства, связанные с низким уровнем активности и тормозящие её, имеют

прямую корреляцию с внутриличностным конфликтом студентов: тревожность ($r=0,24$; $p<0,05$), интроверсия ($r=0,19$; $p<0,05$), ригидность ($r=0,21$; $p<0,05$).

У студентов третьего курса выявлена обратная корреляция внутриличностного конфликта в сфере «Уверенность в себе» и шкалой лжи по методике «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик ($r=-0,55$ при $p<0,05$). Возможно, студенты третьего курса некой неискренностью в своих ответах хотели скрыть имеющийся внутриличностный конфликт в сфере «Уверенность в себе» и показаться более зрелыми. Эту корреляцию мы связываем с желанием студентов третьего курса утвердиться как в личностном аспекте, так и в профессиональном отношении и вместе с тем с осознанием недостаточности своих ресурсов для достижения данной цели.

Выводы

Исходя из полученных результатов исследования, можно выделить несколько путей работы с внутренними конфликтами студентов-психологов. Первый путь – позволить этим конфликтам существовать отдельно от академической среды, чтобы каждый студент разрешал данные конфликты самостоятельно. Второй путь – реагировать, когда конфликт уже зашёл достаточно далеко и стал очевиден (например, с помощью психологической службы университета). Третий путь – своевременно оценивать (диагностировать) уровень внутриличностного конфликта у студента и работать с ним в рамках психологического сопровождения. Очевидно, что третий путь наиболее предпочтителен и требует изучения специфики внутриличностных конфликтов в динамике на этапах обучения в вузе. Главной задачей в этом случае становится определение тех общих «точек», на которых внутриличностные конфликты у студентов приобретают наиболее выраженные формы, и выстраивание системы психологического сопровождения с учетом полученных данных.

Ссылки

1. Железовская Г. И., Нагирнер И. И. Внутриличностные конфликты, формы их проявления и симптомы // Социальный мир человека. Вып. 6: Материалы шестой международной практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире», 14–16 апреля 2016 г. / под ред. Н. И. Леонова. Ижевск: ERGO, 2016. С. 41–44.
2. Психология конструктивной конфликтности личности / Н. В. Гришина, А. В. Карпов, В. И. Панов [и др.]. Ярославль : ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Индиго», 2013. 336 с. EDN VWCCGB.

3. Кузнецова Л. Б. Особенности проявления внутриличностных противоречий в процессе профессионального становления студентов вуза: автореф. дис. ...канд. психол. наук. Белгород, 2005. 23 с.

4. Лойченко Е. Ю., Морозова О. В. Внутриличностные конфликты студентов – будущих психологов // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы второй Всероссийской студенческой научно-практической конференции по психологии с международным участием / под общ. ред. Е. В. Прокиной. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. С. 30–32.

5. Никуленкова О. Е. Гендерные особенности внутриличностных конфликтов в студенческом возрасте и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2009. 23 с.

6. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 128 с.

7. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб., 1997. 240 с.

8. Shakirova G. F. Intrapersonal gender role conflict of self-actualized personality // World Applied Sciences Journal. 2014. 30 (4). P.460–462.